

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.

В ПЯТИ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 4

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 сентября 2017 г.

В пяти частях
Часть IV

Белгород
2017

УДК 001
ББК 72
С 69

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

С 69 **Социально-гуманитарные проблемы современности** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2017 г.: в 5 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть IV. – 150 с.

ISBN 978-5-6040021-1-7
ISBN 978-5-6040021-5-5 (Часть IV)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные проблемы современности», состоявшейся 30 сентября 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам развития юридических наук, политологии, государственного и муниципального управления.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Авдонина К.М.</i> КОНТРОЛЬ ЗА ЛИЦАМИ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	6
<i>Андриянова Н.В.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	10
<i>Анфиногенова К.В.</i> КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В РОССИИ	13
<i>Бабаджанян Л.Г., Рубанов С.А.</i> РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	16
<i>Баянова Н.С.</i> ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ...	19
<i>Бордюгов Г.Л.</i> ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО ОЦЕНКА.....	24
<i>Буклинов Н.А.</i> СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ: ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ.....	27
<i>Бутырская А.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫМ ОРГАНАМ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	29
<i>Вермеенко А.В.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА	33
<i>Герасимова Е.Д.</i> ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	36
<i>Денисова М.А., Рубанов С.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	40
<i>Дмитроченко М.С., Рубанов С.А.</i> ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ	42
<i>Исазаде Э.Э.</i> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	45
<i>Кадиева З.Т.</i> ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИИ	51
<i>Караева А.А.</i> ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	55

Клюев А.А.	
К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ И БАЛТИИ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ, ИСКЛЮЧАЮЩЕМ ПРЕСТУПНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ	58
Коломацкая Е.И.	
ПИРОМАНИЯ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	61
Коломацкая Е.И.	
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОТСТАВАНИЕ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОЕ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ»	64
Кочнева А.А.	
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ.....	66
Кун Д.Е.	
ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ	70
Логвинова Е.В., Половинко К.В.	
ЖИВОТНЫЕ КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ	75
Лягин К.А.	
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	77
Мижурин М.А.	
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОРПОРАТИВНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО	80
Муравьев Е.В., Чекалин А.В.	
ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ	83
Неволина Е.Д.	
СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	89
Неражева Г.А., Рубанов С.А.	
О НАЛИЧИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ У МЕДИАТОРА	93
Осинцова М.В., Тишкина Н.В., Гребенюк О.А.	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	96
Осодоева Н.В.	
ВОЗМОЖНО ЛИ ИССЛЕДОВАТЬ ДАННЫЕ О ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ?	98
Петрушенко В.В.	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ	101
Пешков Д.В.	
К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ	105
Прокопенко А.И.	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ.....	108
Сороколетова М.А.	
СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	111

<i>Удовидченко Е.А., Рубанов С.А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	114
<i>Цыцылина Т.Л.</i>	
К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОРМ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ.....	117
СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»	120
<i>Головченко А.В.</i>	
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ О СООТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	120
<i>Звягина Д.А.</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	124
<i>Изместьев И.И., Потепалов А.К.</i>	
РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ США И РФ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	127
<i>Элибегова А.Г.</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА.....	133
СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ».....	138
<i>Межлумян Н.С., ПолUTOва М.А.</i>	
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ	138
<i>Теплова Я.Н.</i>	
ТЕХНОЛОГИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПРАКТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РЕЗЕРВИРОВАНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ.....	141
<i>Хасаева Е.Я.</i>	
ЭТНОПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	144
<i>Шаброва В.И.</i>	
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВЫСТАВОЧНО-КОНГРЕССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА.....	147

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

КОНТРОЛЬ ЗА ЛИЦАМИ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Авдониная К.М.

магистрант, Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются проблемы контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы условно-досрочно. В настоящее время в России отсутствует специализированный орган по контролю за поведением лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания. В работе обосновывается, что в отношении военнослужащих такой контроль должен осуществляться командованием воинских частей и учреждений, а в отношении других освобожденных лиц – уголовно-исполнительными инспекциями.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; контроль за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; уголовно-исполнительные инспекции.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания имеет свои характерные черты. С одной стороны, оно касается лиц, представляющих наименьшую опасность, так как данный институт применяется лишь к тем, кто, по мнению суда, не нуждается для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания, т.е. к положительно характеризующимся осужденным. Возможность рецидива преступлений с их стороны существенно меньше. С другой стороны, эти лица освобождены досрочно, вследствие чего подготовка к их освобождению могла не проводиться.

Большой проблемой остается то, что на сегодняшний день в России так и не создан специализированный орган по контролю за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно, правомочный инициировать перед судом вопрос об отмене условно-досрочного освобождения от наказания (ч. 6 и 7 ст. 79 УК). Возможно, именно этим объясняется то, что условно-досрочное освобождение отменяется судами в основном только в связи с применением ст. 70 УК, т.е. при совершении освобожденными от наказания лицами новых преступлений. Не имеется особого органа, нет контроля, нет и инициативы об отмене условно-досрочного освобождения по другим законным основаниям.

Ст. 183 УИК посвящена контролю за лицами, освобожденными от отбывания наказания, и содержит бланкетную норму [1, с. 198]. Однако законодательство, о котором идет речь в указанной статье, пока не принято. В настоящее время на нормативно-правовом уровне предусматривается возможность контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными от наказания, только в период неотбытой части срока наказания.

Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного исполнение определенных обязанностей. Согласно ст. 79 УК, их выполнение должен контролировать специально созданный государственный орган, а в отношении военнослужащих – командование воинских частей и учреждений. Однако в законе этот специализированный государственный орган не назван. Изучение системы органов, исполняющих наказания, дает основание предполагать, что таким органом может быть уголовно-исполнительная инспекция, но в Положении об уго-

ловно-исполнительных инспекциях, утвержденном Постановлением Правительства РФ 16 июня 1997 г. № 729 [2, с. 14], обязанность этих органов по контролю за лицами, условно-досрочно освобожденными от наказания, не указана.

В то же время, согласно п. 26 ст. 12 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3, 29], полиция обязана контролировать в пределах своей компетенции поведение лиц, освобожденных из мест лишения свободы. С учетом возникшего пробела, видимо, она могла бы и инициировать перед судом вопрос об отмене условно-досрочного освобождения в соответствии с законом.

В настоящее время вопрос реализации контроля за лицами, освобожденными условно-досрочно, остается без внимания со стороны органов законодательной власти РФ, в связи с чем, указанный пробел в законодательстве на местах приходится преодолевать собственными силами.

Ст. 79 УК, возлагая обязанность контролировать поведение лиц, освобожденных от отбывания наказания условно-досрочно, на «уполномоченный на то специализированный государственный орган», конкретно не указывает, что таковым органом должна быть именно уголовно-исполнительная инспекция ФСИН Министерства юстиции РФ [4 с. 154]. В результате уголовно-исполнительные инспекции полагают, что контроль за поведением лиц, освобожденных от наказания условно-досрочно, должны осуществлять органы внутренних дел (в соответствии в законом «О полиции», где сказано, что полиция контролирует соблюдение лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них законом ограничений), а органы внутренних дел считают, что такой контроль должны осуществлять уголовно-исполнительные инспекции (в соответствии со ст. 187 УИК, налагающей на уголовно-исполнительные инспекции обязанность контролировать поведение условно осужденных в течение испытательного срока, что, по мнению многих юристов-практиков, обуславливает и соответствующую обязанность выше-названных инспекций в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания).

Суды в основной массе следуют второй позиции, что, однако, порождает возражения со стороны уголовно-исполнительных инспекций. Инспекции иногда обращаются за «защитой» от судов, вменяющих непосредственно им в обязанность соответствующий контроль, в органы прокуратуры, а те призывают суды поручать данное обязательство «уполномоченным на то специализированным государственным органам – органам внутренних дел», требуют, чтобы суды прямо указывали на это в резолютивной части принимаемых решений [5, с. 24].

Вследствие подобного разноречия в судебных решениях формируются своего рода «ножницы», в условиях которых функцию контроля за поведением условно-досрочно освобожденных должным образом не осуществляют ни уголовно-исполнительные инспекции, ни органы внутренних дел. В лучшем случае те и другие ограничиваются поверхностным выполнением соответствующих контролирующих обязанностей, а в итоге страдает дело: налицо безнаказанность условно-досрочно освобожденного, допустившего провинности, которые в соответствии с законом могут служить основанием отмены условно-досрочного освобождения.

Буквальное прочтение ч. 1 ст. 187 УИК не дает конкретного вывода о том, что уголовно-исполнительные инспекции должны осуществлять контроль за поведением условно-досрочно освобожденных. Но если придерживаться выработанной юридической наукой распространительной трактовки закона (что в данном случае, на наш взгляд, вполне допустимо), то такой вывод не может считаться неприемле-

мым. Безусловно, оптимальным решением рассматриваемого вопроса было бы изложение ч. 6 ст. 79 УК, например, в следующей редакции: «6. Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом – уголовно-исполнительной инспекцией ...» (далее – по тексту статьи). Но пока такой конкретизации (относительно прямого указания на уголовно-исполнительные инспекции в части их обязанности контролировать поведение условно-досрочно освобожденных) в законе нет, районные суды в большинстве своем совершенно правильно руководствуются распространительным толкованием положений уголовно-исполнительного законодательства относительно компетенции (обязанности) уголовно-исполнительных инспекций контролировать поведение условно осужденных, распространяя эту функцию уголовно-исполнительного инспекционного контроля также на условно-досрочно освобожденных.

Суммируя (и некоторым образом дополняя) вышесказанное, в обоснование рассматриваемой позиции районных судов приведем следующие аргументы.

1. Лишение свободы исполняют органы уголовно-исполнительной системы, а следовательно они же должны исполнять и ту его (лишения свободы) часть, которая в порядке ст. 79 УК признается условной. Как известно, в правоохранительных структурах нет другого (кроме уголовно-исполнительной инспекции) «уполномоченного на то специализированного государственного органа», который исполнял бы данную меру уголовно-правового реагирования, являющуюся логическим продолжением, выражением и завершением назначенного судом наказания.

2. В период неотбытой условно-досрочным освобожденным части назначенного судом наказания уголовно-правовое отношение, возникшее в момент совершения преступления, продолжает реализовываться в рамках все того же уголовно-исполнительного правоотношения, возникшего еще в момент вступления обвинительного приговора в силу, а это налагает на органы уголовно-исполнительной системы соответствующую обязанность, а именно обязанность контролировать поведение условно-досрочного освобожденного [6, с. 38].

3. Уголовно-исполнительное законодательство (ч. 1 ст. 187 УИК) прямо вменяет в обязанность уголовно-исполнительных инспекций контролировать поведение условно осужденных (ст. 73 и 74 УК), а поскольку правовое положение условно-досрочно освобожденных по существу такое же, как и правовое положение условно осужденных (те же требования – несовершение нового преступления и другие; тот же испытательный срок, совпадающий в случае условно-досрочного освобождения с продолжительностью неотбытой части наказания; те же последствия несоблюдения лицом возложенных на него требований – направление для отбытия назначенного судом наказания), то и контроль за той и другой категориями лиц должен осуществляться одним и тем же органом, а именно уголовно-исполнительной инспекцией.

4. Невозможность возложения всех обязанностей по контролю за поведением условно-досрочно освобожденного на полицию вытекает и из содержания ч. 2 ст. 187 УИК РФ, где сказано, что «в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами, к осуществлению контроля за поведением условно осужденных привлекаются работники других служб органов внутренних дел». Указание на другие службы органов внутренних дел в приведенном законоположении объясняется тем, что, во-первых, во время принятия УИК РФ предполагалось учреждение «уполномоченных на то специализиро-

ванных государственных органов» (уголовно-исполнительных инспекций) в системе органов внутренних дел, а не в системе органов Министерства юстиции РФ, а во-вторых, без содействия со стороны этих так называемых других служб органов внутренних дел уголовно-исполнительные инспекции, даже если бы они и функционировали в системе органов внутренних дел, реально ничего сделать не смогли бы – в смысле достаточно эффективного контроля за поведением условно-досрочно освобожденного.

5. Если бы законодатель исходил из необходимости возложить обязанность контролировать поведение условно-досрочно освобожденного именно на органы внутренних дел, то он в ч. 6 ст. 79 УК РФ прямо указал бы на эти органы, а не прибегнул в этой норме к столь неопределенной формулировке: «Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом...». Известно, что на момент принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. в стране не было ни Уголовно-исполнительного кодекса РФ, ни уголовно-исполнительных инспекций, в связи с чем в законе и допущено такое обтекаемое (неопределенное, неконкретизированное, неоднозначное) указание на орган, призванный контролировать поведение условно-досрочно освобожденного.

Подводя итог рассмотрению проблемы о том, какое ведомство должно осуществлять контроль за поведением лиц, освобожденных от отбывания наказания условно-досрочно, отметим, что в этом случае невозможно рассматривать данный вопрос в плане категорически строгой альтернативы: или уголовно-исполнительные инспекции, или органы внутренних дел. Не «рядом», а «вместе» должны работать эти органы. Любой из них, занимаясь прежде всего «своим собственным делом», обязан обоюдно способствовать другому органу для достижения общих правоохранительных целей, каковыми являются противодействие преступлениям и обеспечение правопорядка.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июля 2017 г., № 252-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2, ст. 198; 2017. № 31 (ч. I), ст. 4801.
2. Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 (с изм. и доп. от 23 апреля 2012 г., № 4) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 25, ст. 2947; Российская газета, № 96, 02 мая 2012.
3. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июля 2017 г., № 272-ФЗ) «О полиции» // Российская газета. 2011.; Собрание законодательства РФ, 14 февраля 2011, № 7, ст. 900.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. (с изм. и доп. от 26 июля 2017., №203) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; Собрание законодательства РФ, 26 августа 2017 № 203.
5. Пилипенко О.А. Условно-досрочное освобождение от наказания: проблемы теории и практики: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
6. Плюснин А.М. Организационно-правовые вопросы условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Андрянова Н.В.

магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса
Юридического института, Байкальский государственный университет,
Россия, г. Иркутск

Как правило, в нашей стране все больше совершается преступных деяний подростками. И виной всему наше общество, не регулирующее действия современной молодежи. Данная статья рассматривает преступления, совершенные несовершеннолетними, а также их криминологическую характеристику.

Ключевые слова: преступные деяния, несовершеннолетние, предупреждение преступности, криминалистика, характеристика преступности несовершеннолетних.

Проблема преступности несовершеннолетних всегда актуальна для криминологии. Она достаточно специфична, касается судеб подрастающего поколения. От того, как она решается в настоящее время, во многом зависят не только состояние и тенденции преступности в будущем, но и нравственный климат в обществе [8].

К преступности несовершеннолетних относятся уголовно наказуемые деяния, совершаемые лицами в возрасте от 14 до 18 лет. По криминологическим характеристикам к ним примыкают общественно опасные действия лиц, не достигших возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, а также «молодых взрослых».

По видам преступлений около 3/4 подростковой преступности исчерпывается тремя составами: кражи (немногим более 60%), грабежи (8-9%), хулиганство (около 7%). А доля умышленных убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований составляет по каждому виду менее 1%.

Несовершеннолетние постепенно осваивают сравнительно новые разновидности преступлений, такие, как захват заложников, вымогательство, торговля оружием и наркотиками, валютное мошенничество, компьютерные преступления и некоторые другие.

Среди выявляемых подростков-преступников каждый седьмой, а среди осужденных – каждый пятый ранее совершали преступления. Устойчивая особенность противоправного поведения несовершеннолетних – высокий уровень групповой преступности (почти 65%) [3].

В последние годы отмечается усиление организованной подростковой преступности. Возросло вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность взрослыми, усилилась виктимность подростков.

Если раньше преступность несовершеннолетних была в основном «уличной», то сейчас увеличивается доля преступлений, совершаемых в своих и чужих жилищах, общежитиях, по месту учебы, на транспорте. Происходит нивелирование различий криминальной активности условных групп несовершеннолетних, выделяемых по признакам рода их занятий.

Но, как и прежде, самый высокий уровень преступности среди неучащихся и неработающих подростков. Доля несовершеннолетних преступников мужского пола составляет 90-95%.

Личностные свойства несовершеннолетних преступников имеют возрастные особенности. Однако это не всегда играет решающую роль в мотивации преступ-

ного поведения (иначе было бы непонятно, почему преступления совершают не все подростки). Поэтому нельзя сводить причинное объяснение преступности несовершеннолетних к общевозрастным характеристикам [2].

При определенных условиях они могут лишь усилить восприятие отрицательного влияния или облегчить возникновение криминогенной ситуации. Например, такие определяемые возрастом особенности, как недостаточный жизненный опыт, незавершенность формирования ценностной ориентации, повышенная внушаемость, значимость участия в неформальной группе, стремление показать себя взрослым, продемонстрировать независимость и тому подобное.

Большинство несовершеннолетних преступников росли в семьях с ограниченными возможностями воспитания детей либо в семьях, где непосредственно оказывалось отрицательное влияние. Около 20% несовершеннолетних преступников воспитывались в семьях с очень низким жизненным уровнем. Этот долевого показатель возрастает, в том числе в связи с усилившимся расслоением по уровню доходов, безработицей и так далее

Реальная культурно-образовательная характеристика большинства несовершеннолетних преступников существенно снижена по сравнению со сверстниками, хотя после перехода к обязательному среднему образованию это различие всячески маскировалось [5].

Вместе с тем очень многие несовершеннолетние преступники, образовательный уровень которых формально соответствует возрасту, фактически его не достигали, поскольку оценки успеваемости были заведомо завышены.

Все еще значительна и доля неуспевающих даже в этих условиях, а также лиц, оставивших школу (последний показатель растет из-за ослабления контроля за обязательностью основного образования и тяжелого материального положения многих семей).

Особенности потребностей и интересов несовершеннолетних преступников [1]:

- ограниченность использования источников культурной информации (регулярно читали книги не более 10-20% обследованных подростков, совершающих преступления, газеты – менее 10%, причем в основном спортивную и развлекательную информацию);

- использование кино, видео, телевидения, радио преимущественно как средства заполнения свободного времени, а не как источника культурно значимой информации;

- предпочтительное отношение к «своим» каналам информации, получаемой в микрогруппе, в среде, где преимущественно проводится свободное время;

- ограниченность круга интересов, предпочтение пассивно-потребительского досуга и негативных его форм;

- утрата интереса к учебе, неприятие требований образовательного учреждения, потеря ответственности;

- узкоутилитарное отношение к работе, отсутствие связанных с ней длительных планов (по данным различных исследований, две трети преступников из числа работающих подростков относились недобросовестно к своим обязанностям, более половины успели сменить одно или несколько мест работы, несмотря на небольшой общий стаж);

- равнодушие к проблемам, находящимся в центре внимания общества, неучастие в общественной жизни либо примыкание к экстремистским ее проявлениям.

Соответственно и в сфере досуга для большинства несовершеннолетних преступников типично беспорядочное и бесцельное времяпрепровождение (часто в со-

ставе групп с отрицательной направленностью), праздное «шатание» по улицам, участие в попойках. У большинства лиц данной категории побуждения, интересы, желания сводятся к потребительству, обладанию имеющимися у других престижными вещами, постоянным развлечениям, возможности не отказывать себе в любых желаниях (в том числе за счет причинения ущерба другим) [4].

Устойчивые интересы в сфере техники, искусства, занятия спортом (кроме боевых видов и культуризма) проявляются у этого контингента в 3-4 раза реже, чем у подростков, не совершающих преступлений. В силу таких позиций формируются эгоистические привычки, создаются ситуации, способствующие правонарушениям, в том числе в связи с групповым потреблением алкоголя, наркотиков и других одурманивающих средств, азартными играми, пребыванием в среде «фанатов», в экстремистской среде и так далее.

По выборочным данным, около 70% несовершеннолетних преступников проводили свободное время в компаниях, где основными видами времяпрепровождения являлись выпивки, употребление наркотиков, секс с «общими девочками» [10].

Для несовершеннолетних преступников характерны существенные искажения нравственного и правового сознания. Это толкование долга, совести, дозволенности, исходя из личных желаний или групповой солидарности; ориентация на получение сиюминутного удовольствия; равнодушие к переживаниям и страданиям других людей или даже стремление самоутвердиться, причиняя их более слабым.

Законодательные запреты рассматриваются как формальные; социальная роль закона игнорируется, он противопоставляется целесообразности, а групповые нормы – нормам закона. Искажено само понимание дозволенного и недозволенного поведения; формируется враждебно-недоверчивое отношение к правоохранительным органам; распространена убежденность в возможности избежать наказания за содеянное и так далее [6].

В нравственно-психологическом аспекте личность несовершеннолетних преступников характеризуется довольно существенными специфическими признаками. Прежде всего, на противоправном поведении, безусловно, сказываются возрастные особенности.

Например, повышенная внушаемость, склонность к социально-психологическому «заражению», подражанию, юношеский негативизм, известная несформированность жизненных ориентации и установок, инфантильность эмоционально-волевой сферы.

Для несовершеннолетних преступников весьма характерны завышенные самооценки, низкий уровень ответственности за свои поступки, отсутствие чувства стыда, дефицит совести, равнодушие к другим людям, их проблемам и заботам. Типичными чертами для многих подростков-правонарушителей является сниженный самоконтроль, эмоциональная неуравновешенность, упрямство, импульсивность, злобность, мстительность, агрессивность [5].

Социальную неадаптированность некоторых несовершеннолетних преступников усиливают умственная отсталость, нервно-психические отклонения психопатического характера либо в виде последствий черепно-мозговых травм, инфекционных и других заболеваний. Нервно-психические расстройства у несовершеннолетних, совершивших преступления, встречаются в 3-6 раз чаще, чем у их воровопослушных сверстников.

Но указанные расстройства – это обычно не тяжелые и стойкие заболевания, а психопатические черты или остаточные явления после травм. Причем психопатические черты характера в большинстве своем приобретены не в результате отягощенной наследственности, а вследствие неблагоприятных условий жизни либо сочетания этих факторов.

Большинство несовершеннолетних преступников обладают устойчивыми привычками и стереотипами антиобщественного поведения: являются конфликтными и нечестными людьми, постоянно демонстрируют пренебрежение к общепринятым нормам поведения, склонны к употреблению спиртных напитков, наркотиков, а также к бродяжничеству, побегам из дома и воспитательных учреждений [8].

Замыкаясь в круге общения с себе подобными, они, как правило, враждебно относятся к тем подросткам, которые хорошо учатся, соблюдают дисциплину, уважают старших.

Среди несовершеннолетних правонарушителей стали чаще встречаться те, кто в полной мере освоил «криминальный профессионализм», нормы и антиценности преступной субкультуры [9].

Список литературы

1. Александров М. И. Порядок квалификации правовых нарушений. М.: ИНФРА-М, 2016. – 199 с.
2. Баранов И. Р. Уголовное право России. М.: ИНФРА-М, 2016. – 561 с.
3. Долин Н. Е. Уголовная и правовая характеристика преступности несовершеннолетних. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 300 с.
4. Ильин А. Л. Проблемы определения ответственности за преступления, совершенные несовершеннолетними: правовой аспект / Статья ВАК. «Вестник права». М.: МГУ, 2017. – 11 с.
5. Рябов О. Б. Уголовное право: часть особенная. М.: Юрайт, 2016. – 615 с.
6. Таначев В. С. Преступность несовершеннолетних на современном этапе: уголовная и правовая характеристика / Статья ВАК. «Вестник права». М.: СГТУ, 2017. – 15 с.
7. Уралов В. И. Уголовное право: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 400 с.
8. Харисов М. Ю. Основы уголовной ответственности за преступления несовершеннолетних. М.: Профи, 2016. – 19 с.
9. Царьков Е. Г. Уголовное право современной России. М.: ИНФРА-М, 2016. – 713 с.
10. Юнусов Д. Л. Правовая характеристика преступлений несовершеннолетних. М.: Аспект-Пресс, 2016. – 188 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В РОССИИ

Анфиногорова К.В.

магистрант 2 курса, Поволжский институт управления им. П.А.Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Саратов

Настоящая статья посвящена исследованию закрепленного в Конституции РФ права на судебную защиту. Автором раскрывается сущность и содержание данного права. В работе анализируется отечественное законодательство, Постановления Конституционного суда РФ, а также позиции ученых-правоведов.

Ключевые слова: правовое государство, Конституция РФ, правовая защита, судебная защита, право на защиту, охрана прав и свобод.

Провозглашение Российской Федерации правовым государством, а также признание человека наивысшей ценностью неизбежно влечет за собой обязанность по обеспечению надлежащей юридической охраны личности. Так, ч. 1 ст. 45 Конституции РФ [3] закрепляет гарантию получения каждым государственной защиты его прав и свобод. Особое место в данном случае занимает защита судебная.

Статья 46 Конституции России содержит право индивида отстаивать собственные интересы в судебном порядке, включая обжалование любых решений, действий или бездействий органов, наделенных властными полномочиями, общественных объединений и должностных лиц. Кроме того, предоставляется возможность обращения в межгосударственные органы правосудия.

Вопрос, посвященный природе рассматриваемого юридического феномена, был предметом рассмотрения многих представителей юридической науки. К примеру, Г.А. Жилин определяет его как универсальный инструмент, предназначенный разрешать правовые конфликты посредством правосудия, осуществлять которое может исключительно судебный орган. По мнению автора, право на судебную защиту есть «гарантированная государством возможность каждого в установленном законом порядке защищать нарушенные или оспариваемые субъективные права посредством участия в рассмотрении возникшего спора независимым и беспристрастным судом...» [2, с. 9].

Т.В. Ходарева, рассматривая право на судебную защиту в качестве возможности осуществить охрану человеком своего права или интереса в органах судебной власти, выделяет ее важнейший сущностный аспект. Так, целью воплощения данного конституционного права в жизнь «... является не право на получение благоприятного судебного решения, а собственно решение, оформляющее разрешение правовой ситуации» [5, с. 32]. Действительно, конечным итогом его реализации должен являться справедливый, основанный на нормах закона судебный акт, вне зависимости от того, благоприятен ли он для субъекта этого права или нет. В противном случае, цель будет отражать интересы не правосудия в целом, а частных лиц.

Подчеркивает двойственность юридической природы права на судебную защиту О.Я. Беляевская. По мнению исследователя, оно представляет собой «неотчуждаемое и не подлежащее ограничению... субъективное право-гарантию, заключающееся в совокупности возможностей защищать подвергшиеся посягательству охраняемые законом объекты посредством эффективного и справедливого правосудия» [1, с. 33]. Соответствующая точка зрения представляется оправданной и находит свое подтверждение в решениях высших судов. В частности, п. 2 Постановления Конституционного суда России N 5-П от 11.05.2005 г. отмечается, что, с одной стороны, право на судебную защиту относится к основным правам и свободам индивида, а с другой, одновременно является гарантией всех остальных прав и свобод [4].

Правовой дуализм конституционного права на судебную защиту заключается и в том, с одной стороны оно имеет конституционную природу, а с другой – процессуальную. Данный факт объясняется тем, что рассматриваемое право зафиксировано в нормах Конституции РФ, в то время как условия и порядок его реализации установлены отраслевым процессуальным законодательством. В первом случае право на судебную защиту представляет собой правомочие каждого человека по отношению к государству в лице его судебных органов, осуществляющих функцию отправления правосудия; право на деятельность суда по защите нарушенных

или оспоренных, по мнению заявителя, прав, свобод и охраняемых законом интересов.

В свою очередь, содержание процессуальной стороны права лица на защиту со стороны судебных органов определяют два элемента. В первую очередь, это право обратиться в суд за защитой. Во-вторых, это право на получение такой судебной защиты. Последнее можно охарактеризовать как использование субъектом особого процессуального механизма, предусмотренного отраслевым законом, позволяющего отстоять свои интересы, задействовать все возможные юридические инструменты для правильного и своевременного разрешения дела и вынесения законного и обоснованного судебного акта.

Закрепленное национальным законом право на судебную защиту представляет собой сложное правовое явление. В свою очередь, оно включает в себя составные элементы (правомочия): право человека самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; право на беспрепятственное обращение в судебные органы; право на беспристрастное рассмотрение дела; право на справедливое решение; право на обжалование судебного акта в вышестоящие инстанции и т.д. В их числе выделяется и право на всеобщность судебной защиты. Статьи 46 и 56 Конституции РФ определяют абсолютный характер рассматриваемого права и делают невозможным его ограничения. Формулировка: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» указывает на обязанность государства обеспечить такую охрану любому субъекту, что говорит о неограниченном действии рассматриваемого права.

Абсолютный характер конституционного права отстаивать свои интересы в суде говорит о широком субъектном составе его обладателей. Так, данное право равным образом распространяется как на физических лиц (российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства), так и на лица юридические, включая органы, наделенные властными полномочиями.

Вместе с тем в отдельных случаях законодатель устанавливает отдельные условия реализации права на судебную защиту для отдельных категорий лиц. Наиболее ярким примером является случай не достижения несовершеннолетним возраста гражданской процессуальной дееспособности. К примеру, права, свободы и интересы лиц, не достигших возраста четырнадцати лет, в судебном процессе защищают их законные представители. В подобных ситуациях норма не умаляет право малолетнего на судебную защиту, а обеспечивает дополнительные гарантии его реализации ввиду недостаточного уровня развития несовершеннолетнего, неспособности ребенка понимать значение отдельных действий и нести за них ответственность.

Необходимо помнить, что важнейшей гарантией претворения рассматриваемого права в жизнь является исполнимость вынесенного в установленном законом порядке судебного акта. Как известно, само по себе судебное решение без претворения его содержания в действительность едва ли означает достижение цели защиты. Исполнение решения суда – это одна из основных стадий любого судебного разбирательства. В противном случае права, свободы, а также интересы личности останутся без надлежащей правовой защиты. При этом судебные акты являются обязательными для всех субъектов права, в том числе и органов государственной власти.

Таким образом, Конституция России во главу угла становления и развития правового государства ставит именно охрану прав и свобод личности. Судебная

защита, в свою очередь, является универсальным правовым и юрисдикционным механизмом.

Право на судебную защиту представляет собой закрепленную в нормах Конституции РФ право-гарантию, предоставляющую каждому возможность воспользоваться особым процессуальным механизмом, установленным законом, с целью защитить свои права, свободы и законные интересы в органах судебной власти. В процессе его исследования необходимо учитывать двойственность юридической природы, абсолютный характер данного права, а также множественность отдельных, составляющих его правомочий, придающих праву на судебную защиту статус комплексного конституционного права.

Список литературы

1. Беляевская О.Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук / О.Я. Беляевская. – СПб., 2007. – 199 с.
2. Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 2. – С. 1-9.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. N 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – N 4. – Ст. 445.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – N 22. – Ст. 2194.
5. Ходарева Т.В. Судебная защита прав человека как основа правозащитной системы // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 1. – С. 32-36.

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бабаджанян Л.Г.

студент 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Рубанов С.А.

ст. преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В рамках представленной статьи производится анализ современного состояния института уполномоченного по правам предпринимателей в России, а также производится его сравнительный анализ с аналогичными институтами зарубежных стран.

Ключевые слова: предпринимательство, защита прав предпринимателей, омбудсмен, институт защиты прав, предпринимательская деятельность.

В конце 2016 года президент Российской Федерации В. Путин принял участие в заседании коллегии Генеральной прокуратуры России, где подвел ее итоги работы и обозначил приоритетные направления работы на 2017 год. Во время своего выступления Президент РФ акцентировал особое внимание на вопросе защиты прав предпринимателей, указав, что «работа по защите прав предпринимателей должна продолжаться набранными темпами... одной из самых главных ваших задач остается защита предпринимателей от необоснованного уголовного преследования, злоупотреблений со стороны субъектов оперативно-розыскной деятельности» [7].

Отметим, что особое внимание защите прав предпринимателей уделяется далеко не случайно. Еще в 2011 году в РФ был проведен ряд значительных преобразований, направленных на решение поставленных Президентом РФ задач по улучшению условий ведения бизнеса и обеспечению его гарантированной защиты. В частности, при Генеральной прокуратуре РФ и ее субъектных подразделениях были созданы структурные подразделения по надзору за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности. Более того, был сформирован первый в России Центр общественных процедур «Бизнес против коррупции», введен институт инвестиционных уполномоченных по правам предпринимателей и пр. Помимо прочего, в РФ была учреждена должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России, и ее занимает на сегодняшний день Б.Ю. Титов.

Спецификой развития данного института в России является то, что на момент возникновения общероссийской должности Уполномоченного и принятия Федерального закона от 7 мая 2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [1], в большей части субъектов РФ уже существовали такие уполномоченные, однако отсутствовало единство их правового статуса. Несмотря на то, что на сегодняшний день проведена огромная работа по приведению всех уполномоченных субъектов к «единому стандарту», до завершения этого процесса еще далеко. В связи с этим, мы полагаем разумным провести сравнительный анализ института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России и некоторых зарубежных странах в целях выявления возможных путей совершенствования российской системы.

Итак, начнем с того, что в подавляющем большинстве государств, где существует рассматриваемая нами должность, все функции осуществляются уполномоченным общей компетенции. Так, например, в Австралии, омбудсмен занимается не только рассмотрением жалоб на действия агентств и правительственных департаментов, но также и реализует функции уполномоченного по вопросам миграции, информации, налогового омбудсмена и пр. [6, с. 57] На наш взгляд, несомненными преимуществами данной системы являются во-первых, отсутствие необходимости выделения бюджетных средств на финансирование нескольких специализированных омбудсменов, а во-вторых, наличие реальной возможности оценки ситуации в сфере защиты прав граждан в отношениях с публичной властью в пределах одного института.

Несмотря на то, что некоторые ученые ратуют за введение подобной системы в России, мы не согласны с этим утверждением, так как она обладает рядом существенных недостатков. В частности, отсутствует учет специфики предпринимательских отношений в аспекте защиты прав лиц в данной сфере, а во-вторых, ограниченные возможности по детальной оценке уровня защиты прав предпринимателей и состояния бизнес-климата [2, с. 19]. Учитывая тот факт, что предприни-

мательство – это та сфера деятельности, которая требует пристального внимания ко всем аспектам соблюдения прав предпринимателей (а они нарушаются довольно часто), обладающая неповторимой спецификой и рядом особенностей, характерных только для этого вида деятельности, то передача полномочий по реализации защиты прав предпринимателей «универсальному» омбудсмену нерациональна.

Таким образом, мы приходим к выводу, что существование специализированной должности омбудсмана, специализирующегося именно на защите прав предпринимателей, необходимо. Однако и модели их функционирования также могут быть различными. Так, например, в России принята система «1+N». Иначе говоря, в РФ действует Уполномоченный по правам человека общей компетенции, наряду с которым существуют «узконаправленные» омбудсмены, в частности, уполномоченный по защите прав предпринимателей, правам ребенка и правам студентов. Аналогичная система существует и в Испании. В Канаде же, например, система уполномоченных по защите прав граждан построена по иному принципу – «0+N», которая подразумевает наличие специализированных уполномоченных, которые включены в структуру государственной власти при отсутствии «универсального» омбудсмана [4, с. 95].

Мы полагаем, что система, принятая в РФ на сегодняшний день является наиболее оптимальной и универсальной для нашей страны. Предпринимательская сфера – это область, которая требует от уполномоченного специальных и зачастую специфических познаний особенностей данного вида деятельности, которые у «универсального» омбудсмана могут отсутствовать или быть чересчур поверхностными, что не позволяет ему защищать и гарантировать права предпринимателей должным образом, однако и говорить о необходимости упразднения должности последнего нельзя [3, с. 43]. Следовательно, мы считаем, что «выделение» уполномоченного по защите прав предпринимателей в качестве специализированного омбудсмана в системе защиты прав граждан было целесообразным и рациональным шагом в процессе развития рассматриваемого института правовой защиты.

Помимо всего вышеизложенного, мы также можем отметить, что в мире функционируют три основные категории уполномоченных по защите прав предпринимателей – это бизнес-омбудсмены, налоговые омбудсмены и омбудсмены в сфере поставок. Если кратко охарактеризовать каждую из категорий, то следует отметить, что под бизнес-омбудсменами понимаются лица, осуществляющие защиту прав предпринимателей малого или среднего бизнеса [5, с. 4]. Наиболее широко данная категория уполномоченных представлена в США, где главным «двигателем» развития экономики выступает активное развитие предпринимательской деятельности.

Налоговые омбудсмены – это лица, назначенные на должности уполномоченных в рамках органов, осуществляющих контроль за налогами и доходами государства (например, в США – это Секретариат Департамента по налогам и доходам, в Канаде – Агентство государственных доходов и пр.).

Уполномоченные по вопросам закупок на сегодняшний день не получили широкого распространения. Пожалуй, одна из немногих стран, где данная должность успешно существует по сегодняшний день, является Канада. Офис такого уполномоченного представляет собой независимую организацию с широким мандатом, который распространяется на все правительственные учреждения.

В РФ такой дифференциации уполномоченных по защите прав предпринимателей не существует, и мы полагаем, что на данный момент подобное деление и

не требуется. Аргументируем свою позицию тем, что предпринимательская сфера в современной России находится в стадии своего активного развития, а введение дополнительных категорий уполномоченных по защите прав предпринимателей лишь усложнит и запутает эту систему. Мы считаем, что дифференциация станет возможна лишь в том случае, когда сфера предпринимательской деятельности станет в максимальной степени стабильной.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что система защиты прав предпринимателей в современной России отличается от систем, существующих в зарубежных странах, и ее главной особенностью является то, что она формировалась не «от центра к субъектам», а «от субъектов к центру». Более того, если в западных странах можно обнаружить и отсутствие «универсальных» уполномоченных, и дифференциацию омбудсменов по защите прав предпринимателей на несколько самостоятельных подвидов, однако та система, которая на сегодняшний день существует в РФ, на наш взгляд, полностью соответствует уровню развития предпринимательской деятельности и потребностям бизнесменов. Однако нельзя полностью отторгать зарубежный опыт, так как он в перспективе может быть использован в дальнейшем.

Список литературы

1. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Российская газета. 2013, 13 мая.
2. Каширина Ю.П. Развитие предпринимательства и защиты прав предпринимателей в России // Территория науки. 2016. № 3. С. 17-26.
3. Палагина А.Н. Уполномоченный по защите прав предпринимателей на федеральном и региональном уровне как элемент адаптивной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства // Вопросы регулирования экономики. 2014. № 2. С. 42-48.
4. Фадеева В.А. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ // Экономика. Управление. Право. 2013. № 8. С. 93-97.
5. Чубенко И.С. Институциональные решения в сфере защиты прав предпринимателей: омбудсмен или специальный прокурор // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 7. С. 2-6.
6. Эмих В.В. Уполномоченные по защите прав предпринимателей: зарубежный опыт и российская модель // Государство и право. 2017. № 4. С. 55-61.
7. Заседание коллегии Генеральной прокуратуры России [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/>

ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Баянова Н.С.

магистрант, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар

В данной статье говорится об изъятии земельных участков для муниципальных нужд, как основании возникновения права муниципальной собственности. Автор, предлагает понимать под государственными и муниципальными нуждами объективно возникшие

общественно значимые потребности, необходимость для удовлетворения которых обуславливается интересами широкого круга субъектов, реализуемые в установленном законом порядке публично-правовыми образованиями.

Ключевые слова: изъятие, земельные участки, муниципальные нужды, муниципальная собственность, государство.

В ЗК РФ закрепляется положение, в соответствии с которым изъятие земельного участка, включая и его выкуп, может допускаться лишь в исключительных случаях и только для государственных и муниципальных нужд. Это понятие раскрывается в правовой науке, тем не менее, следует отметить, что единого определения этой правовой категории не было выработано. Так, одними учеными под государственными и муниципальными нуждами предлагается понимать: «... объективно возникшие общественно значимые потребности, необходимость для удовлетворения которых обуславливается интересами широкого круга субъектов, реализуемые в установленном законом порядке публично-правовыми образованиями» [11, С. 31-44]. По мнению других ученых, это «...публичные нужды, удовлетворение которых пойдет на пользу либо для населения всей страны, либо жителям муниципального образования или региона» [8, С. 68-78]. Третьи предлагают рассматривать указанные нужды в качестве объективной потребности соответствующего публично-правового образования в использовании того или иного объекта в соответствии с его законодательно установленными функциями [10, С. 136]. Не трудно заметить, что основой всех определений рассматриваемых нужд являются такие критерии как «социальная потребность», «общественная необходимость», «общественные интересы». Как верно отмечает О.Н. Мигущенко, в рамках реализации публичной воли четко проявляется преобладание идеологии превосходства общественного над личным [13, С. 41-60]. Это находит подтверждение и в отдельных нормах современного земельного законодательства.

Акцентируем внимание на том, что ранее, на нормативном уровне понятие государственных и муниципальных нужд содержалось в утратившем силу с 1 января 2014 года, Федеральном законе от 21.07. 2005. N 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [2]. Но теперь, в сменившем вышеназванный Закон Федеральном законе РФ от 05.04. 2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3] уже не содержится таких определений, что, по нашему мнению, можно расценивать в качестве пробела действующего законодательства.

Применительно к земельному участку в ч. 1 ст. 56.3 ЗК РФ предусмотрено изъятие земельных участков для муниципальных нужд в целях строительства, реконструкции объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения, что может быть допустимым, если указанные объекты предусмотрены в утвержденных документах территориального планирования и утвержденных проектах планировки территории. Как отмечается специалистами, ряд нововведений в земельном законодательстве в последнее время можно назвать "земельной реформой" в государстве, одним из направлений которой явилось и изъятие земли для общественных нужд, которое закреплено Федеральным законом от 31.12.2014 N 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон N 499-ФЗ) [4].

На протяжении долгого периода времени институту изъятия требовались модернизация и уточнение, не только отдельных положений, но и по большому счету системы в целом. Теперь, комплексное регулирование названного института осуществляется в новой главе VII.1 в ЗК РФ, при этом претерпели изменения и отдельные положения, содержащиеся в ряде таких федеральных законов, как: Федеральный закон от 14.03. 1995 N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [5], Федеральный закон от 10.01.1996 N 4-ФЗ «О мелиорации земель» [6], Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и еще целый ряд иных нормативно-правовых актов.

Основания, в соответствии с которыми происходит изъятие земельных участков для муниципальных нужд, были закреплены в ст. 49 ЗК РФ и не подверглись кардинальному изменению. В свою очередь, как верно отмечает О.Л. Вербина, теперь перечень данных оснований становится ограниченным в связи с тем, что в настоящий момент субъекты РФ теперь не могут в законах устанавливать другие основания изъятия [7, С. 28-31]. Поэтому можно свидетельствовать о сокращении полномочий представительных и исполнительных органов субъектов РФ в деятельности по изъятию земельных участков.

Далее отметим, что в ст. 56.5 ЗК РФ законодатель определил перечень правообладателей, которые должны или могут стать субъектами изъятия их земельных участков для общественных нужд это – собственники, землепользователи, землевладельцы. Как верно отмечает М.П. Имекова, законодатель расширил субъектный состав лиц, обладающих правом на получение возмещения за изъятие для муниципальных нужд земельных участков, включив в него не только собственников, но и землевладельцев, землепользователей и арендаторов участков (п. 9 ст. 56.5 ЗК РФ). Для обозначения перечисленных лиц законодатель ввел в ЗК РФ такой термин, как "правообладатели земельных участков" (п. 3 ст. 5, п. 8 ст. 56.5) [9, С. 111].

Теперь на исполнительный уполномоченный орган местного самоуправления возлагается обязанность предпринять ряд мероприятий, направленных на установление лиц, чьи земельные участки предполагается изъять. Порядок этих действий закреплен в п. 1 ст. 56.5 ЗК РФ, где в частности указывается, что уполномоченный орган обязан запросить сведения из Единого государственного реестра прав об имеющихся правах на земельные участки, подлежащие изъятию для муниципальных нужд, и на расположенные на таких земельных участках объекты недвижимого имущества. Муниципальные органы должны обеспечить публикацию информации о планируемом изъятии, размещение данной информации на официальном сайте в сети Интернет и на информационном щите в границах населенного пункта, на территории которого расположены земельные участки, подлежащие изъятию, а в случае, если такие земельные участки расположены за пределами границ населенного пункта, на информационном щите в границах соответствующего муниципального образования. В ЗК РФ закреплен исчерпывающий перечень информации, которая должна содержаться в данном сообщении. При этом законодателем предусмотрены в данной норме несколько способов по выявлению и оповещению правообладателей, что, по нашему мнению, свидетельствует о реализации конституционного принципа обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также должно позволить снизить количество судебных разбирательств, связанных с изъятием земельных участков. В качестве конечной цели выявления таких лиц является заключение с ними соглашения, предусматривающего усло-

вия изъятия и размер возмещения. Акцентируем внимание на том, что законодатель предусмотрел случай, когда правообладатели могут быть не выявлены, в этой ситуации соответствующему уполномоченному органу предоставляется право на обращение в суд с заявлением о признании права собственности за публично-правовым обращением, что можно признать в качестве новеллы земельного законодательства, поскольку ранее исполнительный орган должен был оформить права на объект как на бесхозный имуществ.

По результатам выявления правообладателей изымаемых объектов недвижимости уполномоченный орган власти принимает решение об изъятии таких объектов. В ЗК РФ указывается, какие сведения должны содержаться в данном решении, а также впервые определено содержание соглашения об изъятии недвижимости для муниципальных нужд, а также порядок его заключения. Данное соглашение должно содержать сведения о его сторонах, кадастровый номер изымаемого объекта недвижимости, право на него, цель изъятия, реквизиты решения об изъятии, срок передачи изымаемого объекта недвижимости, размер и порядок выплаты возмещения (п. 1 ст. 56.9 ЗК РФ). Соглашение об изъятии недвижимости должно заключаться уполномоченным органом власти с каждым правообладателем изымаемой недвижимости, а в случае принятия решения об изъятии по ходатайству – и с заинтересованной организацией.

Изменения ЗК РФ охватили и сроки изъятия земельных участков для муниципальных нужд. Если ранее, до 1 апреля 2015 года правообладатель земельного участка должен был быть оповещен о решении изъятия не позднее, чем за год до начала планируемого мероприятия, и при этом выкуп планируемого изымаемого участка до истечения года допускался только при наличии его согласия. То теперь новым порядком предусматриваются иные правила о сроках изъятия, в том числе уполномоченный орган обязан не только уведомить лицо о принятии решения об изъятии, но и направить правообладателю проект соглашения, с приложением кадастрового паспорта земельных участков, отчета об оценке рыночной стоимости изымаемых земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества, а также в некоторых случаях и отчета об оценке земельных участков и (или) иных объектов недвижимого имущества, предоставляемых взамен изымаемых. Собственник земельного участка или иные правообладатели в течение 90 дней должны предоставить ответ уполномоченному органу, а именно при наличии согласия, подписанное этими лицами решение об изъятии. После истечения данного срока, при отсутствии положительного ответа лица, чей земельный участок подлежит изъятию, уполномоченный орган наделяется правом на обращение в суд с иском о принудительном изъятии земельного участка по новым правилам в течение срока действия решения об изъятии земельного участка, а конкретно в течение трех лет со дня его принятия.

В качестве важного момента следует отметить, что нарушение сроков изъятия и процедуры выявления и уведомления правообладателей является основанием для отказа в удовлетворении требования уполномоченного органа местного самоуправления о выкупе земельного участка при обращении с исковым заявлением в суд.

Раньше ЗК РФ не предусматривал возможности получения возмещения за изъятие для публичных нужд земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, их землевладельцами, землепользователями и арендаторами. Перечисленным правообладателям земельных участков возмеща-

лись лишь стоимость принадлежавших им на праве собственности зданий, сооружений, расположенных на изымаемых земельных участках, а также причиненные изъятием убытки. Такое положение не соответствовало ни положениям ст. 35 Конституции РФ, ни интересам правообладателей участков. Особенно в случаях, когда правообладатели не успевали воспользоваться предоставленным им законом правом на переоформление принадлежащих им прав на земельные участки на право собственности до изъятия у них участков для публичных нужд. Законодатель внес соответствующие изменения в правила определения размера возмещения при изъятии земельных участков для муниципальных нужд п. 2 ст. 56.8 ЗК РФ. То есть теперь, положениями, закрепленными в ЗК РФ гарантируется возмездность изъятия земельных участков для муниципальных нужд, что подтверждается и позицией Верховного Суда РФ, которая определяет, что в соответствии с положениями, закрепленными в ст. 16.1 ГК РФ в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина / юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации. Возможность такой компенсации предусматривается статьями 279, 281, п. 5 ст. 790 ГК РФ [1].

Акцентируем внимание на том, что изменения порядка изъятия земель для общественных нужд коснулись и гражданского законодательства. Так, в силу правила, содержащегося в п. 2 ст. 281 ГК РФ в процессе определения размера возмещения при изъятии земельного участка для муниципальных нужд в него включаются рыночная стоимость земельного участка, право собственности на который подлежит прекращению, или рыночная стоимость иных прав на земельный участок, подлежащих прекращению, и убытки, причиненные изъятием такого земельного участка, включая и размер упущенной выгоды. В случае если одновременно с изъятием земельного участка осуществляется изъятие расположенных на нем и принадлежащих правообладателю данного участка объектов недвижимости, в возмещение за изымаемое имущество включается рыночная стоимость объектов недвижимого имущества, право собственности на которые подлежит прекращению, или рыночная стоимость иных прав на объекты недвижимого имущества, подлежащих прекращению. Отметим, что вместо денежной компенсации может предусматриваться предоставление взамен другого земельного участка.

Отметим также, что в результате изменений земельного законодательства юридическая категория "возмещения" включила в себя новое понятие "неотделимое улучшение земельного участка". По мнению В.А. Майбороды, это является одной из самых смелых новелл всей отрасли земельного права. Следует отметить и то, что вне зависимости от работоспособности института оценки "неотделимых улучшений земельного участка" само по себе включение этой категории в оборот отрасли земельного законодательства выступает как еще одно достижение имплементации правоприменительной практики в Закон [12, С. 30].

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»// РГ, N 140, 30.06.2015.
2. РГ, N 163, 28.07.2005.
3. РГ, N 80, 12.04.2013.
4. РГ, N 1, 12.01.2015.

5. РГ, N 57, 22.03.1995.
6. РГ, N 10, 18.01.1996.
7. Вербина О.Л. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: новое в российском законодательстве // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. N 2. С. 28-31.
8. Евсегнеев В.А. Собственность на землю в фокусе интересов // Закон. 2010. N 11. С. 68-78.
9. Имекова М.П. Новеллы в правовом регулировании изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 3. С. 111.
10. Кабытов Н.П. Выкуп земельного участка как основание прекращения права частной собственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 136.
11. Конюх Е.А. Обеспечение жилищных и земельных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы российского права 2007. N 2. С. 31-44.
12. Майборода В.А. Изъятие земельных участков для публичных нужд // Правовые вопросы недвижимости. 2015. N 1. С. 30.
13. Мигущенко О.Н. Кадровая политика: системный подход // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. N 4. С. 30.
14. Поветкина Е.Л. Изъятие имущества для публичных нужд: цивилистические устои и современные тенденции // Закон. 2014. N 2. С. 41-60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО ОЦЕНКА

Бордюгов Г.Л.

аспирант кафедры криминалистики, Донбасская юридическая академия,
Донецкая Народная Республика, г. Донецк

Указывается, что судебная экспертиза является одной из разновидностей экспертизы, обладающей особыми признаками. При этом обязательным условием принятия на основе заключения судебного эксперта законных и обоснованных процессуальных решений является его правильная оценка. Рассматриваются критерии оценки заключения судебного эксперта в уголовном процессе.

Ключевые слова: оценка заключения судебного эксперта, относимость, допустимость, достоверность, доказательственное значение.

В соответствии со статьей 75 Уголовно-процессуального кодекса, который действует в настоящее время в Донецкой Народной Республике, в случае если для разрешения определенных вопросов при производстве по делу необходимы научные, технические или другие специальные знания, назначается судебная экспертиза, которая проводится лицом, обладающим необходимыми знаниями для дачи заключения по исследуемому вопросу.

Согласно мнению А.А. Эйсмана судебную экспертизу характеризуют три признака: применение специальных знаний; исследование; дача заключения. «Иначе говоря, экспертиза определяется как исследование, осуществляемое экспертом на основе специальных познаний в целях дачи заключения, служащего доказательством по делу [5, с. 89]. Однако данные признаки следует дополнить еще двумя, а именно: процессуальный регламент назначения и проведения судебной экспертизы

и специальный субъект проведения судебной экспертизы. Указанные признаки являются общими для всех судебных экспертиз, независимо от вида.

Таким образом, признаками судебной экспертизы являются:

- процессуальный регламент назначения и проведения судебной экспертизы. Назначение и проведение судебной экспертизы строго регламентировано процессуальным законодательством, в котором указаны основания назначения судебной экспертизы, порядок ее назначения, порядок и сроки ее проведения и т.п.;

- специальный субъект проведения судебной экспертизы. Судебная экспертиза проводится специальным субъектом – судебным экспертом, т.е. лицом, обладающим специальными знаниями, наделенным соответствующими процессуальными правами и обязанностями;

- применение специальных знаний. Судебная экспертиза является процессуальной формой использования специальных знаний. Следует отметить, что субъект, назначающий судебную экспертизу, использует специальные знания, которыми обладает судебный эксперт. Судебный эксперт же при проведении судебной экспертизы применяет специальные знания, которыми обладает;

- исследование. Судебная экспертиза проводится только в процессе и форме исследования. Судебная экспертиза в обязательном порядке является специальным исследованием. Однако исследование не обязательно является судебной экспертизой, поскольку не всякое исследование обладает указанными выше признаками;

- дача заключения. В результате проведения судебной экспертизы составляется заключение эксперта, которое имеет статус источника доказательств.

Судебная экспертиза – это способ исследования фактической информации, доказательств с целью получения новых доказательств. Под исследованием доказательств понимается уяснение содержания доказательства как факта, а также как средства доказывания. Экспертиза обычно состоит в исследовании специальных объектов с использованием других материалов дела, которые имеют характер доказательств. Для экспертизы характерно, что в результате исследования одних доказательств формируются другие доказательства [1, с. 49].

Судебная экспертиза в уголовном процессе назначается следователем или судом и проводится особым субъектом – судебным экспертом, который приобретает соответствующий процессуальный статус в силу вынесения следователем или судом постановления о назначении судебной экспертизы.

Результатом проведения судебной экспертизы является заключение эксперта, которое в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством является одним из источников доказательств, а фактические данные, отраженные в нем, – доказательствами.

Значение заключения судебного эксперта можно свести к следующему: заключение эксперта содержит доказательную информацию; в заключении эксперта содержатся данные о происхождении и причинных связях отдельных обстоятельств, признаков; в заключении эксперта содержатся данные о механизме образования тех или иных следов; с помощью заключения эксперта следователь или суд более объективно и обоснованно дает юридическую оценку факту, явлению.

Непременным условием принятия на основе заключения судебного эксперта законных и обоснованных процессуальных решений является его правильная оценка. Оценка заключения судебного эксперта в процессуальном плане производится по общим правилам, по которым вообще оцениваются любые доказательства в уголовном деле. Это означает, что оно не имеет заранее установленной силы и пре-

имущества перед другими доказательствами и оценивается в порядке, строго регламентированном уголовно-процессуальным законодательством.

Следователь или суд на основе анализа и оценки имеющихся доказательств, в том числе и заключения судебного эксперта, приходит к выводу о виновности лиц, в отношении которых проводится уголовное преследование. При этом оценка доказательств заключается в установлении их относимости, допустимости, достоверности и доказательственного значения.

Несмотря на то, что данным вопросам посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых, проблемы при оценке заключения эксперта зачастую связаны именно с определением указанных критериев.

Под относимостью заключения судебного эксперта понимается связь между его содержанием и обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, или иными данными, имеющими значение для правильного расследования уголовного дела. Наличие такой связи определяет возможность восстановления на основе заключения судебного эксперта фактической картины исследуемого события [4, с. 246].

Допустимость характеризует доказательство с точки зрения законности источника фактических данных и способов их получения, а также форм закрепления. Под допустимостью доказательств понимается признанная законодателем возможность использования данного источника в качестве процессуального носителя информации о фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу, а также процессуального закрепления этой информации соответствующим лицом или органом в установленном законом порядке [3, с. 39].

Достоверность заключения судебного эксперта означает, что факты и обстоятельства, установленные заключением, имели место в действительности. Это проверяется путем сопоставления различных данных, полученных при проведении различных следственных и судебных действий в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Такой анализ должен содержать в себе следующее: надежность примененной экспертом методики (апробирована ли методика, внедрена ли она в экспертную практику, внесена ли в реестр аттестованных методик и пр.); достаточность представленных на исследование эксперту материалов; полнота проведенного экспертного исследования; соответствие вывода эксперта исследовательской части заключения.

Доказательственное значение заключения эксперта определяется тем, входят ли обстоятельства, которые им установлены, в предмет доказывания по уголовному делу или же они являются доказательственными фактами, уликами. Нередко эти обстоятельства имеют решающее значение для дела [2, с. 520].

Таким образом, оценка заключения судебного эксперта в качестве источника доказательства – часть процесса доказывания, сложная мыслительная, логическая деятельность, которая включает изучение заключения, приобщенных к нему дополнительных материалов, и анализ информации, содержащейся в этих документах, что имеет своей целью определение относимости, допустимости, достоверности и доказательственного значения заключения эксперта в совокупности с другими доказательствами для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Список литературы

1. Галкин В.М. Юридическая природа экспертизы / В.М. Галкин // Труды ВНИИСЭ. – М.: ВНИИСЭ, 1971. – Вып.3. – С. 39-56.

2. Руководство по расследованию преступлений: Науч.-практ. пособие / А.В. Гриненко, Т.В. Каткова, Г.К. Кожевников и др. – Харьков: Консум, 2001. – 608 с.
3. Сибилева Н.В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе: Учеб. пособие / Н.В. Сибилева. – К.: УМК ВО, 1990. – 68 с.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин. Изд. 2-е исправленное и дополненное. – М.: Юридическая литература, 1973 – 736 с.
5. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – М.: Юридическая литература, 1967. – 152 с.

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ: ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Буклинов Н.А.

магистрант Юридического института,
Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

В статье рассмотрены вопросы организации судебного контроля за предварительным расследованием. Анализируются проблемы организации взаимодействия властных участников уголовного судопроизводства. Вносятся предложения по оптимизации их полномочий для обеспечения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебный контроль, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

Законодателем до настоящего времени вносятся изменения в нормы, которыми регламентируется деятельность суда на стадиях, предшествующих судебному разбирательству, поскольку не все проблемы правоприменительной деятельности, возникающие в ходе реализации судебного контроля нашли свое разрешение. Так, остается дискуссионным, требующим законодательного урегулирования, вопрос о правомочии руководителя следственного органа на обжалование промежуточных судебных решений в досудебном производстве.

Так, после вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ руководитель следственного органа перенял у прокурора большую часть полномочий по контролю за процессуальной деятельностью следователя, получив право давать согласие следователю на обращение с ходатайством в суд, а в связи с последующими изменениями, внесенными Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, получил право участвовать в судебных заседаниях, проводимых в предусмотренном ст. 108 и 125 УПК РФ порядке. Остается неясным умышленно или нет руководитель следственного органа не включен законодателем в перечень участников судебного заседания, проводимого для санкционирования и проверки законности производства следственных действий (в предусмотренном ст. 165 УПК РФ порядке), поскольку невозможно, исходя из внесенных противоречивых изменений, сделать однозначный вывод о его функциональном назначении в судебном заседании в досудебном производстве.

Кроме этого, законодатель, передав полномочия по согласованию решений следователя на обращение в суд руководителю следственного органа и в то же время сохранив участие прокурора в судебном-контрольном процессе, тем самым существенно затруднил понимание его роли в таком судебном заседании.

Прокурор в соответствии с действующим законодательством обязан участвовать только в судебном заседании, проводимом по правилам ст. 108 УПК РФ (ч. 4), обязанность его участия в иных судебных заседаниях в досудебном производстве законом не предусматривается, в нем лишь говорится о такой возможности [3, с. 126]. В то же время ведомственными нормативными правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ на прокуроров в досудебном производстве все же возлагается обязанность участвовать во всех судебных заседаниях (п. 1.6 Приказа ГП РФ от 2.06.2011 г. № 162). При этом участие прокурора в случае обращения следователя в суд, по оценке некоторых ученых, сводится исключительно к поддержанию или не поддержанию ходатайства следователя либо к даче заключения о законности и обоснованности его действий и решений [6, с. 135]. С этим можно согласиться, поскольку полномочия в отношении следователя, в том числе по отзыву ходатайства или отмене его решения об обращении в суд, прокурором утрачены.

Между тем, некоторыми учеными высказывается несогласие с существующей практикой. В частности, по мнению М.А. Табаковой, законодателем недвусмысленно установлена ведущая роль прокурора в процессе убеждения суда в необходимости применения мер пресечения тогда, как у следователя на это самостоятельные полномочия отсутствуют. Кроме этого, по ее мнению, полномочие суда на разрешение правового спора вопреки позиции прокурора в пользу следователя, противоречит принципу состязательности, поскольку он фактически становится органом уголовного преследования [5, с. 207]. Подобной точки зрения придерживается и другие авторы, которые, считая неприемлемым удовлетворение судом ходатайств следственных органов, которые в судебном заседании не поддерживаются прокурором, предлагают предусмотреть право прокурора на отзыв ходатайства следователя либо нормативное закрепление необходимости прекращения производства по такому ходатайству [7, с. 7].

На наш взгляд, наиболее обоснованной является позиция, которой придерживается Н.Н. Ковтун, отмечающий, что при принятии решения суд поступает не вопреки позиции, особому назначению прокурора или его роли в российском уголовном судопроизводстве, а исключительно с позиции учета критериев законности и обоснованности ходатайства, внесенного в суд следственным органом. Суд рассматривает не тяжбу между следственными органами, «слишком» осознавшими свою независимость», и прокуратурой, а правовой спор о наличии юридических и фактических оснований для удовлетворения ходатайства следователя [2, с. 30].

Действительно, не понятно, исходя из каких предпосылок, может быть сделан вывод о том, что суд, являющийся беспристрастным арбитром в разрешении спора личности и государства, не уполномочен на принятие решения, которое не соответствует мнению осуществляющего надзор прокурора. Как подчеркивает О.С. Ерохина, цели участия прокурора и следователя в судебном заседании могут не совпадать, хотя, безусловно, стремление данных участников должно быть единым – это создание условий для принятия судом законного и обоснованного решения [1, с. 34]. Поэтому следует согласиться с мнением ученых, которые считают, что суд по результатам рассмотрения ходатайства следователя может принять законное решение вопреки позиции прокурора.

Изложенное позволяет сделать вывод, что сегодня правовое положение следователя, руководителя следственного органа и прокурора в судебно-контрольном производстве существенно изменилось, а следственным органом приобретена полноценная роль участника судебного заседания, заинтересованного в результате его

разрешения. При этом, на наш взгляд, в досудебном производстве интерес следственного органа заключается в защите публичных интересов, в достижении назначения уголовного судопроизводства и вынесении законного и обоснованного судебного решения, чем и предопределяется роль руководителя следственного органа и следователя в судебном заседании.

Действующая сегодня концепция досудебного производства, идеей которой является становление самостоятельности следственного органа, не предполагает прямых отношений следователя и суда. В этой связи, на наш взгляд, необходимо законодательное закрепление за руководителем следственного органа полномочия, аналогичного праву прокурора на принесение своих возражений на решение суда, вынесенное по результатам его контрольной деятельности, и поддержку в суде апелляционной инстанции доводы, представленные в обращении. При этом следователь может быть приглашен в суд для дачи соответствующих пояснений по существу уголовного дела. Представляется, что такой подход позволит минимизировать случаи необоснованных обращений в вышестоящий суд.

Список литературы

1. Ерохина О.С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
2. Ковтун Н.Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. – 2010. – № 5.
3. Корнакова С.В. Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. – М.: Юрлитинформ.
4. Рябцева Е.В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (О соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. – 2008. – № 8.
5. Табакова М.А. Пробелы правового регулирования учета позиции прокурора при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения // Бизнес в законе. – 2012. – № 2.
6. Участники современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ.
7. Халиуллин А.Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 11.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫМ ОРГАНАМ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бутырская А.В.

заведующая кафедрой криминалистики, канд. юрид. наук,

Четвертый факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород), Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассмотрены актуальные, теоретические и прикладные вопросы, связанные с исследованием проблем, возникающих у следственных органов при получении образцов для сравнительного исследования. Анализируется возможность получения образцов для сравнительного исследования оперативным путем, а также спорные аспекты их

принудительного изъятия. С целью преодоления этой формы противодействия предлагаются некоторые изменения уголовно-процессуальных норм, устанавливающие порядок получения образцов для сравнительного исследований, расширяющие процессуальные полномочия следователя.

Ключевые слова: противодействие уголовному преследованию, получение образцов для сравнительного исследования, расширение процессуальных полномочий следователя, судебное решение.

Противодействие раскрытию и расследованию преступлений, объективному и справедливому рассмотрению уголовных дел в судах приобрело характер крайне негативного и очень опасного социально-правового явления [1, с. 4], затрудняющего и препятствующего исследованию обстоятельств, подлежащих доказыванию. В результате противодействия по разным основаниям могут быть прекращены уголовные дела, сокращена доказательная база.

Последние десятилетия вопросам противодействия учеными-криминалистами уделяется пристальное внимание, с 90-х годов 20 столетия этой проблеме посвящено достаточно много научных исследований, в частности, известны труды таких ученых-криминалистов как Бабаева Э.У., Журавлев С.Ю., Карагодин В.Н., Кустов А.М. и др.

Однако на сегодняшний день следует констатировать, что противодействие уголовному преследованию набирает обороты, становится все более изощренным и проявляет себя на всех этапах предварительного расследования.

В настоящее время используются как старые приемы преступного противодействия (отказ от дачи показания, оказание воздействия на участников уголовного судопроизводства), так и новые, связанные компьютерными технологиями. Вопросы противодействия и меры по его преодолению и в настоящее время не остаются без внимания ученых, тактике преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших посвящена работа Карнауховой О.Г. [5, с. 1-225], криминалистические средства преодоления противодействия уголовному преследованию в следственных изоляторах исследованы Поликарповым Б.А. [7, с. 1-202].

Противодействие может осуществляться в различных формах. Одна из них, признанная многими специалистами – это активная форма. Изучение эмпирического материала, а также формализованный опрос практических работников свидетельствует о распространении такой активной форма противодействия уголовному преследованию как отказ от дачи образцов для сравнительного исследования. В связи с этим хочется признать правоту Лубина А.Ф. и Журавлева С.Ю., которые считают, что противодействие расследованию «система действий (или бездействия), преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующего их использования в качестве судебных доказательств» [6, с. 345]. Отсутствие образцов для сравнительного исследования делает невозможным назначение криминалистических экспертиз, что в свою очередь препятствует вовлечению материальных следов преступления в уголовное дело, следствием чего является невозможность привлечь виновного к уголовной ответственности.

Примеров отказа от дачи образцов для сравнительного исследования в практике встречается достаточно много. Например, при расследовании уголовного дела, возбужденного по ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп), следователь предло-

жил обвиняемому «К» дать образцы голоса, до этого сотрудничавший со следствием «К», отказался предоставить образцы голоса и до окончания предварительного следствия вообще со следователем не разговаривал, аналогичная ситуация сложилась и по другому уголовному делу когда обвиняемая «А» после отказа предоставить образцы голоса, разговорила со следователем закрывая рот платком либо руками. Безусловно здесь имеются тактические просчёты следствия в организации работы. Изучение типичных следственных ситуаций позволило бы следователю предотвратить такую форму противодействия, предварительно предусмотреть применения видео или аудио средств при проведении иных следственных действий, когда подозреваемые или обвиняемые сотрудничают со следствием. Эта ситуация может быть поправима и в последующем, в частности, в ходе проведения обыска по месту жительства или работы, где могут быть обнаружены видеозаписи на электронных носителях с образцами голоса, возможно изъятия мобильного телефона.

Среди ученых и практиков существует позиция о возможности получения образцов голоса оперативным путем. Не имея возможности в рамках данной работы рассмотреть все аспекты этого проблемного вопроса, хотелось бы отметить, что позиция обосновывающая возможность получения образцов голоса оперативным путем представляется крайне спорной как с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, так и с позиции криминалистической тактики. Фактически следственное действие подменяется оперативно-розыскными мероприятиями. Статья 166 УПК РФ предусматривает составление протокола следственного действия, в котором описываются процессуальные действия и излагаются заявления лиц, участвующих в этом следственном действии. В связи с тем, что в ходе ОРМ протокол составлен не будет, нарушаются нормы указанной статьи в целом и права гражданина заявить какие-либо ходатайства о возможных нарушениях. С точки зрения криминалистической тактики необходимо соблюдение ряда условий, для обеспечения качественных образцов голоса, а именно, шумоизолированное помещение и технические средства, способные обеспечить качественную запись голоса. Не соблюдение этих условий может привести к невозможности проведения соответствующей фоноскопической экспертизы, и даст повод защите заявить ходатайство о признании доказательств недопустимыми. И вопрос здесь заключается даже не в том, обладают ли оперативные службы соответствующими помещениями и техническими средствами, а знакомы ли оперативные сотрудники с тактикой получения образцов голоса.

Не менее остро стоит проблема получения образцов крови, без которых практически невозможно доказать вину лица в совершении преступлений против личности. С точки зрения некоторых российских ученых возможно применение принуждения для получения образцов для сравнительного исследования. Так Гущев М.Е. и Лушин Е.А., проанализировав имеющееся по этому поводу судебную практику пришли к мнению, что «физическое воздействие, может применяться только если исчерпаны иные возможности сбора образцов для сравнительного исследования» [3, с. 112-117], при этом должен быть предусмотрен ряд мер [4, с. 160-163.]. Противником такой позиции выступает Гаврикова В.В. [2]. Кроме того, данный вывод противоречит ч. 2 ст. 202 УПК РФ запрещающей применять методы опасные для жизни и здоровья человека. В одном из регионов Приволжского федерального округа, обвиняемый «М», содержащийся под стражей отказался дать образцы крови, в результате чего к нему была применена физическая сила.

При этом обвиняемый «М» оказал сопротивление, следствием чего был отказ медицинского персонала от забора крови, мотивированный опасением проколоть вену обвиняемому. Можно ли в этом случае сделать вывод, что забор крови с применением физического воздействия, грозящий человеку проколом вены, является тем самым методом опасным для здоровья и соответственно запрещенный УПК РФ. Полагаю, что да. Из этой ситуации также есть выход, в том случае если лицо, у которого необходимо получить биологические образцы находится в местах заключения, нет никакой необходимости применять принудительные меры. Достаточно произвести выемку образцов крови из медицинской части учреждения.

Безусловно сложнее получать образцы крови свидетеля, потерпевшего, а также подозреваемого и обвиняемого, к которым применена мера пресечения в виде подписки о невыезде. С таким противодействием следователю бороться тяжелее, так как статья 202 УПК РФ предоставляет право следователю получить образцы крови, но не обязывает иных участников уголовного судопроизводства эти образцы дать.

Преодолеть противодействие уголовному преследованию возможно путем применения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, а также криминалистических (тактических и технических) и организационных. О криминалистических и организационных мерах было упомянуто выше, в криминалистической науке они уже достаточно разработаны. В связи с этим хотелось бы отметить, что уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер преодоления противодействия при получении образцов для сравнительного исследования в действующем законодательстве не имеется.

В настоящее время нейтрализовать рассматриваемую форму противодействия возможно лишь расширением процессуальных полномочий следователя.

Поэтому ст. 202 УПК РФ необходимо дополнить частью пятой следующего содержания: «Получение образцов для сравнительного исследования в случае отказа в их предоставлении производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ».

Дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ пунктом 13 следующего содержания «о получении образцов для сравнительного исследования в случае отказа их добровольного предоставления».

Часть 1 ст. 165 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных пунктами 4-9, 101, 11-13 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносит постановление».

Безусловно необходимо предусмотреть и уголовную ответственность за неисполнение решения суда о получении образцов для сравнительного исследования. Статья 315 УК РФ предусматривает ответственность только для должностных лиц. Поэтому следует дополнить статью 315 УК РФ частью второй, предусматривающей ответственность за неисполнение судебного решения физическими лицами.

Остается вопрос и об уголовной ответственности за отказ от предоставления образцов для сравнительного исследования. Статья 308 УПК РФ предусматривает такую ответственность только для свидетелей и потерпевших, подозреваемых и обвиняемых субъектами этого преступления не является вообще. Возможно ли изменение данной нормы и привлечение к уголовной ответственности лиц имеющих статус подозреваемых и обвиняемых за отказ от предоставления образцов для сравни-

тельного исследования или это противоречит положению, закрепленному в статье 51 Конституции Российской Федерации не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Относится ли понятие «не свидетельствовать» только к даче показаний или это применимо к иным следственным действиям. В примечании к ст. 308 УК РФ речь идет только об отказе от дачи показаний, то есть законодатель вкладывает в понятие «не свидетельствовать» действия, предусмотренные допросом.

С учётом этого полагаю возможным внести изменения в ст. 308 УК РФ, дополнив ее частью второй следующего содержания: «Отказ подозреваемого или обвиняемого от предоставления образцов почерка или иных образцов для сравнительного исследования – наказывается лишением свободы до 6 месяцев».

В заключении хотелось бы выразить надежду, что законодатель прислушается к нуждам следователя, интересы которого направлены на установление истины по делу и восстановление нарушенных прав пострадавших от преступлений и расширит процессуальные полномочия следователя, позволив следственным органам качественно и эффективно справляться с возрастающим противодействием уголовному преследованию.

Список литературы

1. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1996. С. 4.
2. Гавриков В.А. Получение образцов для сравнительного исследования (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) автор дисс. канд юрид наук. М. 2004. <http://lawtheses.com/poluchenie-obraztsov-dlya-sravnitelnogo-issledovaniya> (дата обращения 25.09.2017).
3. Гуцев М.Е., Лушин Е.А. Вопросы практики принудительного получения образцов для сравнительного исследования в России и Европе. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, №6. С. 112-117.
4. Гуцев М.Е. Принудительное получение образцов для сравнительного исследования. Материалы международной научно-практической конференции на «Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути их решения» М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 160-163.
5. Карнаухова О.Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших: дисс. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015. 225 с.
6. Лубин А.Ф., Журавлев С.Ю. Нейтрализация противодействия расследованию. Криминалистика. Расследование преступлений в сфере экономики. Н. Новгород. 1995. 345 с.
7. Поликарпов Б.А. Противодействие уголовному преследованию в следственных изоляторах и криминалистические средства его преодоления: дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 202 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Вермеенко А.В.

аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются исторические памятники Древне Русского государства и законодательства становления централизованного государства, где имеются указания на

контрабанду как форму незаконного перемещения товаров между государствами без соответствующего разрешения. В частности, автором рассмотрены Договора Руси с Византией, Русская правда 1072 года, Псковская судная грамота 1397 года, Новгородская судная грамота 1471 года, Судебники Ивана III 1497 года и Ивана IV 1550 года, а также Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1648 года.

Ключевые слова: контрабанда, внешнеэкономическая деятельность, перемещение товаров, пошлина.

Контрабанда как одно из опасных преступлений, связанных с внешнеэкономическими отношениями, функционирующими в государстве, имеет достаточно длительную историю. По мнению А.З. Игнатюка, контрабанда как преступное поведение уже упоминалось в законодательстве X века, но достаточно четко было сформулировано лишь в нормативных актах XII – XIII веков [1, с. 9]. Такое поведение было обусловлено не столько тем, что до X века отсутствовало государство как таковое и те требования, которые связывались с экономическими взаимоотношениями, сколько с отсутствием законодательства как такового.

В тексте Договоров Руси с Византией 908 года, 911 года, 944 года отсутствует указание на перемещение товаров с нарушением контроля за данными товарами. Отсутствуют вопросы контрабанды и в первом письменном источнике Русской правды как в краткой редакции 1012 года, так и в пространной редакции 1072 года, что также не позволяет говорить о данном преступном поведении. Однако И.В. Розумань утверждает, что: «В старейшем древнерусском своде законов «Русская Правда» уже были закреплены правила торговли, порядок уплаты таможенных пошлин, применение санкций за контрабанду. Примером может служить такая разновидность штрафа, как промыт, которая устанавливала двойную ставку сбора за провоз или попытку провоза товара ухищренным способом» [4, с. 13]. Данное мнение автор не подкрепляет указанием на конкретные нормы Русской правды. В данном документе действительно имеется указание на взимание определенных обязательных платежей, но они не связаны с внешнеэкономической деятельностью, а скорее являются видами налога.

Отдельные ученые считают, что вопросы контрабанды были регламентированы в таком документе как Судебнике Владимира, где якобы имеется указание на попытку украдкой провезти товар, не уплатив пошлину, что наказывалось конфискацией товара и избием плетью перевозчика [3, С. 65-70]. Однако, в историческом плане такой документ не изучался и к какой именно эпохе он относился остается непонятным.

Отсутствует непосредственное указание на перемещение товара без контроля государства и неуплаты соответствующих выплат как в Псковской судной грамоте 1397 года, так и Новгородской судной грамоте 1471 года. Вероятное всего вопросы взимания соответствующих платежей было обусловлено самим фактом продажи товара иностранного происхождения, что определялось в самостоятельных нормативных актах.

Большое значение в развитии законодательства XV-XVI веков сыграли судебники Ивана III 1497 года и Ивана IV 1550 года. В данных документах, как и в ранее действовавших правовых актах, большое внимание было уделено вопросам привлечения к суду лиц допускающих нарушение законов. Однако, непосредственного указания на вопросы ответственности за перемещение товаров без соответствующих пошлин не было, однако присутствовало указание на сам факт переме-

щения иностранных лиц, в нашем случае купцов с товаром, по территории государства. Так, в ст. 47 Судебника 1497 года и ст. 24 Судебника 1550 года имелось указание на ответственность наместников за «обидные дела», т. е. разного рода насилия или несправедливости по отношению к «иногородцам». В части комментариев к судебникам, в можно обнаружить следующее указание: «Иногородцы (в отличие от чужеземцев – иностранцев) – жители других, иных городов Русского государства, не подсудных суду данного наместника. В большинстве случаев это купцы, ездившие с товарами из города в город» [5]. Следовательно, иностранные торговцы находились на территории государства и могли обжаловать действия кормленщиков в течение всего времени несения последними своих обязанностей. Обжалование действий наместника на общих основаниях должно было производиться иногородцами не позднее, чем в течение годичного срока с момента окончания срока обязанностей кормленщика [5].

Как справедливо отмечает Г.В. Каршина, возникновение контрабанды как явления незаконного скрытого перемещения товаров через таможенную или помимо таможен объективно связано с появлением института пошлины на ввозимые и вывозимые товары [2, с. 23.]. Это можно было обнаружить лишь в Соборном уложении 1648 года, который детально регулировал многие сферы жизни общества, в том числе и внешнеэкономическую. Он, в отличие от ранее действующих актов отличался деятельностью проработки и широтой правовой регламентации. Именно с данным документом связывается дательное регламентирование вопросов контрабанды как самостоятельного преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. При этом вопросам перемещения товаров были посвящены не только отдельные статьи названного документа, но и самостоятельная глава – Глава VI «О проезжих грамотах в и(ы)ные государства» [6].

В первой статье данной главы указывалось, что купцы, которые выезжали за пределы государства должны получить специальный документ о праве на осуществление внешнеэкономической деятельности (проезжая грамота), без которого торговля была запрещена. Тем самым вопросы лиц, которые перевозили товар с российского государства в иностранные контролировался. При этом если должностные лица (воеводы) не выдавали данный документ при соответствующем обращении, то они несли ответственность как перед государем («то быти от государя в великой опале»), так и в части возмещения убытков купцам (ст. 2 глава VI).

Если лица выезжали за пределы государства без специального разрешения для совершения там противоправных действий, то их надлежало задержать, и они подлежали наказанию в виде смертной казни («Да будет про него в сыску скажут, что он впрям ездил в и(ы)ное государство бес проезжие грамоты для измены, или для иного какова лихого дела, и того по сыску за измену казнити смертию» [6]).

В ситуации с выездом за пределы государства без разрешения с целью совершения там торговых операций, виновный наказывался битьем кнутом («А будет в сыску объявится, что он ездил в и(ы)ное государство бес проезжие грамоты для торгового промыслу, а не для измены, и ему за то учинити наказание, бити кнутом, чтобы на то смотря иным неповадно было так делати» [6]). При этом количество ударов не регламентировалось, но при этом такое наказание не должно было приводить к смерти виновного.

Следует иметь в виду, что получение специального разрешения на выезд за пределы государства с целью ведения там торговли распространялся не на всех лиц. Такое ограничение не применялось для лиц, которые проживали в пригранич-

ных районах Руси с Литовскими и Немецкими землями. Так, в ст. 5 главы VI указывалось, что: «А которых порубежных городов в уездах государевы дворцовые села и черные волости, и всяких чинов людей вотчины и поместья сошлись с Литовскими и с Немецкими с порубежными землями, и государевы земли проходили в Литовскую и в Немецкую сторону, а Литовская и Немецкая земля проходила в государеву сторону, а государевых дворцовых и черных волостей крестьяне и помещики и вотчинники и их люди и крестьяне чрез те Литовския и Немецкия порубежные земли ездят из города в город бес проезжих грамот, и съезжаются с литовскими и с немецкими людьми, и им того в вину не ставити для того, что они с литовскими и с немецкими с порубежными людьми живут смежно» [6].

Наряду с упомянутой главой вопросы контрабанды регламентировались в главе IX Соборного уложения 1649 года «О мытах и о перевозех, и о мостах». В статье первой данной главы определенные лица (бояре и иные чиновники) освобождались от уплаты пошлины за перемещение товаров. Однако, в случае если они с собой брали иных лиц, которые везли товары, то они наказывались битьем кнута: «А будет которые московских чинов всякие люди, и городовые дворяне, и дети боярские, и иноземцы по мытом и по перевозом и по мостом учнут с собою провозить торговых всяких чинов людей с товары, а про то сыщется, и тех людей бить кнутом, да на них же взяти мыт и мостовщину и перевоз втрое, и отдать мытовщиком и перевозыщиком и мостовщиком» [6].

Таким образом, можно констатировать, что вопросы контрабанды товаров различного назначения уже регламентировались в законодательстве Древней Руси и становления централизованного государства.

Список литературы

1. Игнатюк А.З. Контрабанда и иные правонарушения во внешнеэкономической деятельности [Текст]. – М., 2001. – 289 с.
2. Каршина Г.В. Уголовно-правовые и криминологические мера борьбы с контрабандой [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 180 с.
3. Памятники русского права [Текст] / Под ред. С. В. Юшкова. – М., 1953. – Т. 1. – С. 65-70.
4. Розумань И.В. Уголовная ответственность за контрбанду (по материалам Сибирского федерального округа) [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск 2005. – 194 с.
5. Российское законодательство X-XX веков. В 9 томах [Электронный ресурс] / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства.
6. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕДИЦИНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Герасимова Е.Д.

магистрант кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства,
Южно-Уральский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В данной статье рассмотрены виды юридической ответственности в медицинских отношениях. А также приведены основания для классификации юридической ответствен-

ности. Дано определение понятия «медицинские отношения» и обозначены их особенности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, медицинские отношения, юридическая ответственность в медицинских отношениях, классификация юридической ответственности, охрана здоровья, правонарушения в сфере охраны здоровья.

Вопрос о юридической ответственности в медицинских отношениях является весьма актуальным потому, что он затрагивает высшие ценности человека – жизнь и здоровье. Для изучения и выявления специфики этой правовой категории рассмотрим классификацию видов юридической ответственности в медицинских правоотношениях.

Наиболее распространенная классификация видов юридической ответственности по отраслевому критерию, в соответствии с которым выделяются: конституционная, уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная, материальная и процессуальная ответственность. С точки зрения данного критерия некоторые авторы считают, что любая самостоятельная отрасль права должна обладать собственным институтом юридической ответственности и выделяют ряд признаков к самостоятельности юридической ответственности: кодифицированный нормативный правовой акт, предусматривающий юридическую ответственность; особенности процессуального осуществления; наличие объекта правонарушения; вид установленных государством неблагоприятных последствий совершенного деяния. В связи с этим выделяют следующие виды юридической ответственности: конституционную, гражданско-правовую, трудовую, административную, финансовую, уголовную, гражданско-процессуальную и уголовно-процессуальную ответственность [6, с. 657].

Такой подход, с одной стороны, по нашему мнению является логичным так как если брать в основу именно отраслевой критерий классификации юридической ответственности, то ему должны соответствовать конкретные существующие отрасли права, что как, нами было отмечено ранее, такое соответствие отсутствует. С другой стороны, данный критерий нельзя расценивать достаточно правильным по ряду причин. Так, в частности дисциплинарную ответственность нельзя приписывать только к трудовой отрасли права, в силу того, что она распространяется и на депутатов, и на членов палат Федерального Собрания, на судей, имеющих особый статус, который не подпадает под действие норм трудового права и несмотря на отсутствие дисциплинарной и материальной отраслей права, такие виды ответственности бесспорно существуют. Кроме этого необходимо отметить, что как одна отрасль права может включать в себя несколько видов ответственности (например, трудовое право предусматривает дисциплинарную и материальную ответственность), так и один вид ответственности может регулироваться несколькими отраслями права (дисциплинарная ответственность регулируется как трудовым, так и административным правом).

Таким образом, мы считаем целесообразным классифицировать виды юридической ответственности не по отраслевому критерию, а по критерию характера (объема) отраслевого регулирования, то есть выделять виды ответственности не по тому, к какой отрасли права они непосредственно относятся, а каким образом осуществляется их регулирование: отраслевым или смешанным (межотраслевым). Исходя из этого, следует выделить следующие виды юридической ответственности: отраслевые, регулирующие конкретную отрасль права (конституционную,

гражданскую, административную, уголовную, материальную, гражданско-процессуальную, уголовно-процессуальную), и смешанные виды ответственности, регулирующие различные отрасли права (дисциплинарную, международную).

С позиции деления права на публичное и частное В.А. Кислухин выделяет публично-правовую и частноправовую юридическую ответственность, делая акцент на правовом пространстве, в рамках которого применяется тот или иной вид юридической ответственности. Так, под частноправовой ответственностью автор понимает ответственность субъекта частноправовых отношений за совершенное им нарушение норм отраслей частного права, реализующаяся посредством принудительного воздействия со стороны государства на основе закона и (или) в силу договора [2, с. 8].

В основу классификации юридической ответственности, предложенной Л. А. Морозовой лежит критерий, исходя из которого можно выделить юридическую ответственность физических и юридических лиц. В связи с многообразием разновидностей данных субъектов права, виды юридической ответственности могут быть конкретизированы как: юридическая ответственность акционерных обществ, производственных кооперативов, государственных организаций, должностных лиц, иностранных граждан, лиц без гражданства и других. А также Л.А. Морозова классифицирует юридическую ответственность по критерию содержания санкций на штрафную и правовосстановительную ответственность [4, с. 432].

Под медицинскими отношениями понимаются отношения, возникающие в сфере здравоохранения, которые обладают определенными особенностями:

1) основным объектом медицинских отношений является жизнь и здоровье человека;

2) реализация большинства медицинских отношений связана с наличием специальных условий, знаний и профессиональных навыков, от реализации которых непосредственно зависят жизнь и состояние здоровья человека;

3) медицинские отношения регулируются различными отраслями права;

4) участниками медицинских отношений являются как публичные, так и частные субъекты [5, с. 46].

Принимая во внимание специфику юридической ответственности в медицинских отношениях, в основу ее классификации могут быть положены следующие критерии.

По характеру (объему) регулирования целесообразно выделить две разновидности юридической ответственности в медицинских отношениях: отраслевую, регулирование которой осуществляется одной отраслью права (гражданская, административная, уголовная, материальная) и смешанную, регулирующуюся несколькими отраслями права (дисциплинарная ответственность свойственна трудовому праву, однако если дисциплинарные взыскания оспариваются в судебном порядке, то рассмотрение данного трудового спора осуществляется уже в рамках другой отрасли – гражданского процессуального права).

По форме вины можно разграничить ответственность за правонарушения по неосторожности (причинение смерти, тяжкого вреда здоровью по неосторожности в следствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей), ответственность за умышленное правонарушение (неоказание помощи больному), ответственность за невиновное правонарушение (причинение вреда при оказании медицинских услуг).

По субъектному составу необходимо выделить ответственность субъектов охраны здоровья граждан (органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных органов здравоохранения, должностных лиц, лечебно-профилактических учреждений, фармацевтических работников) и ответственность субъектов непосредственного оказания медицинской помощи (медицинских работников, младшего медицинского персонала по уходу за больными). Эта классификация отражает все многообразие субъектов, несущих ответственность в медицинских отношениях, а также тот факт, что она может возникнуть не только при непосредственном оказании медицинской помощи, но и в процессе охраны здоровья в целом.

По критерию правового пространства, в котором возникает юридическая ответственность в медицинских отношениях, следует выделить юридическую ответственность в публично-правовых и частноправовых медицинских отношениях. К публично-правовой относится ответственность в уголовном, административном, трудовом отраслях права (при ненадлежащем оказании медицинской помощи в государственных лечебных учреждениях, непредоставлении информации уполномоченными государственными органами), а к частноправовой относится юридическая ответственность в гражданском праве (при ненадлежащем оказании медицинских услуг в частных медицинских организациях).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что в классификации видов юридической ответственности должны быть учтены ее отличительные признаки. Целесообразно классифицировать юридическую ответственность по следующим основаниям: по характеру (объему) регулированию, по форме вины, по субъектному составу и по критерию правового пространства.

Список литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2012. 259 с.
2. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности. Автореферат дисс... канд. юр. наук. М.: Юридический институт МВД России, 2009. 164 с.
3. Общая теория государства и права: Академический курс в 3-х т. Том 3. М.: Магистр, 2012. 602 с.
4. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Эксмо, 2011. 512 с.
5. Скребнева Н.А. Юридическая ответственность в медицинских отношениях // Правовая инициатива. 2015. № 2. С. 46-51.
6. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 950 с.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Денисова М.А.

студентка 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Рубанов С.А.

ст. преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Современное развитие предпринимательской деятельности в нынешних условиях не может существовать без контроля и поддержки государства. Производится анализ деятельности государства в рекламной и туристской деятельности. Также указывается на необходимость принятия единого законодательного акта, регулирующего деятельность государства в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, государственное регулирование, реклама, туристская деятельность.

Роль государства в сфере регулирования предпринимательских отношений возрастает все больше и больше. Сейчас государство стремится оказать всевозможную поддержку предпринимательству, его развитию и прочному укреплению на экономической арене. Например, государственные и рыночные механизмы регулирования действуют в совокупности, не мешая, а помогая друг другу.

Основная цель, которую преследует регулирование предпринимательской деятельности со стороны государства – это создание таких условий, которые бы обеспечивали эффективное функционирование экономических процессов и способствовали участию предпринимателей в международном разделении труда и получении от этого прибыли.

В государственном регулировании сейчас наметилась тенденция смещения акцента со спроса на предложение. Также заметно изменился и механизм регулирования. Главенствующим видом государственного регулирования деятельности предпринимателей стало внедрение в долгосрочные программы развития экономики ключевых направлений структурной перестройки промышленности с ориентацией на экспортную специализацию.

Постепенно происходит перераспределение экономических функций, поэтому имеет важное значение сохранить баланс между интересами государства и частными лицами, т.к. непосредственно сами субъекты предпринимательской деятельности составляют основу экономики каждой страны [3].

Государственное регулирование предпринимательской деятельности основано на различных нормативных правовых актах, однако единого законодательного акта, четко регулирующего понятие, сущность, методы, функции и прочие общие положения отсутствует. В связи с чем можно сказать, что это является пробелом законодательства, и юристы-правоведы могут получать знания лишь из юридической литературы или из толкования норм закона.

Следует отметить важность принципа свободы предпринимательской деятельности. Его суть заключается в свободе выбора сферы деятельности, ее вида, контрагентов по договору, свобода в определении условий договора, конкуренция и т.д. Реализация этого принципа является одной из важнейших задач всех ветвей власти [1].

В нашем обществе свобода деятельности предпринимателей основана на праве частной собственности.

Профессор Морис Ориу говорил, что не существует непосредственной причинной связи между торговым обменом и индивидуальной свободой: свобода не была обретаема на ярмарочной площади, как и парламентский режим не был найден в лесах. Индивидуальная свобода существует так же долго, как и политическое подчинение. Правда, в известный момент социальной эволюции торговый обмен становится опорой для свободы, и опорой настолько необходимой, что без него свобода и индивидуализм, возможно, совершенно бы исчезли [4]. В связи с этим наблюдается тесная взаимосвязь между экономикой и политикой.

Отдельные виды предпринимательской деятельности, такие как строительная, торговая и другие, находятся под пристальным контролем государства, т.к. обладают большим социальным значением. Другие же виды деятельности предпринимателей, например, сельскохозяйственная, получают финансовую, организационную и другую поддержку от государства. Это естественно отражается в нормах закона. Поэтому целесообразно рассмотреть, как происходит регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности, на примере туристской деятельности и рекламной.

Регулирование деятельности предпринимателей в сфере рекламы определяется ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», а также Положением о государственном надзоре в области рекламы, утвержденного постановлением Правительства РФ от 20.12.2012 № 1346.

Основными направлениями деятельности государства в сфере рекламы являются: а) Выявление, предупреждение и пресечение нарушения органами государственной власти, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами, которые являются рекламодателями, производителями, распространителями; б) Принятие нормативных правовых актов в сфере рекламы и другие.

ФАС России имеет некоторые полномочия в данной сфере, а именно:

- 1) возбуждать и рассматривать дела об административных правонарушениях;
- 2) проводить плановые и внеплановые проверки соблюдения субъектами рекламной деятельности требований, предусмотренных законом, а также принимает по результатам рассмотрения таких дел решения и выдает предписания;
- 3) обращаться в арбитражный суд с исковыми заявлениями и заявлениями, перечисленными в Законе о рекламе.

Федеральная антимонопольная служба помимо всего выше упомянутого уполномочена возбуждать по своей инициативе, по инициативе государственных органов, а также физических и юридических лиц дела связанные с нарушением законодательства о рекламе.

Что касается туристической деятельности, то с 2011 года действует федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», которая была утверждена постановлением Правительства РФ от 02.08.2011 № 644. В ней установлено, что одной из задач туризма является решение проблем социальной направленности путем создания ра-

бочих мест тем самым будет происходить повышение занятости и роста благосостояния граждан.

Регулирование государства туристской деятельности осуществляется в следующих направлениях: а) Выявление наиболее важных направлений развития туризма в России; б) Формирование благоприятных условий для граждан путем предоставления акций, скидок и других средств, позволяющих туризму быть доступнее; в) Обеспечение информирования в сфере туризма; г) Принятие федеральных целевых программ, постановлений правительства, стратегий развития туризма в России (постановлении Правительства РФ от 02.08.2011 № 644 «О Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации», Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период 2008-2015 гг.) и т.д. [2].

Государственный контроль за осуществлением туристской деятельности в Российской Федерации осуществляет федеральный орган исполнительной власти – Федеральное агентство по туризму.

Таким образом можно сделать вывод, что государство обеспечивает регулирование предпринимательской деятельности в различных её областях. Помощь государства нельзя отрицать, его вмешательство происходит дозированно и лишь способствует развитию предпринимательства. Поэтому полностью отказаться от деятельности государства нельзя, но и нельзя допускать его к полному контролю над предпринимательством.

Список литературы

1. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2010.
2. Борисов А.А. Правовые коллизии в туристском законодательстве России // Туризм: право и экономика. 2013. № 3.
3. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: ЦентрЮрИнфор, 2001.
4. Ориу М. Основы публичного права / Пер. с фр.; под ред. Е. Пашуканиса. М.: Издательство коммунистической академии, 1929. С. 187.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Дмитроченко М.С.

студентка 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Рубанов С.А.

ст. преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Рассматривается вопрос незаконной предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Исследуются, ряд мер, применяемых государством для борьбы с незаконным предпринимательством в России, предлагая свои нововведения.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательство, незаконная предпринимательская деятельность, незаконное предпринимательство.

В Конституции РФ заложены правовые основы государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В статье 8 Конституции РФ признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Отдельные положения Конституции РФ гарантируют единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности.

В статье 34 установлено, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Статья 55 гарантирует, что права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Предпринимательство – инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, под свою имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность юридического лица [4, с. 14].

Основной проблемой для осуществления предпринимательской деятельности являются лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Такая деятельность наносит значительный ущерб экономике страны и сама по себе является незаконным видом деятельности.

Если гражданин решил заниматься предпринимательством, он должен зарегистрироваться в установленном законом порядке, получить лицензию, если она требуется для осуществления определенного вида деятельности (например, банковская деятельность, реализация алкогольной продукции и т.д.), а также встать на учет в налоговой инспекции как ИП. Если лицо не выполнит эти два условия, то его бизнес будет квалифицирован как незаконная предпринимательская деятельность.

Например, постановлением Октябрьского районного суда г. Белгорода (Белгородская область) по делу № 5-212/2017 от 20 марта 2017 г. гражданка Лукина А. В. продавец магазина осуществила реализацию алкогольной продукции, без специальной лицензии, чем нарушила положения Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». В судебном заседании Лукина А.В. вину в совершении правонарушения при установленных обстоятельствах признала и в содеянном раскаялась. Суд признал Лукину Анну Викторовну виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч.2 ст.14.1 КоАП РФ, и назначил ей административное наказание в виде административного штрафа в размере две тысячи рублей, с конфискацией предметов административного правонарушения [6].

Статья 14.1. КоАП «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)» бес-

печивает создание нормальных условий для развития предпринимательской деятельности. Право осуществлять предпринимательскую деятельность наступает только после государственной регистрации в качестве ИП. Государственную регистрацию юридических лиц осуществляет уполномоченный на то федеральный орган исполнительной власти. Функция государственной регистрации индивидуальных предпринимателей в настоящее время возложена на налоговые органы [3, ст. 22.1].

Незаконное предпринимательство, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству при котором произошло получение дохода в крупном размере, влечет за собой уголовную ответственность [2, ст. 171].

Налоговым кодексом РФ предусмотрена ответственность в виде уплаты немалых штрафов для нелегальных предпринимателей, которые длительное время осуществляют свой бизнес без определенных документов.

В большинстве случаев незаконная предпринимательская деятельность связана с нежеланием регистрироваться в качестве ИП, чтобы не платить установленные государством налоги, не проходить процедуру регистрации в качестве ИП, чтобы избежать бумажной волокиты, а так же извлечь больше прибыли.

Незаконную предпринимательскую деятельность осуществляют не только физические лица, но и лица, которым закон это прямо запрещает (государственные служащие, нотариусы, судьи и т.д.), поэтому они осуществляют предпринимательство без регистрации, дабы избежать негативных последствий для своей репутации и получить немалую прибыль от такой деятельности.

По мнению Л. В. Кравченко запрет на осуществление предпринимательской деятельности представляет собой юридическое средство правового регулирования, которое позволяет вытеснить с рынка производства товаров, выполнения работ и оказания услуг нежелательные, несправедливые, неразумные предпринимательские отношения отдельных его участников. Ограничение права на осуществление предпринимательской деятельности, в свою очередь, позволяет оставить определенные общественные отношения в сфере предпринимательства, сохраняя его участника на соответствующем рынке товаров, работ и услуг, сократив при этом его свободу до определенного предела [5, с. 312].

С мнением Л. В. Кравченко сложно не согласиться. Именно незаконная предпринимательская деятельность рождает нездоровую конкуренцию, вытесняя с рынка законных предпринимателей. В данной ситуации видится следующее решение проблемы.

Необходимо увеличить наказание за осуществление незаконной предпринимательской деятельности и изложить часть 1 статьи 171 УК РФ в следующей редакции: «Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев с лишением права осуществлять предпринимательскую деятельность в течение 5 лет».

Данное нововведение позволит снизить количество случаев осуществления незаконной предпринимательской деятельности и улучшить положение индивидуальных предпринимателей, функционирование товарных рынков и защитить права

как субъектов предпринимательской деятельности, так и потребителей товаров, работ и услуг.

Список литературы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 25. – ст. 2954.
3. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 33 (часть I). – ст. 3431.
4. Горфинкель В. Я. Предпринимательство: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям, специальности «Коммерция (торговое дело)» / под ред. В. Я. Горфинкеля, Г. Б. Поляка. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 687 с.
5. Кравченко Л. В. Ограничения предпринимательской деятельности: Особенности Российского законодательства. // Вестник Университета. 2014. № 20. – С. 311-313.
6. Постановление Октябрьского районного суда г. Белгорода (Белгородская область) по делу № 5-212/2017 от 20 марта 2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru>, свободный.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исааде Э.Э.

студент 2 курса магистратуры,
Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

В статье рассмотрены вопросы определения понятия субъекта преступления, даны признаки субъекта преступления. В работе предлагается внести изменения в Уголовный кодекс РФ в целях уточнения формулы закона и более четкого отграничения положений, применяемых к субъекту преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, субъект преступления, признаки субъекта преступления.

В данной статье будет исследован определенный спектр многочисленных вопросов учения о субъекте преступления, которое до настоящего времени как в отечественном, так и зарубежном уголовном праве носит по существу фрагментарный характер. Разумеется, вряд ли стоит претендовать на полное и всестороннее освещение рассмотренных проблем в рамках данной работы, поскольку многие из них, связанные с изучением субъекта преступления требуют усилий многих ученых различных областей знаний.

Вместе с тем предпринята попытка создать целостную концепцию общего учения о субъекте преступления в уголовном праве, и уделено особое внимание ключевым проблемным вопросам, которые часто возникают в теории, а также судебно-следственной практике. При этом в основу исследования положено диалек-

тическое единство преступного деяния и уголовной ответственности в отношении виновного лица, признаваемого субъектом преступления.

Не случайно особое внимание в работе было уделено изучению в уголовно-правовом аспекте не только признаков субъекта преступления, которые по своей форме и содержанию взаимообусловлены, так как является доминирующими, но и малоизвестным положениям отечественного уголовного законодательства, представляющим не только определенную новизну, но и трудность их реализации [4, с. 2].

В свою очередь историко-правовой и сравнительный анализ уголовно-правовых норм о субъекте преступления позволил сконцентрировать внимание на действующем уголовном законодательстве и выявить недостатки в практике его применения.

Однако не менее важными приоритетами, определяющими структуру и содержание работы, было изучение и анализ не только законодательных новелл, регулирующих вопросы привлечения лица, совершившего преступление к уголовной ответственности, но и исследование обстоятельств, исключающих признание его субъектом преступления. При этом исследование указанных и других сложнейших проблем, связанных с субъектом преступления и уголовной ответственностью в российском уголовном праве, имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение.

Наряду с разнообразием ключевых проблем в уголовном законодательстве следует констатировать, что нормы о субъекте преступления имеют первостепенное значение, так как самым тесным образом связаны со многими институтами уголовного права, которые требуют своего совершенствования [5, с.3]. В свою очередь, рассмотрение разных аспектов учения о субъекте преступления дает возможность определить общетеоретические и практические подходы в его дальнейшем изучении.

В целях комплексного исследования субъекта преступления как самостоятельного учения в уголовном праве, совершенствования уголовного законодательства и судебно-следственной практики в статье обоснованы следующие выводы, предложения и рекомендации:

1. Развитие науки уголовного права и совершенствование отечественного уголовного законодательства свидетельствуют, что необходимо дальнейшее исследование вопросов теории и методологии, которые являются основополагающими для познания любого учения и, в частности, учения о субъекте преступления. Вместе с тем, формирование теоретико-методологических основ учения о субъекте преступления должно рассматриваться через призму философских и уголовно-правовых теорий как прошлого, так и настоящего. Между тем, методология позволяет точнее обозначить проблему учения о субъекте преступления с историко-философских, правовых и теоретических позиций, помогает правильное определить и наметить наиболее важные и актуальные направления данного учения, а также глубже познать и понять логику и существо проблемы, выявить и закрепить важнейшие приоритеты в ее исследовании.

2. Теоретический и методологический анализ субъекта преступления в русском уголовном праве и уголовного законодательства советского периода позволил выявить некоторые особенности в подходе отечественных криминалистов к изучению и исследованию проблем, связанных с лицом, совершившим преступление, и привлечением его к уголовной ответственности.

Например, изучение и исследование уголовного законодательства РСФСР

привело к выводу, что законодатель на протяжении почти 80 лет постоянно обращался к уголовно-правовым нормам, определяющим признаки субъекта преступления [7, с. 4]. При этом перечень преступных деяний довольно часто менялся, а возрастные характеристики субъекта преступления детализировались и уточнялись на различных этапах развития советского государства, исходя из задач, стоящих перед ним в области борьбы с преступностью.

3. В результате отсутствия в теории уголовного права стройного учения о субъекте преступления учеными-криминалистами допускались (и допускаются) методологические ошибки, связанные с характеристикой его признаков при анализе составов преступлений. Определенные теоретические и методологические просчеты имеют место в рассматриваемом учении, когда происходит отождествление понятий «субъект преступления» и «личность преступника», которые по объему и внутреннему содержанию различаются и несут разную смысловую нагрузку, так как в первом случае это понятие уголовно-правовое, а во втором – криминологическое.

4. Представляется необходимым продолжить более углубленный и расширенный теоретический и методологический анализ и исследование субъекта преступления в исторической ретроспективе: русском, российском и зарубежном уголовном праве, что позволит выявить характерные особенности в подходе криминалистов разных стран к изучению основных проблем, связанных с лицом, совершившим преступление, и привлечением его к уголовной ответственности. Вместе с тем изучение социальной сущности и правовой природы субъекта преступления в зарубежном уголовном праве дает возможность для сравнительного анализа объекта и предмета исследования, а также учета положительного опыта различных правовых систем.

5. Исследование субъекта преступления и уголовной ответственности показало, что субъект преступления, рассматриваемый как совокупность предусмотренных в законе признаков, являясь одним из элементов состава преступления, наиболее тесно связан с уголовной ответственностью. Следовательно, только при наличии вменяемости и возраста, предусмотренных в законе, физическое лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности. И хотя в ряде случаев и при определенных обстоятельствах общественно опасное деяние может совершить любое физическое лицо, но субъектом преступления может быть только то, которое обладает указанными признаками, установленными в законе.

6. Рассматривая уголовную ответственность в ее ретроспективном аспекте как правовое последствие совершенного преступления и определяя начальный момент ее наступления, следует исходить из того, что при установлении на предварительном следствии вменяемости и возраста, предусмотренных в УК РФ, речь уже может идти о субъекте преступления с предъявлением ему обвинения, при наличии соответствующих доказательств, в инкриминируемом ему деянии [8, с. 5]. При этом привлечение субъекта преступления к уголовной ответственности на стадии предъявления ему обвинения, не может рассматриваться как отказ от презумпции невиновности, так как окончательный вывод о его виновности может сделать только суд.

7. Подробно исследуя возраст как признак субъекта преступления, а также учитывая эмпирические данные собственных и других исследований наравне с официальными данными уголовной статистики, представляется необходимым в законодательном порядке решать вопрос об уточнении возрастных границ уголовной ответственности в современных условиях борьбы с преступностью как в сторону

снижения до 13 лет (ч. 2 ст. 105 УК РФ), так и повышения. В последнем случае оно должно осуществляться законодателем не сразу за все преступления, а избирательным путем, учитывая специфику преступлений, особенности субъекта, а также его правовое положение.

Что же касается создания специального уголовно-правового механизма по реализации уголовной ответственности пожилых людей за совершенное преступление, то такой потребности законодатель не должен испытывать, так как границы пожилого и старческого возраста условны для каждого человека. Поэтому лица пожилого и старческого возраста, совершившие преступление во вменяемом состоянии, способны нести уголовную ответственность на общих основаниях в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ. Вместе с тем данная проблема нуждается в дальнейшем комплексном исследовании специалистами различных отраслей знаний, а ряд положений о возрасте как признаке субъекта преступления, исследуемых в диссертации, требуют законодательного решения [10, с. 6].

8. Рассмотрение вменяемости как признака субъекта преступления в отечественном и зарубежном уголовном праве приводит к выводу о целесообразности проведения дальнейших исследований в этом направлении и в необходимости разработки и законодательного закрепления критериев вменяемости в уголовном законе. При этом следует утверждать, что вменяемость является условием наступления уголовной ответственности субъекта преступления.

9. Исходя из научной и практической значимости и общепринятого понимания уголовного закона необходимо уточнить и определить понятие невменяемости в следующей редакции: «Невменяемость представляет собой различные виды болезненных психических расстройств лица, которое во время совершения общественно опасного деяния причиняет вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, и не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, что исключает виновность данного лица и признание его субъектом преступления, а также привлечение к уголовной ответственности и назначение ему наказания». Совокупность критериев невменяемости дает основание для правовой оценки не только самого лица и содеянного, но и наступивших последствий. В свою очередь, неправильное установление в судебно-следственной практике критериев невменяемости приводит к ошибочным решениям, связанным с нарушением законности в отношении психически больных лиц, совершивших преступное деяние.

10. Анализируя нормы закона и изучая соответствующую литературу, следует считать, что законодательная формулировка ч. 3 ст. 20 УК РФ – отставание в психическом развитии и понятие «задержка психического развития» (ЗПР), употребляемое чаще всего в педагогике (дефектологии), психологии и медицине, необходимо рассматривать как одинаковые понятия, несущие равнозначную смысловую нагрузку [6, с. 7].

11. В целях уточнения формулы закона и более четкого отграничения положений, зафиксированных в ч. 3 ст. 20 УК РФ и ч. 1 ст. 22 УК РФ, предлагается включить в Уголовный кодекс РФ самостоятельную норму – ст. 201 с названием «Лица, не подлежащие уголовной ответственности» в следующей редакции: «Если несовершеннолетнее лицо достигло возраста, предусмотренного статьей 20 настоящего Кодекса, но вследствие отставания или нарушения в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могло полностью осознавать фактический характер и обще-

ственную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, оно не подлежит уголовной ответственности» [11, с. 7].

12. Исходя из собственных и многих других исследований аномальных субъектов преступления и сложности применения ст. 22 УК РФ возникает необходимость комплексной разработки и определения со стороны ученых-юристов, психиатров, психологов и др. критериев психических аномалий, не исключающих вменяемости. Для решения этой сложной проблемы следует сначала разработать и законодательно закрепить в УК РФ критерии вменяемости, а затем на комплексной основе с учетом критериев вменяемости и невменяемости определить медицинский и юридический критерии аномальных субъектов преступления с последующим их отражением в ст. 22 УК РФ.

14. В целях совершенствования уголовного законодательства и эффективности его применения в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, предлагается в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ) включить пункт в следующей редакции: «Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Суд вправе в зависимости от характера совершенного преступления не признавать это обстоятельством отягчающим наказание» [13, с. 8].

15. Представляется необходимым предусмотреть отдельную статью 231 об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в результате принудительного опьянения. Данную законодательную новеллу предлагается изложить в следующей редакции: «Освобождается от уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии опьянения, вызванного насильственным путем в виде физического принуждения к приему алкоголя, наркотических средств или одурманивающих веществ. При установлении виновности лица это обстоятельство может быть учтено судом как смягчающее наказание» [2, с. 8].

16. Системно-структурный анализ уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ 1996 г. позволил определить на 1 июля 2000 г. количество статей со специальным субъектом, которые составляют 43 %. Из них 32 % преступлений законодателем сконструированы как основные составы, а 11 % относятся к квалифицированным. Наиболее характерные разделы УК РФ с ярко выраженными признаками специального субъекта: преступления, направленные против государственной власти – 11 %; преступления против личности – 9 %; преступления, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок – 8 %; преступления против военной службы – 8 %.

17. Рассматривая дискуссию о правовом положении преподавателя высшего и среднего образовательных учреждений следует сказать, что они подлежат уголовной ответственности при условии, если совершенное ими преступление связано с использованием служебного положения, но не с выполнением функций преподавателя. Аналогично решается вопрос и при квалификации преступных действий в отношении медицинских работников, являющихся специальным субъектом должностного преступления.

18. С позиций теоретической и практической значимости требует некоторого законодательного уточнения определение понятия должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ [1, с. 9].

19. Проведенный анализ преступлений, предусмотренных ст. 313 и ст. 314 УК РФ (главы 31 – преступления против правосудия) позволяет заметить: хотя

преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, и относится к группе общественно опасных деяний, посягающих на порядок управления (гл. 32), его, тем не менее, можно отнести к преступлениям, которые причиняют вред интересам правосудия. При совершении данного преступления посягательство, хотя и осуществляется в результате дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества виновных лиц, однако при этом нарушается исполнение приговора суда по реализации уголовного наказания, что имеет непосредственное отношение к интересам правосудия наряду с преступлениями, предусмотренными ст. 313 и 314 УК РФ [15, с. 9].

20. Учитывая, что ст. 331 УК РФ законодателем сконструирована не совсем удачно, так как она носит комбинированный характер: по существу, в ней раскрывается понятие преступления против военной службы и указываются виды лиц, признаваемых субъектами воинских преступлений, предлагается ее изложить в другой редакции: а), часть 1 данной статьи «Понятие преступлений против военной службы» изложить следующим образом: «Воинскими преступлениями признаются предусмотренные настоящим Кодексом общественно опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные лицами, которые являются субъектами этих преступлений»; б), во избежание повторов ч. 2 ст. [14, с. 9] 331 УК РФ полностью исключить и на ее место переместить ч. 3 данной статьи без каких-либо изменений.

22. При подавляющем большинстве отечественных и зарубежных ученых-юристов, склоняющихся к тому, что уголовную ответственность за преступные деяния может нести только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста, проблема уголовной ответственности юридических лиц в настоящее время требует глубоких комплексных исследований учеными различных отраслей права [3, с. 10].

23. При разграничении понятий «субъект преступления» и «личность преступника» прежде всего следует иметь в виду, что уголовное право и криминология как науки и как самостоятельные дисциплины имеют свой предмет изучения и исследования, а также оперируют присущими им понятиями и категориями. Субъект преступления рассматривается как самостоятельное учение в уголовном праве, тогда как личность преступника – самостоятельное учение в криминологии [12, с. 10].

Особо следует сказать, что актуальность вопросов о субъекте преступления в уголовном праве не теряет своей значимости и в наши дни. Наконец, любое учение требует своего развития, более глубокого теоретического осмысления именно с позиций современных реалий и трудностей сегодняшнего дня, а законодательство совершенствования. В данном случае не будет исключением и учение о субъекте преступления в уголовном праве на современном этапе развития Российского государства.

Комплексность и системность изучения субъекта преступления, обеспечение правильного понимания уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление, непременно, будет способствовать не только неукоснительному его исполнению, но и укреплению законности в деятельности правоприменительных органов по предупреждению преступлений.

Список литературы

1. Батычко В.Т. Уголовное право. Общая часть: Конспект лекций. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 242 с.
2. Брагин А.П. Российское уголовное право: Учебно-методический комплекс. –

М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. – 426 с.

3. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2011. – 415 с.

4. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации Общая часть Учебник. – Краснодар, 2013. – 404 с.

5. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении. Том 1 Учебник. – М.: Зерцало, 2002. – 535 с.

6. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. – Том 2: Общая часть. – М.: «НАУКА», 2009. – 516 с.

7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 879 с.

8. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой – Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 560 с.

9. Уголовное право. Общая и Особенная части: Краткий курс / Под ред. Кочои С.М. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – 242 с.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2011. – 720 с.

11. Уголовное право. Общая часть. В.П. Ревин. Электронная книга [Электронный ресурс] URL: www.book2.me (дата обращения: 10.02.2015).

12. Уголовное право Российской Федерации. Общая Учебник / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова и перераб. и доп. – М.: Юрист, 2010. – 480 с.

13. Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. / Под ред. д. ю. н., проф. А.Н. Игнатова и д. ю. н., проф. Ю.А. Красикова. – Т. 1: Общая часть. – М.: Норма, 2010. – 592 с.

14. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд., с изм. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 496 с.

15. Чернышова И.А. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. – Новочеркасск, 2011. – 124 с.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИИ

Кадиева З.Т.

магистрант, Международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

В статье рассмотрены основные исторические этапы развития брачного договора в российском законодательстве, определена правовая природа брачного договора, субъектный состав брачного договора; дан сравнительный анализ с зарубежным законодательством формы и порядка заключения брачного договора.

Ключевые слова: брачный договор, Гражданский кодекс РФ, брачный контракт, Семейный кодекс РФ, договорный режим имущества супругов.

Институт договорного режима имущества супругов есть один из главных новелл семейного законодательства. Необходимость создания такого института возникла благодаря объективным причинам. Нововведения в экономической сфере в РФ вернули назад понятие «частная собственность» в экономический, житейский и правовой оборот. Эти законы дали гражданам право быть собственниками абсолют-

но любого имущества. Также эти законы встали на защиту их интересов. Становление и развитие частной собственности и предпринимательской деятельности, предоставление участникам гражданского оборота экономической свободы вызвали более гибкого правового регулирования имущественных отношений между супругами, усиления начал в семейном законодательстве.

Так заключение брачного договора стало возможным после принятия 1 января 1995 г. первой части Гражданского кодекса РФ (п.1 ст. 256).

После принятия 1 марта 1996 г. нового Семейного кодекса РФ, правовое регулирование имущественных отношений супругов получило глубокое развитие в специальной главе 8 «Договорный режим имущества супругов». Ранее безымянный договор между супругами стал называться брачным договором согласно ст. 40 СК РФ. Мысли о легализации данного правового института отстаивались давно практиками и учеными. Ведь закон не в состоянии учесть все сложные перипетии в жизни, которые влияют на обязанности и имущественные права каждого из супругов. При использовании норм данного закона к некоторым жизненным ситуациями иногда возникают споры о толковании форм, также возникают долгие судебные разбирательства. Во избежание подобных отношений необходимо оформлять и заключать брачный договор.

Понятие "брачный контракт" является точным и дословным переводом английского *marriage contract* и аналогом понятия "брачный договор" [6, с. 63].

Статья 40 СК РФ [4] говорит, что брачным контрактом является договор лиц, вступающих в супружество, либо договор супругов, определяющее имущественные права и повинности супругов в браке и (либо) в случае его расторжения.

Из указанной дефиниции выходят такие признаки брачного контракта, как:

- договор;
- субъекты контракта – это лица, вступающие в супружество, либо супруги;
- содержание или объект контракта – определение имущественных прав и повинностей супругов;
- период деяния положений контракта – в движение брака и (либо) после его расторжения.

В РФ брачные договоры применяются редко [15, с. 39]. Сообразно инф. Главного канала телевидения (на апрель 2015 г.), в РФ 10% вступающих в супружество пар заключают супружеский договор.

В феврале 2016 г. кандидат психологических наук Елизавета Огородникова именovala те же 10% и обозначила, что ещё "... пару лет назад его заключали лишь 7%".

В 2000-е годы брачные договоры были ещё большей диковиной, к примеру, сообразно словам защитника Алевтина Мошанского, на тот момент ему доводилось удостоверять 10 – 15 таковых документов в год [12, с. 382].

Член Московской палаты адвокатов Светлана Кирюшина говорит [11], что в экспертных подсчетах вероятна последующая опечатка: ч. данных договоров, сообразно её понятию, даже большая часть, содержится конкретно с целью избежать "... длительных судебных тяжб сообразно предлогу раздела имущества". В таком случае этот акт является уже не брачным договором, а практически мировым соглашением лиц, уже не являющихся женами.

Разбирая некие данные, разрешено прийти к выводу, что чаще только брачные договоры оформляются:

- супругами, посреди которых один либо оба уже находились в брачных

отношениях и прошли чрез функцию раздела имущества сообразно закону;

– соответственно, возрастной состав – от 30 лет.

Среди тех, кто включает контракт, уже будучи в браке, почаше только лица до 30. При этом семейный стаж данных лиц – от 1-го года по 3-х лет. Существенно реже супружеский контракт заключают граждане в возрасте от 40 до 50 лет.

Посреди тех, кто вступает в супружество в первый раз, в довольно юном возрасте, контракт заключают единицы. Это происходит сообразно настоянию старших родственников или родителей.

Стоит подметить, что договоры оформляются почаше в центральных регионах и больших городках страны – вслед за тем, в каком месте сообразно беспристрастным факторам больше заработки, больше материальное благополучие населения.

Часто инициаторами заключения брачного контракта являются мужчины, желающие застраховать себя в случае развода от претензий со стороны супруги. В то же время есть случаи, когда подписание брачного договора просит дама – все зависит от конкретных событий и конкретно от благополучия супругов. В общем, сфера личного бизнеса провоцирует людей к заключению таковых соглашений, т.к. к моменту регистрации брака, исходный основной капитал уже вложен в дело и предстоящая покупка принадлежности проистекает на базе вложенных средств. Таковым образом, для охраны собственного бизнеса от посягательств, коммерсанты идут на подписание брачного договора.

Супружеский контракт может быть типичным имущественным кодексом конкретной брачной пары, подробно определяя фактически все имущественные нюансы семейной жизни [14, с.104].

Определение какого-то понятия обязано обхватывать его значительные признаки. С учетом этого хоть какое определение в некой степени условно и отрывочно. Условность определения брачного контракта состоит в том, что направление или содержание дано довольно обширно. Брачным контрактом можно определить только часть прав и обязанностей супругов (ст. 42 СК РФ).

Эксперимент заграничных государств, в которых вероятность заключения брачного контракта издавна признана законодательством, свидетельствует о том, что, понятие брачного контракта предшествует предисловию в супружества.

Это же обосновывает и российская практика. Из 30 проанализированных брачных соглашений, заключенных в обл. Москвы, 10 заключено лицами, вступающими в супружество; 14 – супругами-молодоженами, состоящими в браке от 1-го дня по 2-ух месяцев; 6 – женами с разным стажем совместной жизни. Другими словами, нередко субъектами брачного контракта есть конкретно лица, вступающие в брак [13, с. 41].

Первоначальные шаги в обновлении семейного права РФ были предприняты в конце 1994 – истоке 1995 г. методом внесения конфигураций и добавлений в КоБС РСФСР. Но до принятия новейшего СК РФ произносить серьезно о реформировании брачно-семейного законодательства было невозможно. Конкретно он заложил новейший путь в регулировании брачно-семейных отношений, заменив императивно-дозволительный способ на диспозитивный. В этом и содержится основная и бесспорная важность новейшего кодекса.

С точки зрения Н. Е. Сосипатровой, значимой новацией Кодекса, в каком месте ясно проявился способ диспозитивности, появилось закрепление в нем договорного режима богатства супругов, под которым следует воспринимать "... поря-

док, работающий в отношении богатства, нажитого во время брака, который в отличие от законного режима установлен самими супругами в брачном договоре" [14, с. 76].

СК РФ произносит о брачных договорах, на практике же очень нередко употребляется термин "брачный контракт" либо "брачное соглашение", это подчеркивает, что эти понятия равнозначны сообразно смыслу, иными словами, они являются синонимами.

Особенный смысл семейное законодательство получает в процессе заключения брачного контракта, при формировании и согласовании его условий, а еще при внесении конфигураций в супружеский контракт. Верное сознание принципов семейного права, их целый учет при заключении и (либо) изменении брачного контракта в окончательном счете ликвидируют опасности дозволения юридических ошибок, разрешая добиться положительного эффекта договорного регулирования имущественных отношений супругов и, как последствие, убавить численность судебных споров [14, с. 76].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (действующая редакция) //Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (действующая редакция) // Российская газета. – 1994. – 08 декабря.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (действующая редакция) //Собрание законодательства РФ – 2006. – N 52 (1 ч.) – ст. 5496.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (действующая редакция) // Российская газета. – 1996. – 27 января.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (действующая редакция) // Парламентская газета. – 2000. – N 151-152.
6. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ (действующая редакция) "Об актах гражданского состояния"//Собрание законодательства РФ. – 1997. – N 47. – ст. 5340.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (действующая редакция) // Российская газета. – 1993. – 13 марта.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (действующая редакция) "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака" // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 1.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009"О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации"// Российская газета. – 2009. – N 70.
10. Карпенкова Т. В. Кардинальные изменения в мире, вызванные распадом СССР «Известия Тульского Государственного Университета», вып. 4, 2013 Гуманитарные науки.
11. Кирюшина С. Брачный договор в России // Наука и жизнь. 2015. – № 9.
12. Киселева К. Вступлю в брак. Торг уместен // Коммерсантъ-Власть. 2008. – № 31 – С.382.
13. Максимович Л.Б. Брачный договор (контракт). М.: Ось 89. – 2012. – С. 41.
14. Низамиева О.Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань: Изд-во "Таглитмат". 2013. – С. 104.
14. Сосипатрова Н.Е. Брачный договор: правовая природа, содержание, прекращение // Государство и право. 2009.- № 3. – С. 76.
15. Цыпандина Т. Семейная кухня, или как правильно жить по брачному договору. 2015. – С. 39.

16. Шершень Т.В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюллетень нотариальной практики. 2013. – № 5. – С. 16.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Караева А.А.

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
канд. юрид. наук, Оренбургский государственный университет,
Россия, г. Оренбург

В статье рассматривается понятие и сущность судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Анализируются мнения ученых-процессуалистов по вопросу определения понятий «правосудия» и «судебный контроль». Рассмотрены признаки процессуальной деятельности суда при осуществлении им судебного контроля, отличающие данную деятельность от осуществления правосудия, на основе изучения и анализе которых выведено определение понятию «судебный контроль».

Ключевые слова: правосудие, судебный контроль, функция суда, уголовно-процессуальная деятельность, суд, уголовно-процессуальные правоотношения.

В соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе принципа разделения властей, на законодательную, исполнительную и судебную.

Судебная власть является одной из ветвей государственной власти, которая осуществляется самостоятельно и независимо от других форм и отраслей государственной власти посредством специальных органов этой власти – судов, обладающих правом и исключительной монополией на эту власть.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, основным видом деятельности суда является осуществление правосудия, то есть рассмотрение уголовного дела по существу. Однако этим функция суда в уголовном процессе не ограничена. Законодатель возложил на него обязанность по выполнению правообеспечительной и правовосстановительной функции, а именно осуществление судебного контроля.

УПК РФ не содержит определение понятию «судебный контроль», а в науке уголовно-процессуального права среди ученых нет единого мнения по данному вопросу. Так, в частности, В.М. Лебедев [7, с. 8] и Н.Н. Ковтун считают [5, с. 27], что судебный контроль – это особая форма осуществления правосудия. По мнению В.П. Кашепова, судебный контроль – это своеобразная деятельность суда, которая по форме примыкает к правосудию [4, с. 70]. В.А. Лазарева судебный контроль на стадии предварительного расследования относит к составной части правосудия [6, с. 54]. То, что в понятие в правосудие следует включать и судебный контроль считает и В.М. Борзов [1, с. 18].

По нашему мнению, ни одна из приведенных точек зрения не является верной, т.к. не следует смешивать абсолютно разные функции суда, а именно осуществление правосудия и судебного контроля.

Ряд ученых придерживаются точки зрения, согласно которой, если в основе деятельности суда лежит спор, конфликт, то этот вид деятельности является право-

судием, если же конфликта нет, а имеется лишь деятельность суда по приданию решениям органов расследования или прокурора законной силы путем силы принятия соответствующего судебного решения, то такой вид судебной деятельности не относится к правосудию [10, с. 10].

С таким мнением вряд ли можно согласиться. Так, по нашему мнению, если авторы в основу правосудия ставят правовой спор о праве, который возник между двумя сторонами правового конфликта, то данный спор может возникнуть и на досудебном разбирательстве, например, при выборе меры пресечения, и на стадии исполнения приговора, при решении вопроса о замене наказания, в обоих случаях затрагиваются права участников судопроизводства, следовательно налицо спор о праве.

По нашему мнению, под правосудием следует понимать государственную деятельность суда по рассмотрению уголовного дела по существу. Рассматривая жалобы участников уголовно-процессуального правоотношения на действия или решения органа предварительного расследования, суд хоть и разрешает тот или иной вид уголовно-процессуального конфликта, который связан с нарушением прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовному делу, но не решает главный вопрос – о виновности и невиновности лица, а также не рассматривает и не разрешает уголовное дело по существу.

На это обращает внимание и Н.А. Лопаткин, который считает, что при осуществлении судебного контроля судья не решает вопрос о виновности или невиновности подозреваемого (обвиняемого), а при решении вопроса об избрании меры пресечения, лишь исследует доказательства в рамках доводов, заявленных лицом, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, и его защитником [8, с. 21].

В.Ю. Мельников считает, что судебный контроль – это специфическая уголовно-процессуальная деятельность, направленная на обеспечение соблюдения в уголовном процессе конституционных прав и свобод участников процесса, недопущения их нарушения, восстановление незаконно и (или) необоснованно нарушенных конституционных прав [9]. Такого же мнения придерживаются и Л.В. Виницкий и Г.С. Русман, по мнению которых, в порядке осуществления судебного контроля содержанием деятельности суда является проверка законности и обоснованности ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а не решение вопроса о виновности лица. К тому же контрольную деятельность суда в досудебном производстве нельзя назвать в полной мере судебным разбирательством [2, с. 15].

Еще одним отличием осуществления правосудия от судебного контроля, является временные границы. Осуществление правосудия судом начинается с момента рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу, в то время как реализация функции судебного контроля начинается с момента обжалования в суд любого решения или действия дознавателя, следователя или прокурора.

Мы согласны с мнением Н.Г. Муратовой, что «судебный контроль в уголовном судопроизводстве представляет собой многоаспектную (многофункциональную) уголовно-процессуальную деятельность органа судебной власти, которая осуществляется в установленных уголовно-процессуальным законом формах, направлена на реализацию института судебной защиты в целях обеспечения доступа к правосудию и восстановления нарушенных прав и законных интересов человека и гражданина при производстве по уголовному делу» [3, с. 68].

Таким образом, судебный контроль в уголовном судопроизводстве – это многофункциональную уголовно-процессуальную деятельность суда, осуществляемая им в определенных уголовно-процессуальным законодательством формах, направлена на реализацию института судебной защиты и имеет своей целью обеспечение доступа к правосудию, а также восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина при производстве по уголовному/делу.

По нашему мнению, в современном российском уголовном судопроизводстве институт судебного контроля настолько сильно упрочил свои позиции, что можно говорить о нем как о самостоятельном направлении судебной деятельности.

В заключении хотелось бы отметить, что пределы судебного контроля в уголовном процессе определяются в первую очередь, полномочиями суда, наличием у него возможностей осуществлять проверку законности и обоснованности действий, решений органов предварительного следствия, дознания и прокурора. На современном этапе развития уголовного судопроизводства необходимо рационально сочетать разные формы контроля – судебного, прокурорского, ведомственного, и, как нам представляется, главная роль будет принадлежать именно судебному контролю, наделение суда полномочиями по осуществлению независимой оценки действий (бездействий) правоохранительных органов, связанных с ограничением конституционных прав граждан, создает повышенные условия защиты этих прав.

Список литературы

1. Борзов В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики) / В.М. Борзов. Екатеринбург, 1999. 231 с.
2. Виноцкий Л.В., Русман Г.С. Судебный контроль за избранием мер пресечений в виде заключения под стражу, домашнего ареста / Л.В. Виноцкий, Г.С. Русман. М.: Юрилитформ, 2008. 157 с.
3. Гуськова А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография / А.П. Гуськова, Н.Г. Муратова. М.: ИГ «Юрист», 2005. 318 с.
4. Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации / В.П. Кашепов // Государство и право. – 1998. – № 2. С. 70.
5. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н.Н. Ковтун. Нижний Новгород, 2002. 115 с.
6. Лазарева В.А. Укрепление законности и борьба с преступностью / В.А. Лазарева // Государство и право. – 2001. – № 5. С. 54.
7. Лебедев В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии / В.М. Лебедев. – М., 2001. С. 8.
8. Лопаткина, Н.А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Н.А. Лопаткина. Ижевск, 2001. 26 с.
9. Мельников В.Ю. Понятие правосудия и судебного контроля в досудебном производстве / В.Ю. Мельников // Администратор суда. – М.: Юрист. 2012. № 2. С. 5-10.
10. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России: монография / Е.В. Рябцева. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. 241 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ И БАЛТИИ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ, ИСКЛЮЧАЮЩЕМ ПРЕСТУПНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ

Клюев А.А.

доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются вопросы возрастных границ, по достижению которых лицо признается субъектом преступления и способен нести уголовную ответственность. Именно возрастные границы в первую очередь влияют на вопросы признания субъекта преступления. Также в статье рассматривают вопросы достижения возраста, когда у лица имеется отставание в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, но при котором оно не подлежит уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступление, субъект преступления, уголовная ответственность, возрастная невменяемость, возраст.

Одной из важных составляющих для разграничения субъектов преступления и лиц, совершивших общественно опасное деяние, когда они не подлежат уголовной ответственности, является достижение определенных возрастных границ. Во многом указание на возраст позволяет (не позволяет) оценить поступок как преступление (не преступное деяние). В уголовном законодательстве вопросы возраста регламентируются в ст. 20 УК РФ. Однако российское уголовное законодательство в этой части во многом имеет схожие черты с уголовным законодательством стран СНГ и Балтии.

В самих уголовных законах стран СНГ и Балтии ни говорится, что деяние, совершенное лицами, которые не достигли определенного возраста, признается общественно опасным, но не преступным. Однако это обусловлено обратным показателем – возможностью привлечения лиц к уголовной ответственности, если они достигли указанного в уголовном законе возраста. Определенный возраст фактически выступает пограничным порогом между преступным и не преступным поведением. Как полагает В.Г. Павлов: «Исходя из предписаний уголовного закона, вытекает противоположное положение о том, что лицо, не достигшее установленного законом возраста, совершившее преступное деяние, не может быть привлечено к уголовной ответственности и не является субъектом преступления» [5, с. 519].

В УК Грузии данный вопрос непосредственно регламентирован в ст. 33 – «Невменяемость в силу возраста». Такой подход является оправданным и необходимым. В уголовном законодательстве фактически регламентируется не сам вопрос субъекта преступления, а субъекта уголовной ответственности, что предоставляется не совсем последовательно [1, с. 256-261]. В упомянутой норме предусмотрено, что «Противоправные деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, не вменяются в вину лицам, до совершения этих деяний не достигшим четырнадцатилетнего возраста» [3]. Во-первых, обращает на себя внимание указание на совершение «противоправного деяния», а не «общественно опасного», как это часто принято в УК РФ применительно к не преступным деяниям. При этом деяние является не только противоправным, но и предусмотренным в УК, что фактически означает

одно и то же. Ведь предусмотренность деяния в уголовном законе как раз и образует признак противоправности. Во-вторых, в законе указывается, что деяние не вменяется в вину. Это формулировка ранее действующих источников, которая означало, что в деянии не отсутствует вина как таковая, а отсутствует необходимость ее установления в связи с непроступным характером поведения. Более правильно и в соответствии с законодательной техникой стоило указать, что «не является преступлением деяние, совершенное лицом ...». В-третьих, не вменяется в вину деяние, совершенное лишь лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, что означает единый возрастной порог, при достижении которого деяние признается преступлением.

Во всех уголовных законах стран бывшего СССР возрастные границы одинаковы. Общим возрастом, с которого деяние становится преступным, является достижение лицом к моменту его совершения шестнадцати лет, а специальным – четырнадцати лет (ст. 24 УК Армении, ст. 20 УК Азербайджана, ст. 27 УК Белоруссии, ст. 15 УК Казахстана, ст. 18 УК Кыргызстана, ст. 13 УК Литвы, ст. 23 УК Таджикистана, ст. 21 УК Туркменистана, ст. 17 УК Узбекистана, ст. 22 УК Украины). В ст. 22 УК Молдавии вопрос о возрасте зависит от категории совершаемого преступления. За совершение тяжких, особо тяжких или чрезвычайно тяжких преступлений уголовная ответственность возникает с четырнадцати лет, а за совершение незначительных преступлений и преступлений средней тяжести – с шестнадцати лет. В ст. 11 УК Латвии, как и в ст. 33 УК Грузии предусматриваются единые возрастные границы – четырнадцатилетний возраст.

В законодательстве некоторых стран бывшего СССР в части деяния лиц, которые не достигли возраста, с которого оно признается преступным и за него возникает уголовная ответственность, специально регламентируются правовые последствия такого поведения. Так в ч.3 ст. 18 УК Литвы указано, что «к лицу, не достигшему четырнадцатилетнего возраста ко времени совершения опасного деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, могут быть применены воспитательные или иные меры в порядке, установленном законами Литовской республики» [4]. Тем самым заложены дальнейшие правовые последствия совершения лицами общественно опасного деяния, предусмотренное уголовным законом, которое затем регламентируется в иных нормативных актах. Но изначально правовые последствия обозначены именно в уголовном законе, что является очень важным.

Важным моментом возраста уголовной ответственности является отставание в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством («возрастная невменяемость»). Такая разновидность предусмотрена не во всех уголовных законах бывшего СССР. Так, в УК Грузии предусматривается лишь ограниченная вменяемости, при которой лицо подлежит уголовной ответственности. В части несовершеннолетних при ограниченной вменяемости они могут лишь освобождаться от уголовной ответственности невзирая на неспособность в полном объеме понимать характер и степень общественной опасности своего поведения, что предопределяет преступный характер их посягательств. Так же отсутствует указание на «возрастную невменяемость» и в УК Латвии, УК Литвы, УК Молдавии, УК Туркменистана, УК Узбекистана.

«Возрастная невменяемость» предполагает, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое хотя и достигает возраста, с которого возникает уголовная ответственность, но в связи с определенными отклонениями, не связанными с психическими расстройствами во время совершения общественно опасного дея-

ния, было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния. Несмотря на множество сходств в законодательных актах государств, они имеют и определенные особенности формулировок, которые обусловлены основанием для признания «возрастной невменяемости».

Так в ч. 3 ст. 27 УК Белоруссии лицо должно отставать в умственном развитии, не связанным с болезненным психическим расстройством. В УК Азербайджана отставание связывается с отсутствием в силу слабоумия или другого психического расстройства. Уголовные законы Казахстана и Таджикистана связывают данный институт с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, аналогично российским формулировкам.

Ограниченно подходит к вопросу о «возрастной невменяемости» азербайджанский законодатель. Так, в ч. 3 ст. 20 (20.3) УК Азербайджана предусмотрено, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во «время совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности или менее тяжкого преступления не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний (действий или бездействия) либо руководить ими» [2]. Достаточно сходное ограничение предусматривается и в ч. 3 ст. 15 УК Казахстана. Такие положения позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, используется формулировка в «момент совершения преступления», в то время как в российском законодательстве такое поведение признается общественно опасным, и термин «преступление» не используется. Следовательно, при «возрастной невменяемости» в данных зарубежных государствах, деяние признается именно преступлением. Во-вторых, данный институт применяется лишь к определенным категориям преступлений, причем менее опасным. При совершении преступлений иной категории за совершенное деяние лицо должно нести уголовную ответственность. Фактически законодатель полагает, что при совершении тяжких и особо тяжких преступлений сознательно-волевые процессы у лица сохраняются даже при отставании в развитии. В-третьих, несмотря на употребление термина «во время совершения преступления» употребляется термин «не подлежит уголовной ответственности».

Таким образом, можно констатировать важность определения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, как составляющей основания уголовной ответственности, так и для признания общественно опасного деяния преступным.

Список литературы

1. Ключев А.А. Уголовная политика и вопросы субъекта преступления [Текст] / А.А. Ключев // Современные проблемы уголовной политики: Материалы V Международной научно-практической конференции, 3 октября 2014 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – С. 256-261.
2. Уголовный кодекс Азербайджана от 30 декабря 1999 года [Электронный ресурс] // [http:// law.edu.ru](http://law.edu.ru).
3. Уголовный кодекс Грузии от 22 июня 1999 года. [Электронный ресурс] // [http:// law.edu.ru](http://law.edu.ru).
4. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года [Электронный ресурс] // <http:// law.edu.ru>.
5. Энциклопедия уголовного права. Том 4. Состав преступления. [Текст]. – СПб.: Издание профессора В.Б. Малинина, 2005. – 797 с.

ПИРОМАНИЯ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Коломацкая Е.И.

магистрант кафедры уголовного права и процесса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент Жилина Н.Ю.

В статье пиромания рассматривается как психическое расстройство, исследована уголовно-правовая составляющая данного психического расстройства.

Ключевые слова: пиромания, психическое расстройство, влечение, поджог.

Нарушения привычек и влечений – распространенное психическое расстройство, которому посвящено много научных работ и исследований. Одним из видов расстройств (влечений), имеющих особую социальную актуальность, является пиромания. Эта форма расстройств (влечений) нередко сочетается с другими нарушениями влечений и выступает чаще как форма расторможенности влечений, гораздо реже проявляется как сформировавшееся импульсивное влечение с реализацией без борьбы мотивов. Возможны случаи, когда имеются болезненные импульсные влечения и при этом имеется интеллектуальный юридический признак, т.е. лицо осознает характер своего действия, однако отсутствует волевой признак. Примерами таких отклонений в психике могут служить: kleptomания, пиромания и дромомания. В целом, такие лица осознают общественную опасность своих действий, но не способны руководить ими.

В современной науке под пироманией понимается психическое заболевание, которое представляет собой непреодолимое патологическое влечение к совершению поджога. Как утверждает В.П. Кутина, оно возникает импульсивно и не является хорошо спланированным и преднамеренным поступком [2, с. 29]. По утверждению О.Н. Трошиной, у человека, страдающего пироманией, наблюдается «ощущение небывалого восторга и умиления от происходящего, вплоть до состояния эйфории» [4, с. 17]. Ученый отмечает, что пироман никогда не совершает поджоги из какой-либо корыстной заинтересованности или материальной выгоды. Иначе говоря, у пироманов отсутствует умысел на причинение вреда другим субъектам, а сами поджигательства осуществляются спонтанно. Находясь под влиянием импульса, пироман не способен контролировать свои действия и частично теряет способность рассуждать объективно. Обратим внимание, что как нарушение психики, пиромания стала рассматриваться лишь с 1824 года, однако несмотря на это, данное расстройство не изучено полноценно. Специфика пиромании заключается в том, что она представляет интерес как для психиатров, так и для представителей юридической профессии.

Отметим, что спецификой пиромании выступает то, что данное психическое расстройство является следствием нарушения в развитии личности. З. Фрейд неоднократно упоминал в своих работах, что огонь – это некий символ сексуальности, а наблюдение за ним может привести к сексуальному возбуждению [5, с. 695]. Он также полагал, что к возникновению пиромании может привести тяжелая форма сексуальной девиации. Многие современные психиатры связывают пироманию со

стремлением человека продемонстрировать свою силу, доминировать, чем, собственно, и объясняется поведение тех пироманов, которые устроив пожар, оказывают всяческое содействие при его тушении. Таким образом, справедливо утверждать, что пиромания – это некий «предвестник» более тяжелых психических расстройств, вследствие чего достаточно остро стоит вопрос относительно привлечения таких лиц к уголовной ответственности.

Так, ч. 3 ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) указывает на возможность привлечения к уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, которое не исключает их вменяемости [1]. Иначе говоря, в современном уголовном праве, пироманы – это лица, которые осознают общественную опасность совершаемого ими деяния, однако не способные руководить своими действиями в момент совершения поджога. Следовательно, в соответствии с вышеуказанной статьей пироманы могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение ими поджога. Однако даже несмотря на легально установленное положение, среди ученых ведутся активные дискуссии по обозначенному нами вопросу. Так, О.А. Рыжова считает, что пиромания должна рассматриваться как основание для освобождения лица от уголовной ответственности и признания субъекта невменяемым [3, с. 4]. Интересен тот факт, что в соответствии с ранее действовавшим советским законодательством, если лицо признавалось страдающим пироманией, то оно признавалось невменяемым и освобождалось от уголовной ответственности.

Современный законодатель придерживается иной точки зрения, которую мы полностью разделяем. Прежде всего, в обязательном порядке назначается судебно-психиатрическая экспертиза, посредством которой устанавливается наличие или отсутствие рассматриваемого расстройства у лица, совершившего преступление. Здесь же отметим, что лицо, страдающее пироманией не может быть субъектом таких преступлений как совершение террористического акта (ст. 205 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ) и пр. Объясняется это тем, что все указанные категории преступлений имеют сходную черту – наличие конкретной цели совершения преступления (например, совершение диверсии имеет своей целью разрушение или повреждение предприятий, объектов транспортной инфраструктуры, средств связи и пр.). Пироман же в принципе не может осознавать социальное значение этих преступных деяний, и тем более совершать поджог с какой-либо целью. В противном случае возникает сомнение относительно наличия у субъекта рассматриваемого нами психического расстройства.

С другой стороны, пироманы могут стать субъектами такого преступления как умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). Обусловлено это тем, что с точки зрения психиатрии виновное лицо в момент совершения преступления осознает противоправность поджога, однако не может осознанно руководить своими действиями. Этим также объясняется и тот факт, что пироман не может быть привлечен к ответственности по ст. 168 УК РФ («Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности»), так как неосторожность исключает осознание виновным противоправности своих действий, чего у пироманов не наблюдается.

Судебная практика идет по этому же пути. Так, Фурмановским городским судом Ивановской области был признан виновным по ч. 2 ст. 167 УК РФ гражданин С. При этом, согласно заключению комиссии судебно-психиатрических экспертов, гражданин С. «совершал поджоги под влиянием патологического влечения

к ним с характерной для пиромании сменой состояния сниженного настроения, внутреннего напряжения до поджога и состояния успокоения, расслабления, довольства после него» [6].

Не менее интересна и позиция Симоновского районного суда г. Москвы, который в своем решении указал, что у осужденного по ч. 2 ст. 167 УК РФ гражданина Ю. в результате судебно-психиатрической экспертизы были выявлены «расстройства влечений в виде пиромании, что обусловило снижение его интеллектуального контроля и волевой регуляции поведения...» [7].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что современный законодатель придерживается позиции, в соответствии с которой пиромания хотя и является психическим расстройством, однако не исключает вменяемость лица, вследствие чего субъект преступления подлежит уголовной ответственности. Следовательно, мы не можем согласиться с позицией некоторых ученых, что наличие пиромании у лица должно рассматриваться в качестве критерия его невменяемости и, как следствие, основания освобождения лица от уголовной ответственности. С другой стороны, суду следует при вынесении решения рассматривать вопрос относительно применения принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему поджог, и помещению его на принудительное лечение в стационар. Аргументируем свою позицию тем, что согласно психиатрическим исследованиям, истинная пиромания встречается лишь в крайне редких случаях, но гораздо чаще пиромания является симптомом более серьезного психического расстройства, в частности, шизофрении. Отметим, что пироманией страдали такие серийные убийцы как Игорь Елизаров, Дэвид Берковец, Андрей Чикатило и пр. Таким образом, лицо, у которого в результате судебно-психиатрической экспертизы обнаружено расстройство в виде пиромании при отсутствии надлежащего подхода может представлять угрозу не только для окружающих, но и для лиц, окружающих его в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 1996, 18 июня.
2. Кутина В.П. Личность поджигателя: криминологические и патопсихологические особенности // Криминология: вчера, сегодня, завтра // Юридические науки. 2009. № 7. С. 28-36.
3. Рыжова О.А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. 2016. № 1. С. 1-9.
4. Трошина О.Н. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость, и психическими расстройствами, наступившими после совершения преступления // Актуальные вопросы юридических наук. 2015. № 2. С. 15-22.
5. Фрейд З. Большая книга психоанализа. М., 2015. 1054 с.
6. Приговор Фурмановского городского суда Ивановской области от 26.11.2014 № 1-102/2014 // Росправосудие: сайт. URL: <https://rospravosudie.com/>
7. Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 06.05.2015 № 1-166/15 // Росправосудие: сайт. URL: <https://rospravosudie.com/>

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОТСТАВАНИЕ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОЕ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ»

Коломацкая Е.И.

магистрант кафедры уголовного права и процесса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент Н.Ю. Жилина

Исследование ориентировано на содержательный анализ понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством».

Ключевые слова: психическое развитие, несовершеннолетний, гиперопека, психология.

Абсолютно новым, интересным и не бесспорным для российского законодательства будет положение, нашедшее свое закрепление в ч. 3 ст. 20 УК РФ. В данном случае имеет место одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность в отношении совершившего общественно опасное деяние несовершеннолетнего лица, которое не будет субъектом преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности» [1]. В теории уголовного права рассматриваемая норма нередко определяется в качестве «возрастной невменяемости», или «возрастной незрелости».

Обратим внимание, что определение содержания указанной нормы вызывает ряд затруднений в аспекте ее применения на практике. Главный вопрос, который возникает при анализе данной категории можно сформулировать следующим образом: «Что следует понимать под отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством?». Анализ судебной практики, проведенный В.А. Гурьевой, свидетельствует о том, что рассматриваемая норма нередко применяется и в случаях, когда задержка в развитии у несовершеннолетнего была связана с психическим расстройством [4, с. 83].

На наш взгляд, подобные практические ошибки обусловлены недостаточной теоретической проработкой данной нормы, что, в свою очередь, объясняется тем, что вопрос определения ее содержания лежит в области психологии и психиатрии, а не уголовного права. Таким образом, фактически складывается ситуация, когда юристы, психологи и психиатры дают рассматриваемому термину различное толкование.

Итак, юристы под отставанием в психическом развитии понимают умственную отсталость и педагогическую запущенность. В.А. Гурьева в рамках научного исследования провела анкетирование работников прокуратуры, следственного комитета и суда и выяснила, что 50% работников правоохранительных органов связывают отставание в психическом развитии именно с умственной отсталостью, а

оставшиеся 50% – с педагогической запущенностью [4, с. 84]. Таким образом, единого мнения нет даже у практических работников. По нашему мнению, подобной точке зрения всячески способствовало ранее действовавшее Постановление Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 года № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», где содержалась формулировка следующего содержания: «при наличии данных, свидетельствующих об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого...» [2]. Несмотря на то, что на сегодняшний день данное Постановление отменено в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [3] (и в последнем данная формулировка отсутствует), среди практиков все еще бытует точка зрения относительно отождествления отставания в психическом развитии с умственной отсталостью.

Что касается точки зрения судебных психиатров, то они отрицают возможность понимания под отставанием в психическом развитии именно умственную отсталость, рассматривая их как абсолютно не смежные понятия. В частности, психиатры под умственной отсталостью понимают такое психическое расстройство как олигофрения, а под педагогической запущенностью понимают адаптацию к асоциальной среде, а не отставание в развитии [5, с. 169].

Если говорить о мнении психологов, то оно противопоставляется точке зрения психиатров. Так, Ф.С. Сафуанов полагает, что в процессе развития у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии преимущественную роль играет социальная и педагогическая запущенность, которая, прежде всего, находит свое выражение в неправильных формах семейного воспитания – гиперопеке (чрезмерная опека родителей или опекунов несовершеннолетнего ребенка) или гипоопека (недостаток внимания несовершеннолетнему ребенку со стороны родителей или опекунов) [7, с. 126]. Кроме того, в качестве причин возникновения отставания в психическом развитии психологи называют эмоциональное отторжение несовершеннолетнего, низкий уровень управления процессом психического развития со стороны образовательного учреждения, сенсорные дефекты (например, плохое зрение, частичная глухота и пр.), тяжелые заболевания соматического характера в период активного развития психики ребенка. Вследствие всего вышеизложенного, отсталость в психическом развитии психологи рассматривают как следствие педагогической запущенности несовершеннолетнего. Первая, как правило, неизменно сопровождается задержкой формирования детской личности.

На наш взгляд, именно точка зрения психологов наиболее близка и актуальна для юриспруденции, так как при возникновении каких-либо сомнений в нормальном психическом состоянии несовершеннолетнего лица, требуется назначение комплексной судебно-психиатрической экспертизы, которая при обнаружении отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, должна определить его генез. В случае, если у обследуемого обнаруживается психическое расстройство, которое ограничивает его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими, то к нему применима ст. 22 УК РФ, в соответствии с которой лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, подлежит уголовной ответственности [6, с. 47]. Если же невозможность руководить своими действиями или осознавать общественно опасный характер своих действий не связана с наличием психического

расстройства, то необходимо решить вопрос о возможности применения ч. 3 ст. 20 УК РФ.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что понятие «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» представляет собой достаточно обширное и многогранное по своему содержанию определение. Так, в юридической науке бытует мнение, что подобное отставание в развитии следует приравнивать к умственной отсталости или педагогической запущенности; в психиатрии – что это диаметрально противоположные и не связанные между собой понятия; в психологии – что отставание в психическом развитии и умственная отсталость являются следствием педагогической запущенности, возникающей ввиду различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на несовершеннолетнего.

В целом, мы придерживаемся позиции, что точка зрения психиатров является наиболее приближенной к современной науке уголовного права и нельзя отождествлять понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», «умственная отсталость» и «педагогическая запущенность», а соотносить их по принципу «причина-следствие». Данный подход позволяет более точно и безошибочно квалифицировать содеянное преступление и решить вопрос относительно вменяемости или невменяемости виновного лица.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 1996, 18 июня.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011, 11 февраля.
4. Гурьева В.А. Дискуссионные вопросы ограниченной вменяемости несовершеннолетних // Уголовное право. 2016. № 8. С. 81-86.
5. Дмитриева А.С. Судебная психиатрия. М., 2015. 652 с.
6. Долгова С.В. К вопросу о содержании понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» // Юридические науки. 2016. № 9. С. 45-51.
7. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 2013. 568 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Кочнева А.А.

аспирант, Московский гуманитарно-экономический институт, Россия, г. Москва

В представленной статье рассматривается реализации права в области защиты детей. Рассмотрены особенности использования родительских прав и исполнения родительских обязанностей в Российской Федерации.

Ключевые слова: реализация права, ювенальная юстиция, правосознание, родительские права и обязанности, перспективная ответственность.

Реализация права сложная правовая категория, которая касается не только правоведов и должностных лиц, но и непосредственно граждан, которые также являются участниками правореализационного процесса и речь идёт не только об исполнении возложенных на них юридических обязанностей и соблюдении юридических запретов, но и использовании их субъективных прав. На наш взгляд, особое значение эффективная реализация права имеет в области защиты детей. Поэтому хотелось бы остановиться на использовании родительских права и исполнении родительских обязанностей в Российской Федерации.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации, материнство, детство и семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей [1]. В соответствии с Семейным кодексом РФ (ст. 63) родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей; родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей; также они имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Статья 54 СК РФ определяет, что каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу и на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам [2].

Итак, обязанности родителей заключаются в заботе о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Однако «в Российской Федерации по статистике на 1 января 2014 года в государственном банке данных числятся 106 тысяч сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», – сообщил уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов [12]. В очереди на усыновление числятся 16500 человек. Существует ещё понятие «социальное сиротство» – дети становятся сиротами при живых родителях. Каждый год в России лишают родительских прав 50 тысяч отцов и матерей, и 44 тысячи из них – из-за алкоголизма или наркомании [10]. В России каждый год более 6 000 матерей отказываются от своих новорожденных детей. В 20 % материальные проблемы являются основной причиной отказа, речь идёт не только о низком доходе, но и об отсутствии жилья. Асоциальный образ жизни ведут около 20 % родителей. В оставшихся 60 % в числе причин отказа названы нарушение отношений с близкими, ребенок нежеланный, или женщины не готовы менять свои планы из-за ребёнка. Определенный процент отказов связан с рождением ребенка с ограниченными возможностями и сильно недоношенного ребёнка [9].

Необходимо отметить, что «минимальное количество детей, оставшихся без попечения родителей, наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе, в силу особенностей и традиций народов, населяющих этот регион. Сироты здесь более-менее эффективно распределяются по семьям близких или дальних родственников». Из чего становится очевидным, что экономические факторы не являются определяющими, большое значение имеют культурные и социальные нормы [11, с.15-20].

На наш взгляд, в сложившейся ситуации для обеспечения исполнения родительских обязанностей и реализации правовых положений Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации важны как государственная политика, направленная на материальную поддержку семей – увеличение размера пособий для семей, усыновивших детей-сирот, поддержке матерей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, так и, что на наш взгляд особенно важно, повышение морально-нравственного уровня общества, развитие, формирование позитивной ответственности.

Понимание необходимости соблюдения, исполнения и использования права предполагает больше, чем простое его знание, необходимо ещё его понимание, которое обеспечивает высоким уровнем правосознания. Повышение уровня правосознания общества, граждан сложный и длительный процесс, но благодаря ему возможно добровольное сознательное соблюдение и исполнение законов как результат позитивной перспективной ответственности, которая связана со свободой личности, возможностью выбора линии поведения. Понятия «свобода» и «ответственность» – неразрывные, и последняя понимается как условие подлинной свободы. В некоторых случаях использование своих субъективных прав имеет благоприятное значение для общества, государства, и их использование или не использование лежит в области перспективной ответственности. К примеру, государство заинтересовано в увеличении рождаемости, что позволит решить проблему демографического кризиса, а, следовательно, и ряд других проблем, связанных с уменьшением населения страны. Но главное для физических лиц – это осознание личной перспективной ответственности перед совестью, для верующих – перед Богом.

Однако, в вопросе реализации права в области отношений между детьми и родителями, в последнее время возникла и другая проблема – «ювенальная юстиция», которая не позволяет использовать своё субъективное право родителям и детям, и нарушает эти права.

Понятие «ювенальная юстиция» вначале относилось к особым судам для несовершеннолетних. Позднее органы социального надзора стали следить за положением ребенка в семье, пропагандой просвещения по проблемам здоровья, а позже и сексуальным просвещением. В основе этой юстиции лежит постулат: «у детей те же права, что и у взрослых», об обязанностях которых никто не говорит. Ребенок может обращаться в органы для защиты своих прав, что включает жалобы на родителей в полицию или суд, которые обязаны незамедлительно проверить, как родители исполняют свои обязанности. Про том нигде не определено, что значит «ненадлежащее исполнение родительских обязанностей», а детей сразу отбирают у «ненадлежащих» родителей и отправляют в приют или к приемным родителям до проверки фактов [6].

В Семейном кодексе Российской Федерации, в п. 2 ст. 56 определено: «При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд» [2]. В федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ в ст. 15 определено, что защита прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации. В этом же законе указано, что к детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, относятся дети, проживающие в малоимущих семьях [3]. Подобные формулировки позволяют органам опеки не только вмешиваться в семью, но и отбирать детей у родителей.

Сегодня государственными органами, обеспечивающими защиту прав детей, являются органы опеки (согласно Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»). В последнее время распространены случаи

явного превышения органами опеки и попечительства своих полномочий, злоупотребления правом.

«За крупную задолженность по коммунальным платежам у жительницы Санкт-Петербурга отобрали детей. Детей забрали в детский дом... Впрочем, мать может вернуть их домой – при условии, что заплатит около 150 тысяч рублей долгов по квартплате» [7].

При этом размер пособий, пенсий по инвалидности и зарплат в некоторых регионах ниже прожиточного минимума. И вместо того, чтобы оказать помощь в трудоустройстве, решении бытовых проблем, обеспечении достойного уровня жизни, государство отбирает детей, нарушая Конституцию Российской Федерации, которая провозглашает, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (ст. 38); каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ст. 39)» [1].

Заместитель председателя правления Ассоциации юристов России Игорь Редькин совершенно справедливо замечает, что российское семейное право становится репрессивным: лишение родительских прав и направление детей в детдом стали применять очень часто. Если в 2000 году количество детей, отобранных у родителей за неисполнение обязанностей по их воспитанию, составляло 2557, то в 2008 г. – уже 5877, по данным радиостанции «Эхо Москвы» [13].

Директор Института демографических исследований Игорь Белобородов считает, что ювенальная юстиция в том виде, в котором она существует в Западной Европе, и в каком ее продвигают в России, ведет к снижению рождаемости, увеличению преступности и в целом противоречит демографической политике Российского государства. «Причины насилия в семье известны, – говорит демограф. – Это алкоголизм, наркомания, шквал насилия на телеэкранах. Мы говорим о плохом материальном обеспечении детей в семьях, а в школах кормим их на 11 рублей! Пока государство не решит эти проблемы, оно не имеет права вторгаться в жизнь семьи» [8].

Как мы видим, встаёт вопрос об определении предмета правового регулирования. Налицо тенденция к его расширению, по крайней мере, в сфере семейного права. К тому же, становится очевидно, что в российской правовой науке не разработаны в должной мере «признаки особого субъекта права, каковым является ребенок, а также его правовой статус» [4].

Для противостояния влиянию западной ювенальной юстиции, важно сформировать идеологический стержень – «духовные скрепы», как говорит Президент В. В. Путин. Ещё Н. М. Карамзин писал: «Дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости... он есть ни что иное, как привязанность к нашему особенному, ни что иное, как уважение к своему народному достоинству» [5].

Для повышения уровня правосознания, в первую очередь, государство должно не только понять свою цель, но и обрести самосознание, самобытность, тогда станет возможным определить принципы, в соответствии с которыми оно будет развиваться. Обретение национальной идеи и ориентиров позволит развивать духовно-культурные ценности, «хорошие нравы», что позволит создать нравственную основу для права, повысить уровень правосознания и эффективность реализации права, в том числе и сфере защиты прав детей. Это позволит с одной стороны снизить уровень социального сиротства, и защитить детей, в том числе от насилия

в семье, а, с другой стороны, убережёт семьи и, особенно, детей от бесцеремонного вмешательства государства и разрушения семьи.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: www.constitution.ru
2. Семейный кодекс Российской Федерации. [федер. закон: принят Гос. Думой 8 декабря 1995 года по состоянию на 30 ноября 2011г.] URL: www.consultant.ru/popular/family/20_14.html#p473
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» N 124–ФЗ от 24 июля 1998 г. [принят Гос. Думой 3 июля 1998 г. по состоянию на 02 декабря 2013г.] URL: <http://base.garant.ru/179146/#ixzz3BV8GvXVg>
4. Абрамов В. И. Правовой статус ребенка // Современное право. 2005. N 9.
5. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
6. Козлова Н. Семью ставят в угол. Что такое ювенальная юстиция и почему с ней борются родители. // Российская газета. (Федеральный выпуск) N6005 от 12 февраля 2013 г.
7. Мельников М. Не заплатил за свет – отберут детей. // Аргументы и факты. 2010. URL: www.aif.ru.
8. Смольякова Т. Воспитание с пристрастием. В России предлагается ввести уголовную ответственность родителей за домашние наказания детей и низкие доходы. // Российская газета (Федеральный выпуск) N 5198 от 03 июня 2010.
9. Хазиев Д. Почему матери отказываются от детей и что нужно делать для профилактики отказов. 13.11.2013 / URL: www.changeonelife.ru/2013/11/13/pochemu-materi-otkazy-vayutsya-ot-detej-i-chto-nuzhno-delat-dlya-profilaktiki-otkazov/#.U_wnSP1_v4Y
10. Сироты в России – вся правда. 24 апреля 2014 г. URL: www.droplak.ru/?p=1820.
11. Сиротство в России: проблемы и пути их решения. Москва, ноябрь 2011. Электронный журнал о благотворительности «Филантроп». С. 15-22. URL: www.philanthropy.ru/
12. URL: www.ria.ru/society/20140116/989519394.html
13. URL: www.echo.msk.ru/news/656787-echo.html.

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Кун Д.Е.

аспирант кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регулирующие порядок применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве. Применение современных телекоммуникационных средств видеоконференц-связи, необходимо рассматривать как новое, концептуальное направление в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства. Применение видеоконференц-связи существенно улучшает обеспечение судопроизводства, усиливается безопасность участников уголовного судопроизводства. Автором предлагается законодательно закрепить в УПК РФ возможность использования видеоконференц-связи для досудебных стадий уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, следственные действия, участник следственного действия, обвиняемый, подозреваемый, права, гарантии прав, технические средства, видеоконференц-связь.

Видеоконференц-связь – это новая технология, но уже достаточно активно используемая в различных областях человеческой жизни, таких, как бизнес, управление, образование, медицина, рекрутмент, оперативный контроль, безопасность, уголовное и гражданское судопроизводство, в быту (поддержание связи с родственниками и друзьями) [17].

Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ в уголовно-процессуальное законодательство России введены дополнения, регламентирующие возможность использования систем видеоконференц-связи.

В соответствии с ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ «Суд, рассматривающий уголовное дело, при необходимости может вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи».

В 2009 г. было закреплено использование видеоконференц-связи в суде надзорной инстанции, а в 2010 г. право участвовать при пересмотре судебных решений посредством видеоконференц-связи предоставлено лицам, в отношении которых ведется (велось) производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Часть 2 ст. 389.12 УПК РФ предоставляет возможность осужденному, содержащемуся под стражей, участвовать в апелляционном производстве с использованием систем видеоконференц-связи.

На обеспечение права лица, подвергаемого уголовному преследованию, участвовать в судебном заседании неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ [16].

Постановлением Совета судей РФ «Об информатизации и автоматизации судов» от 16 ноября 2001 г. № 65 [13], Положением от 17 марта 2014 г. № 52 об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» [14], Соглашением о взаимодействии в области использования видеоконференц-связи между Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и Федеральной службой исполнения наказаний от 18 апреля 2014 г. № СД-14ю/36 [19] в целях полноценной реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав предусмотрено использование в судах систем видеоконференц-связи.

В.А. Терехин и А.Е. Федюнин до принятия вышеназванных положений отмечали необходимость широкого применения видеоконференцсвязи в различных стадиях уголовного процесса, при производстве многих процессуальных действий, в том числе для получения свидетельских показаний [20].

Ю.А. Жданова «широкое использование средств видео-конференц-связи для получения устных объяснений сторонами и иными участниками процесса, исключения необходимости непосредственной явки сторон в зал суда, а также для обеспечения публичности процесса» определяет в качестве признака электронного правосудия [5]. О повышении качества работы судов за счет применения систем видео-конференц-связи пишут и другие авторы [15].

А.Г. Волеводз определяет видеоконференц-связь в уголовном процессе как «технология, позволяющую осуществлять аудиовизуальное взаимодействие нескольких участников уголовного процесса в режиме реального времени» [3].

Видеоконференц-связь применяется в уголовном процессе многих зарубежных государств (например, в Австрии, Великобритании, Германии, Канаде, США) [1, 4]. Возможность использования видеоконференц-связи предусмотрена законодательством Беларуси, Казахстана [17].

В России впервые видеоконференц-связь использовалась в уголовном процессе 18 ноября 1999 г. в Челябинском областном суде, при дистанционном рассмотрении кассационной жалобы [7].

А.И. Садовский, исследуя технологии видеоконференц-связи заключает, что в данном случае происходит соединение средств оргтехники и телекоммуникаций [18].

И.В. Казначей в свою очередь отмечает, что системы видеоконференц-связи, напротив, ориентированы для того, чтобы обходиться без средств оргтехники [9].

Большинство ученых пишут о том, что «Положения закона, представляющие право суду, применять современные телекоммуникационные средства (видеоконференцсвязь), следует расценивать как существенный шаг в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства» [2, 6, 8, 22].

Представляется, что применение видеоконференц-связи существенно улучшает оперативность судопроизводства, сокращаются финансовые расходы, усиливается безопасность участников уголовного судопроизводства.

Однако, возможность использования видеоконференций действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации для досудебных стадий уголовного судопроизводства не предусмотрена.

Многие авторы отмечают необходимость распространения возможности использования систем видеоконференц-связи в досудебном производстве, аргументируя это тем, что это позволит повысить эффективность обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в том числе и лиц, в отношении которых принято решение об обеспечении государственной защиты» [11], упростит и улучшит работу следователей и дознавателей, нуждающихся в дистанционном получении показаний [12].

А.Г. Халиулин, Т.М. Кебеков обоснованно указывают, что использование видеоконференц-связи только при рассмотрении дел в суде – это «очень узкое восприятие возможностей использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве» [21]. П. Литвишко констатирует, что «в странах Евросоюза практика проведения допросов участников уголовного судопроизводства посредством видеосвязи уже получила широкое распространение на стадиях досудебного и судебного производства» [10].

На наш взгляд, существует острая необходимость применения видеоконференцсвязи не только в судебном производстве по уголовному делу, но и в стадии предварительного расследования, к примеру, при производстве таких следственных действий как допрос, очная ставка, предъявление для опознания и др. Возможности видеоконференц-связи можно использовать также для ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы, заключением эксперта. При этом, обязательным условием применения видеоконференц-связи, должно быть обеспечение прав участников следственных действий. Для тех случаев, когда применение видеоконференц-связи может каким-либо образом ограничить права и законные интересы участников следственных действий законодательно должен быть наложен запрет.

Также представляется важным с точки зрения прав и законных интересов участников следственных действий обеспечить обязательное участие защитника в случае производства допроса обвиняемого (подозреваемого) с использованием средств видеоконференц-связи.

Из 262 проанкетированных нами практических работников положительно относятся к возможности использования средств видеоконференц-связи в ходе следственных действий 208 (79,4%) респондентов. Отрицательно – 54 (20,6%) респондентов.

Расширение возможности применения видеоконференцсвязи требует подробного исследования всех возможных последствий с точки зрения соблюдения и защиты прав и законных интересов участников следственных действий.

Возможность использования видеоконференцсвязи в досудебном производстве поможет обеспечить реальную безопасность свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства, что будет способствовать и получению и использованию более достоверной информации в процессе доказывания.

Использование видеоконференц-связи в досудебном производстве послужит и большей обеспеченности прав подозреваемого (обвиняемого). С.П. Желтобрюхов поэтому поводу пишет: «Введение видеоконференц-связи на стадию предварительного расследования не может истолковываться как ограничение права подозреваемого (обвиняемого) на защиту. Да и каким, собственно, образом в данном случае будет ограничено его право, если с использованием видеоконференц-связи будет допрашиваться свидетель (потерпевший)?» [6].

С.А. Новиков в качестве положительных аспектов использования видеоконференц-связи в стадии предварительного расследования рассматривает разумный срок уголовного судопроизводства и эффективность расследования; удобство явки для допрашиваемых, а также за счет этого повышение достоверности даваемых показаний; дополнительное использование средства фиксации допроса; запросы о правовой помощи [12].

Следует отметить, что применение видеоконференц-связи при производстве следственных действий также приведет к сокращению количества поездок к следователю (дознавателю), лиц, подвергаемых допросу, тем самым снижается давление на этих лиц со стороны органов уголовного преследования.

В итоге отметим главное.

1. Представляется, что применение видеоконференцсвязи существенно улучшает оперативность процесса, способствует реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, оптимизирует финансовые расходы, повышает степень обеспечения безопасности участников судопроизводства, получения и использования более достоверной информации в процессе доказывания.

2. Существует острая необходимость применения видеоконференцсвязи не только в судебном производстве по уголовному делу, но и в стадии предварительного расследования, к примеру, при производстве таких следственных действий как допрос, очная ставка, предъявление для опознания и др. Возможности видеоконференц-связи можно использовать также для ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы, заключением эксперта. При этом, обязательным условием применения видеоконференц-связи, должно быть обеспечение прав участников следственных действий. Для тех случаев, когда применение видеоконференц-связи может каким-либо образом ограничить права и законные интересы участников следственных действий законодательно должен быть наложен запрет. Важным с точки зрения прав и законных интересов участников следственных действий является обеспечение обязательного участия защитника в случае производства допроса обвиняемого (подозреваемого) с использованием средств видеоконференц-связи.

3. Статью 192 УПК РФ, по нашему мнению, следует дополнить ч.7, изложив её в следующей редакции: «7. В случае значительной территориальной отдаленности допрашиваемых лиц, а также при необходимости обеспечения конфиденциальности и безопасности свидетеля, потерпевшего (близких родственников, родственников и близких лиц), следователь (дознатель) вправе обеспечить проведение допроса, очной ставки и иных следственных действий с применением видеоконференц-связи, за исключением тех случаев, когда применение видеоконференц-связи может каким-либо образом ограничить права и законные интересы участников следственных действий».

Список литературы

1. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013.
2. Владыкина Т.А. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Уголовное право. 2016. № 4.
3. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2002.
4. Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред.: Гуценко К.Ф. М.: Зерцало-М, 2001.
5. Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4.
6. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференц-связи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1.
7. Исполнилось 10 лет технологии видеоконференц-связи в российском правосудии // Челябинский областной суд. <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=news&nid=566>.
8. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010.
9. Казначей И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.
10. Литвишко П. Применение систем видеоконференц-связи при оказании международной правовой помощи по уголовным делам // Законность. 2007. № 7.
11. Нефедов М.А. Уголовно-процессуальные проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. Выпуск № 8.
12. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: заграничный день российского предварительного расследования. // Российский следователь. 2014. № 1.
13. Об информатизации и автоматизации судов: Постановление Совета судей РФ от 16 ноября 2001 г. № 65 // Российская юстиция. 2002. № 3.
14. Об утверждении Положения об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие»: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 марта 2014 г. № 52 // СПС КонсультантПлюс.
15. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы: монография / А.А. Гравина, В.П. Кашепов, О.В. Макарова и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. СПС КонсультантПлюс.
16. По жалобе гражданина Слюсаря Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 351-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

17. Родивилина В.А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016.
18. Садовский А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013.
19. Соглашение о взаимодействии в области использования видео-конференц-связи между Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и Федеральной службой исполнения наказаний от 18 апреля 2014 г. № СД-14ю/36 // Российская юстиция. 2002. № 3.
20. Терехин В.А., Федюнин А.Е. Видеоконференцсвязь в современном судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. №1.
21. Халиулин А.Г., Кебеков Т.М. Взаимодействие правоохранительных органов в сфере международно-правового сотрудничества // Законность. 2011. № 7.
22. Щерба С., Архипова Е. Правовые основы применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4.

ЖИВОТНЫЕ КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ

Логвинова Е.В.

студентка 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Половинко К.В.

магистрант 2 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В данной статье рассматриваются особенности животных как объектов права собственности.

Ключевые слова: животный мир, домашние животные, дикие животные, собственность.

В первой части ГК РФ установлены нормы, касающиеся животных. Отнесение животных к самостоятельному объекту гражданского права в соответствии со статьей 137 ГК РФ является закономерным, так как животные в настоящее время все больше становятся предметом сделок: дарение, купля-продажа и т.д.

Тем не менее, ученые до сих пор не могут прийти к консенсусу по поводу того, что же имеет ввиду законодатель под термином «животные». По смыслу статьи 137 ГК РФ животное стоит считать вещью, но ряд ученых полагает, что животные как объекты собственности обладают существенными особенностями по сравнению с неодушевленными предметами. Являясь живым существом с развитой нервной системой, животные нуждаются в естественных физиологических потребностях, ощущают страх, и болевые ощущения в соответствии с этим создается потребность в защите от физических страданий. Еще одной особенностью животных является то, что обладают свойствами, которые исключают полную подконтроль-

ность человеку и в связи с этим могут представлять повышенную опасность для окружающих и для собственника (хозяина). Данный признак можно назвать презумпция опасности.

Перечисленные ранее особенности животных как подобных человеку созданий природы и как объектов имущественных отношений предполагает значительный интерес общественности, страны, отдельных лиц, вступающих в отношения с собственниками животных по поводу исполнения положительных или отрицательных обязанностей, связанных с обязанностями собственности и ставят злободневную задачу создания гражданско-правовых механизмов возложения, перераспределения и осуществления бремени содержания животных.

Началом решения данной задачи является определение животных, как особого объекта бремени собственности.

В Российской Федерации дикие животные и живые существа всех видов, не изъятые из естественной среды обитания, рассматриваются законом, как принадлежащего исключительно государству животного мира, согласно ФЗ «О животном мире», ФЗ «Об охране и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», ФЗ «Об охране окружающей среды». В данном ключе суждения о том, что животный мир объект государственной собственности представляется своего рода фикцией, что элементы дикого мира в гражданско-правовом аспекте не вещь и не имущество. Иногда, когда это допускается законом, к объектам животного мира применимы нормы гражданского права.

В связи с выше сказанным нужно обратить внимание не на представителей дикой природы, а на домашних животных как на предмет правового регулирования гражданского права.

Понятие «домашние животные» в законодательстве никак не объясняется, термин является общеизвестным, но существует в основном в бытовых кругах. Хотя в других странах, таких как Швейцария, парламентом был принят законопроект, в соответствии с которым животные наделяются особым правовым статусом – они не приравниваются к вещам. В Германии права животных прописаны в главном законе страны – Конституции. [9] Только в России существует пробел в законодательстве по данному вопросу.

По мнению ученого В. А. Микрюков, животные не относятся ни к вещам, ни тем более к их особой разновидности (так называемым одушевленным вещам (предметам)) и представляют собой самостоятельный объект гражданских прав [8] по следующим причинам:

1) понятие «одушевленная вещь» само по себе с точки зрения лексики рассматривается не совсем корректно;

2) специфические особенности животных являются весомыми основаниями для отделения животных от правового режима вещей;

3) основы правового режима регулируются ст. 137 ГК РФ, где животные определяются как отдельный объект гражданских прав. В тоже время в соответствии со статьей 221 ГК РФ «животные» и «вещи» понимается как разная терминология.

Обозначенное выше, позволяет нам сделать следующие выводы:

1) законодателем животное признается, как особый объект гражданских прав, это связано с тем, что, являясь живым существом с развитой нервной системой, животные нуждаются в естественных физиологических потребностях, ощущают страх, и болевые ощущения в соответствии с этим создается потребность в

защите от физических страданий, это выделяет его среди других вещей в гражданском праве, но все равно оставляет в категории вещей;

2) в настоящее время среди ученых правоведов существует точка зрения, полагающая, что животные не относятся ни к вещам, ни к их особой разновидности, что животные как объекты собственности обладают существенными особенностями по сравнению с неодушевленными предметами так как являются самостоятельным объектом гражданских прав;

3) в законе должно даваться четкое определение такого понятия, как «домашнее животное».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 N 52-ФЗ// правовая система КонсультантПлюс

3. Федеральный закон от 24 июля 2009 г. N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ // правовая система КонсультантПлюс

5. Брагинский М. И. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 2007. С. 11.

6. Гуев А. Н. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2010. С. 179.

7. Евсеев Е. Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2. С. 16-20

8. Микрюков В. А. Животные – особый объект бремени собственности // Юридический мир. 2016. № 5. С. 32.

9. <http://catsafety.ru/uxod-i-zabota/o-pravax-zhivotnyx-v-raznyx-stranax/>

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Лягин К.А.

ассистент кафедры теории и истории государства и права,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются основные направления, цели и задачи отечественной правоприменительной политики в сфере осуществления социальных функций государства. Внимание акцентируется на соблюдении и защите социальных прав и интересов граждан в действующем российском законодательстве.

Ключевые слова: социальное государство, правоприменительная политика, права и свободы человека, правообразование.

Особо важное значение в современный период построения правового государства приобретает такая форма реализации правовой политики, как правоприменительная политика. Под термином "правоприменительная политика", по мнению О.Ю.Рыбакова, можно понимать научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных органов и институтов общества, направленную на получение и выработку определенной стратегии и тактики механизма

правоприменения, а также создание необходимых условий для осуществления правоприменительной работы и правового развития России в целом [4].

Отечественная концепция правоприменения, входящая в состав общей теории применения права, насчитывает более ста лет своей истории, когда были заложены базовые теоретические и методологические основы ее стержневых категорий и определений, посредством которых была построена система правоприменения и сооружены специальные комплексы и институты – законы, их действие, реализация и систематика, правоотношение и его юридическая квалификация, нормы права и их толкование, этика и культура правоприменения, а также правоприменительная политика государства. Исторический опыт идеи правоприменительной политики находит свое отражение и в современных направлениях правовой политики [5], формулируемых в контексте современных правообразующих процессов.

На самом деле, история правоприменения начинается с истории правообразования. В науке юриспруденции неоднократно предпринимались попытки понять сущность и объяснить сам механизм формирования и эволюции права, однако каждый из подобных опытов преодоления данной проблемы делал особый акцент на какой-либо одной стороне сложного процесса формирования права, нередко оставляя за скобками иную, не менее важную проблематику.

Один из родоначальников социологии права в России С.А. Муромцев полагал, что задача научно-объективной теории права заключается не в систематизации и классификации, т.е. формальной обработке действующего права, а в открытии социологических законов развития, преемственности и сосуществования права как определенной группы социальных явлений [3]. Именно на социальном аспекте правоприменительной политики и понимании социального государства хотелось бы сделать особый акцент в нашем исследовании.

Говоря о понятии социального государства в целом, отметим что это есть характеристика (принцип), относящаяся к конституционно-правовому статусу государства, предполагающая конституционное гарантирование экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина и соответствующие обязанности государства. На основании этого мы можем сказать, что государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия.

Основной Закон России провозглашает: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В действующей Конституции устанавливаются такие личные права человека и гражданина как право на жизнь, охрана достоинства личности, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, право на неприкосновенность жилища, право на свободу совести, вероисповедания и др. В свою очередь, в сфере социального обеспечения Конституция РФ предусматривает государственные пенсии и различные социальные пособия, кроме того поощряет добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность [1].

Помимо Основного Закона Российской Федерации в качестве других примеров законодательства, закрепляющего социальные права и свободы человека и гражданина мы можем выделить Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации и т.д.

В Уголовном кодексе РФ предусматривается ответственность за нарушение таких свобод как равенство прав и свобод человека и гражданина, неприкосновен-

ность частной жизни, неприкосновенность жилища, отказ в предоставлении гражданину информации, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, необоснованный отказ в приеме на работу, невыплата заработной платы, нарушение авторских прав, нарушение изобретательских и патентных прав и другое, что в целом определяет характер правоприменения в сфере защиты социальных прав [8].

В свою очередь в качестве осуществления гарантий социальных прав в трудовой сфере выступает Трудовой кодекс РФ. Так, например право на индивидуальные споры выступает важнейшей гарантией соблюдения трудовых прав работающих граждан и работодателей в сфере трудовых отношений, порядок разрешения индивидуальных трудовых споров урегулирован в соответствии со статьей 381 Трудового кодекса. Еще одним примером может выступить статья 409 Трудового кодекса, регулирующая условия и порядок реализации права граждан на забастовку [7].

Таким образом, социальное назначение правоприменительной политики, как и государственно-правовой политики в целом, состоит в необходимости создания таких условий, при помощи которых будут регулироваться и обеспечиваться права и свободы человека, гарантироваться достойная жизнь и свободное развитие в нашей стране. Более четко это выражается в обеспечении грамотного осуществления принципов законности, справедливости, гуманизма, демократизма в деятельности органов правоприменения, а также иных субъектов правовых отношений.

Правоприменительная политика социального государства должна основываться на паритетных началах соблюдения прав и интересов личности, общества и государства. Соответственно, исследования в сфере теории правовой политики должны предметно изучать юридические и социально-психологические механизмы формирования различных форм отчужденности от смыслов и социальных ценностей права (правовая маргинальность) [6]. Принципы законности должны соблюдаться на всех уровнях и во всех сферах правовой деятельности и, безусловно, в правоприменении.

В общем мы можем охарактеризовать правоприменительную политику как сложную и многоаспектную систему, где проявление всех ее свойств и исследование ее места и назначения в системе общей правовой политики государства может осуществляться с различных точек зрения. Вместе с тем, она характеризуется единством целей, задач и содержания, а также целым рядом других признаков и разнообразием функций, что позволяет говорить о ней как о самостоятельном правовом феномене в социальном государстве [2].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Лягин К.А. Теоретические аспекты правоприменительной политики. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-и томах. 2016. С. 26-29.
3. См.: Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. – М., 1886. С. 2-11.
4. См.: Стратегии правового развития России. Рыбаков О.Ю., Бондарь Н.С., Фадеев В.И., Комарова В.В., Комкова Г.Н., Павлушина А.А., Скачкова О.С., Романовская В.Б., Жданов П.С., Сырых В.М., Гаврилова Ю.А., Синюков В.Н., Сушкова Ю.Н., Байниязова З.С., Степаненко Р.Ф., Смыкалин А.С., Ростова О.С., Туманов Д.Ю., Биюшкина Н.И. и др. Коллективная монография. М., 2015.

5. Степаненко Р.Ф., Лягин К.А. Основные направления современной правовой политики России. В сборнике: Инновационные подходы в системе высшего профессионального образования. Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой. 2015. С. 382-386.

6. Степаненко Р.Ф. Социально-психологические и юридические механизмы детерминации правовой маргинальности. Государство и право. 2016. №5. С. 35-45.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 21.12.2001) (в редакции от 29.07.2017, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.10.2017) (дата обращения: 28.09.2017).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 24.05.1996) (в редакции от 29.07.2017, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 26.08.2017) (дата обращения: 28.09.2017).

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОРПОРАТИВНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО

Мижурин М.А.

магистрант, Тамбовский государственный технический университет,
Россия, г. Тамбов

В статье факторы, влияющие на корпоративное нормотворчество, рассматриваются в их взаимосвязи и взаимозависимости. Данные факторы могут применяться как в совокупности, так и по отдельности. Приводятся различные классификации факторов, раскрывается их социальная природа.

Ключевые слова: корпоративное нормотворчество, корпоративный акт, правовая система, внешние и внутренние факторы, формирование права.

Корпоративное нормотворчество, как ни один из видов нормотворчества, относится к мультифакторным явлениям. К нему применимы факторы, влияющие на нормотворчество в целом. Характерно, в силу специфики, корпоративное нормотворчество имеет и свои собственные факторы влияния. Уровень качества и эффективности внутренних корпоративных актов в значительной степени зависит от того, как точно учитываются при их создании все существующие на данный момент обстоятельства, насколько точно в них отражается объективная действительность.

Итак, вначале отметим, что, прежде чем перечислить факторы, влияющие на корпоративное нормотворчество, следует обратиться к общей теории факторов, оказывающих влияние на нормотворчество в целом.

Под факторами, влияющими на нормотворчество в общем смысле, следует понимать такие жизненные обстоятельства, которые будут содействовать или препятствовать процессу нормотворчества и правового регулирования [2, с. 198].

В теории права существует *несколько классификаций* факторов влияния на нормотворчество.

С.В. Поленина разделила все факторы на две большие группы – *внешние* (основные) и *внутренние* (процессуальные) факторы [4, с. 78].

Внешние факторы обуславливают возникновение проблемной ситуации, требующей законодательного регулирования, и влияют на характер ее разрешения (к ним относятся экономические, экологические, демографические, национальные, политико-правовые, ценностно-психологические, социокультурные факторы).

Внутренние факторы, как поясняет Н.С. Шмакова, в свою очередь обеспечивают надлежащее разрешение проблемной ситуации, возникшей под влиянием внешних факторов, путем издания акта (к ним относятся организационные, информационные, научные и программирующие) [7, с. 18].

Разделяя факторы таким образом можно отразить применительно к нормотворчеству все разнообразные аспекты воздействия на него.

Ю.А. Тихомиров факторы, влияющие на нормотворчество, группирует иначе: факторы, *находящиеся вне правовой системы*, и факторы, *находящиеся внутри правовой системы*. Среди факторов, находящихся вне правовой системы, он называет экономические, политические, социальные, психологические и иные факторы как своего рода объективные условия развития и изменения законодательства [5, с. 36].

Согласно с позицией автора, она безусловно сходна с подходом С.В. Полеминой.

Им вторит А.С. Пиголкин, отмечая, что основными факторами, *определяющими формирование права*, являются экономические, политические, социальные, национальные, внешнеполитические, идеологические и организационно-волевые факторы [4, с. 309-310].

А вот позиция М.Н. Марченко представляется более фундаментальной и, вместе с тем, детализированной. Он выделяет *три группы* факторов влияния на нормотворчество, а именно:

1) *факторы, которые относятся к «естественной среде»*, а именно: биологические, климатические, демографические, демографические, географические и многие другие им подобные факторы;

2) *правообразующие факторы*, относящиеся к социально-экономической, политической и идеологической среде. Среди них он указывает на: а) основные экономические структуры; б) основные классы, слои и группы, возникающие в том или ином обществе на присущей ему экономической основе; в) существующие между этими социальными общностями отношения – их характер и уровень, оказывающие влияние на процесс правообразования и реализации права; г) господствующую в том или ином обществе идеологию и др.;

3) *факторы, формирующие в своей совокупности обций, «человеческий фактор»* [1, с. 397].

По этому вопросу высказался и Н.Н. Червяков. Он выделяет следующие группы взаимосвязанных факторов, акцентируя внимание на *последствиях их влияния*:

1) факторы, порождающие потребность в правовой регламентации;
2) факторы, определяющие форму и содержание нормативного правового акта;
3) факторы, оказывающие влияние на пределы правового регулирования;
4) факторы, определяющие эффективность реализации нормативных актов [6, с.45].

Таким образом, разнообразие классификаций показывает, что современная наука в достаточной степени изучила проблему факторов влияния на нормотворчество. Следует заметить, что все классификации объединяет присущая им прямая зависимость от основных сфер общества, что еще раз отмечает социальную природу нормотворчества.

Думается, что для корпоративного нормотворчества логичным будет применить подход деления его факторов на *внешние и внутренние*.

К *внешним факторам* влияния на корпоративное нормотворчество относят-

ся, прежде всего, те факторы, которые связаны с международным и государственным нормотворчеством, так как корпоративное нормотворчество от них зависит напрямую.

Итак, к внешним факторам относятся:

1) *экономические* (например, вынужденная фиксация в корпоративных нормативных актах денежной валюты для совершения сделок с клиентами в связи с ростом курса иностранных валют);

2) *социальные* (допустим, отражение во внутренних корпоративных нормативных актах изменения социального положения определенной категории работников, например, повышение планки пенсионного возраста);

3) *политические* (например, запрет на занятие должностей генерального директора, члена совета директоров в ведущих корпораций страны государственными служащими);

4) *юридические* (например, изменение классификации юридических лиц в гражданском законодательстве в некоторых случаях требует изменения учредительных документов);

5) *культурно-идеологические* (например, принятие закона о запрете курения в общественных местах влечет за собой определение нового места для курения).

К *внутренним факторам*, влияющим на корпоративное нормотворчество можно отнести следующие:

1) *организационно-юридические* (например, смена собственников или появление новых акционеров в корпорации влечет за собой изменение учредительных документов);

2) *финансовые* (например, принятие советом директоров решения осуществлять обязательную внеплановую аудиторскую проверку влечет изменение в финансовых инструкциях корпорации);

3) *трудовые* (например, открытие новой вакансии в корпорации по решению собственников предприятия);

4) *культурные* (например, принятие кодекса корпоративной этики);

5) *управленческие* (например, изменение маркетинговой политики, отражающейся годовом плане развития корпорации);

6) *договорные* (например, возложение на корпорацию новых обязательств путем подписания договора, которые влекут за собой изменения положений в корпоративных документах).

Таким образом, в завершении, заметим, что и внутренние, и внешние факторы корпоративного нормотворчества взаимосвязаны и взаимозависимы, могут применяться как в совокупности, так и в отдельности. Это делает корпоративное нормотворчество более динамичным, что очень важно для бизнеса.

Список литературы

1. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2011. 663 с.
2. Осипов М.Ю. Основные факторы, влияющие на правотворчество и правовое регулирование: понятие и соотношение. М.: Юрист, 2012. 385 с.
3. Пиголкин А.С. Правотворчество: Проблемы теории государства и права. М., 2015. 384 с.
4. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 2015. 146 с.
5. Тихомиров Ю.А. Котелевская И.В. Правовые акты: Учеб. – практ. и справ. пособие. – М., 2014. 381 с.

6. Червяков Н.Н. Проблемы совершенствования ведомственного нормотворчества на материалах МВД России: дисс. ... к.ю.н. М., 2016. 140 с.
7. Шмакова Н.С. Ведомственное правотворчество: понятие и формы: диссертация ... к.ю.н. Москва, 2016. 237 с.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ

Муравьев Е.В., Чекалин А.В.

магистранты, Международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

В непрерывном процессе развития государства суть и понятие гражданства постоянно реформируются, наполняясь новым смыслом. Однако понятие и вопрос о гражданстве на протяжении долгих лет остается актуальным, несмотря на обширное освещение и глубокое изучение данного института отечественными и зарубежными учеными. Актуальность исследования данной темы определяется пристальным вниманием к вопросу приобретения гражданства РФ со стороны Президента Российской Федерации и многочисленными нерешенными проблемами в этой области. Это связано с тем, что роль института гражданства в Российской Федерации возрастает с каждым днем. В статье исследована проблема зарождения и становления института гражданства в России.

Ключевые слова: институт подданства, присяга Государю, лицо без гражданства, православие, сословие, гражданский чин, союзное гражданство, советское гражданство.

Процессы зарождения и становления гражданства в России начались еще в середине XVII столетия. В 1649 году царь Алексей Михайлович издает свод законов – Соборное уложение, в котором содержится глава «О посадских людях», согласно которой горожане получали монопольное право ведения торговли в городах. Этот закон определял привилегированное положение горожан относительно крестьян, которым дозволялось вести торговлю только с возов и в торговых рядах. Прикрепляя посадских людей в городах, а крестьян к своим владельцам, закон устанавливал строгие границы между городом и деревней. Таким образом, юридически впервые было закреплено подчинение крестьян своим владельцам, и подчинение посадского люда – государю. Некоторые специалисты, к примеру, Миронов О.О., Горовцов Д.Е. с принятием Соборного уложения 1649 года связывают появление понятия «подданства» в России для определения принадлежности людей к государю. Однако, различий, кто является иностранным, а кто российским подданным Соборное уложение не устанавливало.

Первые официальные нормативные акты, законодательно закрепляющие термин «подданство», устанавливающие различие между иностранными и российскими подданными, а также регламентирующие порядок получения российского подданства, появляются в России в начале XVIII века. Известный российский ученый, политический деятель, юрист В.М. Гессель полагал, что Указ 1700 года уравнивал «крещение Православных Христианския веры» с «выездом на имя Великого Государя в вечное холопство», то есть в Российском государстве того времени считалось, что для того, чтобы стать российским подданным, необходимо было принять православную веру. Позднее, в 1721 году, Петром I был издан Высочайший манифест «О призыве шведов в службу и о позволении им в Российском Государстве, по учинении присяги, селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлей и промыслами» [1, с. 119], предла-

гавший пленным шведам вступить в российское подданство путем принесения присяги на верность российскому государю. Этот Манифест впервые оформил принесение присяги как метод натурализации, однако, не заключил в себя принятие присяги на пожизненный характер подданства. 27 августа 1747 года был издан Сенатский указ «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» [2, с. 187], имевший в отличие от Манифеста 1721 года (№3778) обще нормативный характер. Сенатский указ содержал текст присяги на вечно, и содержание текста более не изменялось.

Манифест от 01.01.1807 года позволял иностранным гражданам входить в купеческие гильдии и приобретать торговые права в России [3, с. 101], через принесение присяги на подданство, что, по сути, соответствовало началу натурализации в российское подданство. В связи со стремлением русского правительства привлечь иностранцев в Россию, по экономическим соображениям, в России практиковался легкий доступ иностранцев к получению российского подданства вплоть до середины XIX столетия. Связано это было с проведением политики колонизации Российской империей и необходимостью заселить малозаселенные государственные земли, кроме того, с развитием мануфактуры требовалось обеспечить активно открывающиеся фабрики и заводы рабочей силой, а крепостное право существенно препятствовало расселению российских крестьян, крепостное право существенно препятствовало расселению российских крестьян, принадлежавших частным владельцам.

После отмены Александром II крепостного права в России в 1861 году и освобождением крестьян из крепостной зависимости и открепления их от своих владельцев, острая необходимость в привлечении иностранцев в Российскую империю отпала, что повлекло за собой радикальные реформы законодательства о подданстве [4, с. 183]. Освобождение крестьян привело к возникновению понятия прав, принадлежащих каждому подданному, вне зависимости от его принадлежности к сословному положению. Это увеличило значение русского подданства и сделало его более ценным. Однако, полностью уравнивания прав всех сословных групп не произошло. 10 февраля 1864 года был принят Закон «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами русского подданства» (далее по тексту – «Закон 1864 года»), повлекший за собой уравнивание в правах урожденных подданных и натурализованных иностранцев. Закон 1864 года устанавливал более сложные правила приобретения подданства и более строгие требования к иностранцам, желающим получить российское подданство.

С наступлением краха Российской империи и установлением в России советской власти в правовом регулировании отношений гражданства произошли серьезные изменения. Уничтожение монархии и становление Республики, по аналогии с европейскими буржуазными республиками, сменили понятие «подданство» на «гражданство». 10 ноября 1917 года был принят декрет ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», упразднивший сословия, звания, титулы и гражданские чины Российской империи на всей территории Советской России. Этим декретом вводилось юридическое равенство всех граждан нового государства и ликвидировалось социально-политическое деление российского общества, а вместе с ним и понятие «русский гражданин». Временным правительством 20 марта 1917 года был издан закон «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений», законодательно закрепляющий одинаковые права граждан при поступлении на государственную службу и в образовательные учреждения, передвижения и жительства, приобретения собственности и т.п.

5 апреля 1918 года декретом ВЦИК «О приобретении прав Российского гражданства» было введено вступление в Российское гражданство иностранных граждан, проживающих на территории РСФСР, в местных Советах. Народный комиссариат по внутренним делам регистрировал принимаемых в гражданство иностранных граждан и опубликовывал списки для всеобщего сведения.

Первая Конституция Советской России от 10 июля 1918 года включала в себя широкий круг вопросов, посвященных советскому гражданству в РСФСР. Так, Конституция 1918 года передавала ведению Всероссийского Съезда Советов и ВЦИК Совета издание общих постановлений о приобретении и утрате прав гражданства и о правах иностранных граждан на территории РСФСР, закрепляла принципы гражданства, предусматривала упрощенную процедуру получения гражданства трудящимся-иностранцам, а также предоставляла право убежища всем иностранцам, преследуемым за политические и религиозные преступления.

После образования Союза Советских Социалистических Республик Постановлением ЦИК СССР было утверждено «Положение о союзном гражданстве» от 29.10.1924 года (далее по тексту – «Положение о гражданстве от 1924 года»), установившее единое союзное гражданство для граждан СССР и провозгласившее гражданина одной из союзных республик, входящих в состав СССР, гражданином СССР. Гражданин СССР наделялся всеми правами и обязанностями, установленными для граждан как Конституцией и законодательством СССР, так и Конституцией и законодательством республики, на территории которой он проживает. Введение единого гражданства увеличивало круг прав граждан СССР, так как на территории всего Союза все были равны, кроме того, единое гражданство уничтожило столкновения и противоречия между законами республик. В соответствии с Положением о гражданстве 1924 года, каждый человек, находящийся на территории СССР, не доказавший принадлежность к гражданству иного государства, не входящего в состав СССР, автоматически признавался гражданином СССР. Положением о гражданстве 1924 года также было введено понятие «получение гражданства в упрощенном порядке», таким правом обладали, например, лица, на момент рождения которых один из родителей состоял в гражданстве СССР.

19 августа 1938 года был принят первый закон «О гражданстве СССР», в котором впервые с правовыми терминами «гражданство СССР», «гражданство РСФСР» был введен термин «советское гражданство», акцентирующий внимание на единении и сплоченности советских республик. Статья 2 Закона о гражданстве 1938 года четко определяла круг лиц, являвшихся советскими гражданами. Согласно ст.8 Закона о гражданстве 1938 года, отсутствие у человека доказательства наличия иностранного гражданства не делало его автоматически гражданином СССР, в отличие от ст.3 Положения о гражданстве 1924 года [5, с. 40]. В соответствии с Законом о гражданстве 1938 года, такой человек считался «лицом без гражданства» – это правовое понятие в законодательстве СССР было введено впервые. Кроме того, в 1938 году Законом был отменен упрощенный порядок получения гражданства СССР, а выход из гражданства мог разрешиться исключительно Президиумом Верховного Совета СССР. Также, Закон о гражданстве 1938 года ничего не упоминал о правах иностранных граждан, в отличие от Положения 1924 года, в котором иностранцы, принадлежащие к рабочему классу и проживающие на территории СССР, наделялись теми же правами, что и советские граждане. Таким образом, с августа 1938 года иностранные граждане, не пользовавшиеся политическими правами, не зависимо от категории, к которой они относились. Такие права

иностранные граждане могли получить только после приобретения советского гражданства.

В 1978 году, на основе Конституции СССР 1977 года, был принят второй «Закон о гражданстве», установивший равенство всех советских граждан, независимо от оснований приобретения гражданства. Закон о гражданстве 1978 года закрепил важный принцип гражданства, а именно: защиту и покровительство государства своим гражданам, находящимся и проживающим на территории иностранного государства, а также недопустимость выдачи советского гражданина иностранному государству. Кроме того, в законе 1978 года были отражены основания приобретения советского гражданства, впервые установлено приобретение гражданства по рождению, регламентированы основания утраты и лишения гражданства СССР, а также перечислены основания отказа в выходе из гражданства Союза ССР. Закон о гражданстве 1978 года более подробно и полно регламентировал гражданство детей, при изменении гражданства его родителей и усыновителей, а также впервые в законе был отражен порядок рассмотрения заявлений и представлений по вопросам гражданства СССР.

23 мая 1990 года был принят Закон «О гражданстве СССР» №1518-І, согласно преамбуле которого, гражданство СССР определяет непрерывную политико-правовую связь человека и Советского государства, выраженную во взаимных правах и обязанностях. Специалисты считали такое определение лозунгом тоталитаризма, позволяющим лишить человека гражданства в случае, если он не разделяет политики этого государства и выслать граждан из страны, открыто выразивших свои политические взгляды, отличные от коммунистической идеологии и практики, но не совершивших незаконных деяний. Что в значительной мере отличается от понятия гражданства в правовом государстве, где гражданство – это не политическая, а правовая связь человека с государством. Кроме того, в связи с введением поста Президента СССР в государстве, в Законе о гражданстве 1990 года вопросы о принятии решений о гражданстве отнесены в ведение Президента СССР, более широко и подробно регламентирован порядок производства по рассмотрению заявлений и представлений по вопросам советского гражданства.

Распад Советского Союза, приобретение Российской Федерацией суверенитета, появление новых независимых государств, пришедших на смену союзным республикам, повлекло за собой необходимость в преобразовании законодательства о гражданстве. Необходимо было определить круг граждан России и урегулировать комплекс вопросов, связанных с гражданством в Российской Федерации. Первый закон о гражданстве России был введен в 1991 году (№1948- І), в котором устанавливалось, что «гражданство есть устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека» [6, с. 125]. Таким образом, в Законе о гражданстве 1991 года понятие гражданства преобразовалось, в отличие от понятия, применяемого в советском периоде, в наиболее демократичное понятие. Закон признавал гражданами России всех граждан бывшего РСФСР, изъявивших такое желание, закрепил двойное гражданство, установил ряд новых демократических принципов, отсутствующих в советских законах. Кроме того, Закон 1991 года положил начало новому подходу к восполнению пробелов, имевшихся в институте гражданства в советский период, закрепил общепризнанные нормы и принципы международных взаимоотношений, обогатил содержание института гражданства в целом.

С 2002 года начался и продолжается по настоящее время период проведения комплексной работы по совершенствованию законодательства о гражданстве и миграционной политики. На основании Конституции РФ, 31 мая 2002 года был введен в действие Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» №62-ФЗ, приводящий законодательство о гражданстве в соответствии с общепринятыми международными нормами и стандартами. В Законе о гражданстве более полно и четко регламентированы основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства, подробно определены полномочия органов, ведающих делами о гражданстве, а также установлен порядок производства по делам о гражданстве и обжалования решений полномочных органов. В целях обеспечения безопасности России, в Законе о гражданстве расширен круг оснований отклонения заявлений о приеме в гражданство. Закон о гражданстве РФ принят с учетом широкого международного опыта, установил целый ряд демократических принципов, восполнил, имеющиеся ранее, пробелы в законодательстве о гражданстве, однако в настоящее время, закон не остается неизменным. В ответ на постоянно происходящие политические, социальные и экономические изменения в России и в мире в целом, законодательство в области гражданства активно реформируется, законодатель регулярно вносит коррективы, постоянно обогащая и развивая институт гражданства в целом.

Таким образом, институт гражданства в России стал развиваться, по аналогии с европейскими странами, после проведения Февральской буржуазно-демократической революции в 1917 году, после свержения «царизма» и уничтожения прообраза института гражданства – института подданства. После Революции 1917 года в России было впервые введено понятие «гражданин», декларированы равные права всем гражданам России, уничтожено социально-политическое деление граждан. После образования Советского Союза возникла острая необходимость в урегулировании вопросов гражданства, в результате чего был введен новый закон о гражданстве, который устанавливал единое гражданство союзных республик. Советское законодательство о гражданстве уничтожило всякие привилегии, связанные с принадлежностью к той или иной национальности, таким образом, на территории всего Союза все люди были равны, и имели единый набор прав и обязанностей перед государством. Советское законодательство о гражданстве ввело такие понятия как «лицо без гражданства», «получение гражданства в упрощенном порядке» и другие. С течением времени, советское законодательство развивалось, охватывая все больший объем вопросов, возникающих в правоотношениях, связанных с гражданством. В советский период законодательство о гражданстве постепенно становилось одним из многих средств защиты государства от внутренних и внешних врагов, а также совершенствовалось и дополнялось в зависимости от внутренних и внешнеполитических условий развития государства. После распада Советского Союза, в институт гражданства России были внесены существенные изменения, на законодательном уровне был закреплено республиканское гражданство. И уже после переходного периода в 2002 году в Российской Федерации был введен новый и поныне действующий закон о гражданстве, являющийся классической моделью национального гражданства с учетом внутреннего и международного опыта, который наиболее четко регламентирует вопросы гражданства, условия его получения, предусматривает действующие механизмы защиты прав и законных интересов граждан России.

Институт гражданства довольно сложен и многогранен, представляет собой главнейшую составную часть правового статуса личности и взаимоотношений между государством и гражданином. Основопологающим звеном института гражданства являются принципы гражданства, которым должны соответствовать нормы законодательства, регулирующие гражданство РФ, так как принципы закрепляют базовые права гражданина России. Принципы гражданства выражают реальное состояние общества, регулируют общественные отношения, а также выявляют закономерности развития конкретного общества и развиваются исходя из содержания политической деятельности государства. Согласно принципам гражданства Российской Федерации, граждане равны между собой, им предоставляются равные политические, социальные и экономические права и свободы, гарантируется пребывание на Родине и единство со своим Отечеством, независимо от поведения и местонахождения гражданина. В соответствии с принципами гражданства РФ, государство обязано обеспечивать защиту законных интересов гражданина, не ограничивать его прав и свобод, вне зависимости от основания приобретения гражданства [7, с. 234].

Возникновение и формирование института гражданства в мире связано с появлением первых буржуазных государств, в результате проведения буржуазных революций и уничтожения абсолютизма, а вместе с ним и института подданства. Уничтожая феодальные отношения, революционеры провозглашали всех гражданами, вкладывая в это понятие принадлежность личности государству и вводя принцип равенства, наделив людей определенным набором прав. Классовые разграничения постепенно были ликвидированы, а в основу института гражданства были заложены идеи национального единства, равноправия граждан и народного суверенитета. С момента появления института гражданства гражданин формально становится субъектом власти и перестает быть объектом властвования.

В России институт гражданства формировался в три этапа, а именно:

1) дореволюционный период, в котором гражданство выражено виде института подданства, где люди разделены на сословия, все подчинены монарху;

2) советский период, в котором понятие «подданный» было заменено на понятие «гражданин», отменено социально-политическое деление граждан, всем декларированы равные права и обязанности, введено единое гражданство союзных республик;

3) российский этап, который можно разделить на два периода:

- переходный период – 1991-2002 г., в котором закреплено республиканское гражданство, был определен круг лиц, являвшихся гражданами Российской Федерации, произведено полное урегулирование всех вопросов, связанных с гражданством [8];

- настоящий период – с 2002 г. по настоящее время, с учетом внутреннего и международного опыта, был введен новый закон о гражданстве, наиболее четко и подробно регламентирующий вопросы гражданства, условия его получения, предусматривающий действующие механизмы защиты прав и законных интересов граждан России. Начато совокупное правовое регулирование вопросов института гражданства России и дальнейшее его развитие, исходя из требований современности [9].

Список литературы

1. Алехин А.Е. Федеральный закон «О гражданстве нуждается в совершенствовании»: научная статья. – М.: Издательская группа «Юрист», Журнал «Российская юстиция» № 9, 2016. С.40-42.

2. Изотова Е.Н. Институт гражданства РФ: особенности становления, правовое регулирование: Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. – М., 2015. С. 125.
3. Карпенкова Т В «Необходимо приступить к упрочению устройства быта туземцев Северного Кавказа». Временно командующий кавказской армией Г.Д.Орбелиани – военному министру Д.А.Милютину. 1861г Исторический архив. 2004. № 2. С. 183-188.
4. Конституция Российской Федерации от 13.12.1993 г.
5. Полное собрание законов Российской империи/Собрание 1649-1825/том 6(1720-1722)/Закон №3778. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
6. Полное собрание законов Российской империи/Собрание 1649-1825/том 6(1720-1722)/Закон №3778. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
7. Полное собрание законов Российской империи/Собрание 1649-1825/том 8(1720-1722)/Закон №3778. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.
8. Федеральный закон от 01.05.2014 №124-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».
9. Чичерин Б.Н. Общее государственное право: научная литература. – М.: Зерцало, 2013 г. С 234 (Серия «Русское юридическое наследие»).

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Неволина Е.Д.

магистрант кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства,
Южно-Уральский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В данной статье рассмотрены субъекты, участвующие в правоотношениях при оказании медицинских услуг. Дана развернутая характеристика каждой стороны – услугодателя и услугополучателя. А также приведена классификация всех субъектов правоотношений, возникающих при оказании медицинской услуги.

Ключевые слова: медицинские правоотношения, пациент, врач, лицензирование медицинской деятельности, охрана здоровья.

Изучая правоотношения в сфере оказания медицинских услуг, необходимо обратить внимание на особый субъектный состав таких правоотношений. Субъектом оказания возмездных медицинских услуг является медицинская организация, сотрудники которой могут предоставить соответствующие медицинские услуги, или лицо, занимающееся частной медицинской практикой, а второй стороной всегда является физическое лицо, обращающееся за необходимыми медицинскими услугами. Перед тем как рассмотреть правовое положение указанных субъектов, определим качества, которыми должны обладать субъекты правового регулирования для того, чтобы иметь права и нести обязанности в области гражданского права [1, с. 44].

Согласно теории права, для того чтобы быть субъектом, то есть участником каких-либо правоотношений с другими физическими или юридическими лицами, необходимо иметь такое юридическое свойство как правосубъектность. Большинство ученых связывают правосубъектность с наличием у человека правоспособности и дееспособности [2, с. 21].

На основании действующего гражданского законодательства Российской Федерации правоспособностью является способность иметь гражданские права и

нести обязанности. Гражданская правоспособность у физического лица возникает с момента его рождения и прекращается в связи со смертью. Также законодательством предусмотрены случаи, когда способность иметь отдельные гражданские права и нести обязанности может связываться с достижением физическим лицом соответствующего возраста [3, с. 88].

По действующему законодательству, для физических лиц, как участников гражданских правоотношений, в том числе по оказанию медицинских услуг, недостаточно одной правоспособности, нужно также иметь дееспособность. Дееспособностью называют способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Субъекты, участвующие в правоотношениях при осуществлении медицинской деятельности физические или юридические лица могут осуществлять свои права и исполнять обязанности только при соблюдении определенных условий, установленных законодательством.

На территории России медицинская деятельность осуществляется юридическими лицами разных организационно-правовых форм и физическими лицами, имеющими статус индивидуального предпринимателя. Поскольку медицинская деятельность связана с воздействием на организм человека, законодательством введен ряд императивных норм, относительно исполнителей этой деятельности. В этом проявляется специфика медицинской услуги, поскольку статус профессионального участника, оказывающего услугу, предопределяет предъявление к исполнителю более жестких требований.

Согласно ст. 17 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» осуществление медицинской деятельности подлежит обязательному лицензированию. Лицензирование позволяет определять возможности медицинской организации в оказании лечебно-профилактической помощи и услуг с наделением права заниматься медицинской практикой в объеме и функциях, адекватных уровню подготовки медицинского персонала, состоянию материально-технической базы учреждения и его оснащения.

Участие медицинского учреждения любой организационно-правовой формы в осуществлении медицинской помощи пациентам является ее предоставлением, так как медицинское учреждение предоставляет медицинское оборудование, помещения и другие средства, помогающие осуществлению медицинской деятельности. Непосредственно оказывают медицинскую помощь, то есть осуществляют совокупность нужных в конкретном случае профессиональных действий, медицинские работники. Именно медицинских работников относят к субъектам оказания медицинской помощи.

Медицинская услуга ориентирована на особое благо – здоровье, поэтому в отношении медицинских работников существует множество исключений из общих правил, предъявляемых к профессиональной деятельности. Это обусловлено исключительной социальной значимостью правоотношений, складывающихся в сфере охраны здоровья населения. Одним из таких исключений является особый порядок допуска к осуществлению медицинской деятельности. На основании ст. 69 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации имеют лица, получившие медицинское или иное образование в

Российской Федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста.

Несоблюдение установленных законом требований для правомерного осуществления медицинской деятельности влечет за собой множество правовых последствий. Например, в качестве одного из гражданско-правовых последствий осуществления деятельности медицинским учреждением любой организационно-правовой формы без соответствующего разрешения (лицензии) является ликвидация учреждения (п. 3 ст. 61 ГК РФ). Оказание медицинских услуг без соответствующей лицензии может также являться нарушением не только гражданского, но и административного, уголовного законодательства. Так, согласно ст. 6.2 КоАП предусмотрена ответственность в виде административного штрафа за занятие народной медициной (целительством) без получения разрешения, установленного законом. Уголовно наказуемо занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью либо смерть человека (ст. 235 УК РФ) [5, с. 12].

Таким образом, среди субъектов, имеющих право осуществлять медицинскую деятельность (исполнители медицинских услуг), можно выделить следующих субъектов:

- предоставляющих медицинские услуги – медицинские учреждения любой организационно-правовой формы;
- оказывающих медицинские услуги – медицинские работники.

Особым субъектом правоотношений, возникающих при осуществлении медицинской деятельности, – субъектом, получающим медицинскую помощь, является пациент. В правоотношениях, складывающихся при оказании медицинской помощи, пациент является потребителем, услугополучателем медицинских услуг. Услугополучателем, потребителем медицинской услуги могут быть только физические лица – граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства.

Согласно п. 9 ст. Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» пациентом является физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Термин «пациент» более широкий, чем термин «больной», и он не связан с наличием или отсутствием заболевания.

Безусловно, в правоотношениях, складывающихся при оказании медицинской помощи, основными субъектами являются две стороны – исполнитель медицинской услуги (медицинское учреждение или частнопрактикующий врач) и получатель медицинской услуги (пациент). Вместе с тем спецификой правоотношений в сфере медицинских услуг является наличие в некоторых случаях и других лиц (физических и юридических), наделенных определенными полномочиями. Такие субъекты не принимают непосредственного участия в процессе оказания медицинской помощи, но способствуют косвенным образом ее оказанию. К примеру, такими являются правоотношения в системе обязательного и добровольного медицинского страхования. В Федеральном законе от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» прописана цель возникновения

системы медицинского страхования – обеспечение за счет средств обязательного медицинского страхования гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи при наступлении страхового случая в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования и базовой программы обязательного медицинского страхования. Основной причиной создания системы обязательного и добровольного медицинского страхования и появления в этой связи новых субъектов медико-правовых отношений является необходимость изменения системы финансирования здравоохранения и создания новых способов повышения эффективности использования ресурсов для охраны здоровья населения.

Исходя из выше изложенного, можно условно классифицировать всех субъектов правоотношений, возникающих при оказании медицинской услуги, следующим образом:

– субъекты, имеющие право осуществлять медицинскую деятельность, – исполнители медицинских услуг:

а) предоставляющие медицинскую помощь – медицинские учреждения любой организационно-правовой формы;

б) оказывающие медицинскую помощь – медицинские работники;

– субъекты, получающие медицинские услуги:

а) пациенты – физические лица, которым оказывается медицинская помощь или которые обратились за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния;

– субъекты, способствующие оказанию медицинской помощи:

а) страховые учреждения, занимающиеся медицинским страхованием граждан;

б) страхователи в системе обязательного и добровольного медицинского страхования;

в) фонд обязательного медицинского страхования и его территориальные фонды, их филиалы;

г) вспомогательные подразделения.

Приведенная классификация имеет практическое значение, потому что позволяет четко определить права и обязанности всех субъектов правоотношений в сфере оказания медицинских услуг.

Список литературы

1. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2010. 244 с.

2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Классика российской цивилистики. М.: Статут, 2011. 411 с.

3. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву / Из истории цивилистической мысли. Серия «Классика Российской Цивилистики». Ред. Л.А. Козакова. М.: Статут, 2000. 758 с.

4. Колоколов Г.Р., Махонько Н.И. Медицинское право: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2009. 452 с.

5. Ситдикова Л.Б. Правовая природа медицинских услуг: гражданско-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 12-16.

О НАЛИЧИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ У МЕДИАТОРА

Неражеева Г.А.

студентка 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Рубанов С.А.

ст. преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Медиация – альтернативный способ урегулирования споров, особенностью, которой является разрешения спора с участием посредника. Важно, чтобы к медиатору предъявлялись определенные требования, позволившие отбирать более квалифицированного специалиста.

Ключевые слова: медиатор; медиация; образование медиатора; требования, предъявляемые к медиатору.

Институт медиации в России получил свое подтверждение с принятием Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Данным законом определяется сфера урегулирования гражданских, семейных и трудовых споров, а также устанавливается альтернатива судебному или административному разбирательству как внесудебная процедура урегулирования гражданско-правовых споров с участием нейтральных лиц (медиаторов).

Данный институт был призван снизить нагрузку на судебную систему и помочь конфликтующим сторонам достигнуть желаемого результата с помощью участия профессионального посредника – медиатора.

Процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора при добровольном согласии сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основании принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора [1, ст. 2].

Вынудить одну из сторон участвовать в проведении процедуры медиации недопустимо. Стороны сами должны достигнуть решения о проведении процедуры медиации и могут в любое время отказаться от ее проведения. Продолжение проведения процедуры медиации без участия одной из сторон невозможно.

Медиатор – это независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [2, с. 140].

Цель медиации заключается в том, чтобы предложить удобный и быстрый способ разрешения споров, который должен гарантировать исполнение решений, принятых в ходе процедуры медиации и позволить сторонам избежать растрат на судебные издержки. Процесс медиации основан на том, что стороны при участии медиатора должны прийти к консенсусу и достигнуть взаимного и приемлемого соглашения.

В своей деятельности медиатор должен быть независим и беспристрастен. Медиатор не вправе делать выводы по поводу какого-либо спорного вопроса и выносить решения, имеющие рекомендательный характер. Внешнее воздействие на медиатора недопустимо. Беспристрастность медиатора заключается в том, что он обязан быть объективным и справедливым по отношению к каждой из сторон. Беспристрастность заключается не только в понимании медиатора, а в большей степени зависит от понимания самих сторон. Об этом свидетельствует правило, согласно которому медиатор обязан сообщить сторонам о любых обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения в отношении его беспристрастности или независимости.

Медиатор не является арбитром или представителем какой-либо из сторон спора и не обладает правом принимать решение по существу спора. Он лишь способствует урегулированию спора, помогает сторонам выявить их желаемые интересы и потребности, найти решение, которое удовлетворит всех участников конфликта. Это и есть главная задача медиатора.

Медиатора может осуществлять свою деятельность как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе без лицензии и аккредитации. На непрофессиональной основе деятельность медиатора могут осуществлять лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. Медиатор не вправе:

- представлять какую-либо из сторон;
- оказывать сторонам юридическую, консультационную или иную помощь;
- осуществлять деятельность медиатора, если имеется личная заинтересованность в результате проведения процедуры медиации и если состоит в родственных отношениях с одной из сторон;
- медиатор не вправе делать публичные заявления по существу спора без согласия сторон [1, ст. 15].

Лица, замещающие государственные должности Российской Федерации или государственные должности субъектов Российской Федерации, а также государственные служащие не могут осуществлять деятельность медиатора. Данный вид деятельности не является предпринимательской и услуги по проведению процедуры медиации могут быть как платными, так и бесплатными. Расходы по оказанию платных услуг стороны несут в равных долях, если они не договорились об ином.

Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов, утвержденной в порядке, установленном Правительством РФ [3, с. 142].

Наличие высшего образования и глубоких знаний должны сопровождаться рядом личных качеств медиатора. Личные качества позволяют в первую очередь наладить контакт с людьми, направлять и поддерживать ход общения, тактично и дипломатично подходить к разрешению разногласий. Умение считывать эмоции собеседников позволит медиатору переставаться в зависимости от изменения ситуации, а также предотвращать наступление возможных конфликтов сторон.

Также необходимым условием для осуществления деятельности медиатора можно считать и опыт работы по юридической профессии. Это позволит улучшить качество оказываемых услуг, повысить профессиональную компетенцию медиатора и его востребованность в сфере медиативной деятельности.

Определение Губкинского городского суда Белгородской области по делу

№ 2-1277/2016 по иску Рогова С.С. к ООО «Страховая компания ЮЖУРАЛ-АСКО» о взыскании неустойки за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты. До судебного заседания от сторон по делу поступило мировое соглашение, по условиям которого истец полностью отказывается от исковых требований к ответчику ООО «Страховая компания ЮЖУРАЛ-АСКО», в том числе штрафа, компенсации морального вреда, неустойки, страхового возмещения, услуг копирования, почтовых услуг и иных судебных расходов, в дальнейшем претензий по данному делу не имеет.

Ответчик ООО Страховая компания ЮЖУРАЛ-АСКО» обязался выплатить истцу денежную сумму, что включает: неустойку, компенсацию морального вреда, расходы на оплату услуг представителя в течение 5 дней с момента подписания мирового соглашения на реквизиты истца. Стороны после соблюдения условий настоящего мирового соглашения отказались от взаимных претензий друг к другу. Суд принял решение утвердить мировое соглашение, заключенное между Роговым С.С. в лице представителя Красильниковой О.В., с одной стороны, и ООО «Страховая компания ЮЖУРАЛ-АСКО», с другой стороны. Производство по делу было прекращено [5].

По мнению Феоктистова А. В. процедуру медиации должны проводить профессиональные медиаторы, которые должны иметь специальное, комплексное, длительное образование, желательно юридическое и психологическое [4, с. 6]. С позицией Феоктистова А. В. сложно не согласиться.

Лицо, обладающее профессиональными компетентностями медиатора, может осуществить процедуру урегулирования спора между сторонами и объективно провести процедуру медиации. Профессиональные навыки и опыт работы позволяют наиболее грамотно и верно составить медиативное соглашение между сторонами, а также помочь истцу и ответчику достичь компромисса в возникшем между ними конфликте. Поэтому необходимо изложить пункт 1 статьи 16 Федерального закона N 193-ФЗ от 27 июля 2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в следующей редакции: «Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее юридическое образование, получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации и имеющие опыт работы по юридической профессии не менее трех лет».

Данное нововведение позволит повысить уровень образования медиатора, повысить его профессиональную компетентность, что позволит, в свою очередь, оказать сторонам квалифицированную юридическую помощь, достигнуть компромисса между ними и снизить риск наступления негативных последствий, как для истца, так и для ответчика.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01 сентября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>, свободный.

2. Карпенко А. Д. Медиация: Учебник / Под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского. – СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – (Библиотека журнала «Третейский суд»; вып. 8). – 480 с.

3. Туманова Л. В. Гражданский процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / [Л. В. Туманова и др.]: под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. – 599 с.

4. Феоктистов А. В. Медиация как способ урегулирования конфликтов // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 27. – С. 1-7.

5. Определение Губкинского городского суда Белгородской области от 25 августа 2016 г. по делу № 2-1277/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru>, свободный.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Осинцова М.В.

слушатель 5 курса факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

Тишкина Н.В.

преподаватель кафедры предварительного расследования,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

Гребенюк О.А.

начальник кабинета специальных
дисциплин кафедры предварительного расследования,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с расследованием экологических преступлений. Приводится краткий перечень наиболее распространенных видов экологических преступлений. Анализ статистики экологических преступлений.

Ключевые слова: экология, экологические преступления, незаконная рубка лесных насаждений, методика расследования экологических преступлений.

Экология Российской Федерации требует особого внимания, как со стороны Правительства РФ, так и со стороны граждан, проживающих на данной территории. Требование к охране окружающей среды является актуальным в XXI веке.

Леса России представляют собой экологический каркас биосферы не только нашей страны, но и всего северного полушария. Более 20% площади лесов и древесных запасов мира находятся на территории Российской Федерации. В России леса занимают почти 7 % площади суши. Поэтому обеспечение рационального, неистощительного использования лесных ресурсов, их охрана и воспроизводство – это важная национальная задача, решение которой обеспечивает поддержание экологического баланса природных комплексов:

- В 2017 году планируется восстановить 800 тыс. га на территории страны;
- В том числе будет предложено лесовосстановление на Байкальской природной территории, пострадавшей от пожаров в 2015 года [4].

В стране процесс вырубki лесных массивов практически бесконтрольный, в ходе чего вырубаются сотни гектаров зеленой зоны. Наиболее изменилась экология на северо-западе страны, а также становится актуальной проблема обезлесения Си-

бири. Многие лесные экосистемы изменяются для создания сельскохозяйственных угодий. Что приводит к вытеснению многих видов флоры и фауны из мест их обитания. Нарушается круговорот воды, климат становится разбалансированным.

В борьбе с экологическими преступлениями необходимо помнить, что она создает реальную угрозу самим биологическим основам жизни, здоровья и развития человека. В связи с этим 2017 год в Российской Федерации объявлен «Год Экологии». 5 января 2016 года Президентом РФ был подписан Указ «О проведении Года экологии в 2017 году». Цель данного решения – привлечь внимание к проблемным вопросам, существующим в экологической сфере, и улучшить состояние экологической безопасности страны [1].

Рассматривая данные статистики зарегистрированных экологических преступлений по видам, основной массив в системе экологической преступности занимают четыре основных состава: незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, незаконная охота, незаконная рубка лесных насаждений, уничтожение или повреждение лесных насаждений. Особое внимание хотелось бы обратить на рубку лесных насаждений.

Анализируя данную ситуацию в федеральных округах, данный вид преступности имеет различный характер. Так большинство преступлений зарегистрировано в таких регионах нашей страны, где лесистость составляет более 80%: подзона средней тайги Пермской области, Республики Коми и Центральной Сибири. Мало-лесные районы с лесистостью менее 1% расположены в Европейской Территории России (Республика Калмыкия, части Ставропольского края, Астраханской, Ростовской и Вологодской области). Многие лесные экосистемы изменяются для создания сельскохозяйственных угодий, используются на топливные нужды и идут на строительство. Что влечет за собой существенные проблемы для нашей страны. Ведь лес подобно губке впитывает большинство осадков, защищает воздух от ядовитых газов, копоти и других загрязнений атмосферы.

Несмотря на то, что в Российской Федерации в январе – июле 2017 года зарегистрировано 13,7 тысяч экологических преступлений, что на 2,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года [3]. Проблемы расследования данной категории преступлений существуют.

Выявляя проблематику расследования данного вида преступления, хотелось бы обратить особое внимание на преступления, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, следователи в большинстве своем встречаются с такими проблемами как:

Во-первых, поиск лица совершившего противоправное деяние затруднительно осуществить из-за того, что о совершении преступления порой заявляют слишком поздно. По статистике около 80 % в данном случае являются без лица. Причиной тому, что лесничество на закрепленных участках не совсем качественно проводят профилактику на своих участковых лесничествах: рейды и беседы с населением. Исходя из этого лесничество уже при обнаружении незаконной рубки обращаются с заявлением (в сентябре) о том, что предположительно в январе 2017 года была совершена незаконная рубка различных пород дерева, прошло уже более полугода.

Во-вторых, при производстве первоначальных следственных действий следователь сталкивается со следующими трудностями: осмотр места происшествия. Для воссоздания картины произошедшего особое значение имеют: следы обуви, орудий и механизмов рубки древесины, следы транспортных средств и их приспособлений и горюче-смазочных материалов. Для выезда на место происшествия

необходима помощь должностного лица (лесника), так как следственно-оперативная группа не имеет достаточных данных о территории. Но здесь встречается иная проблема как, утрата доказательств, ввиду неблагоприятных погодных условий (снег, дождь и т.п.).

В-третьих, исходя из мнения автора научной работы Фоминой Инны Анатольевны, которое я поддерживаю «на заключительном этапе осмотра необходимо решить вопрос о хранении незаконного заготовленной древесины и вещественных доказательств, изъятых при осмотре. По действующему законодательству лесничества должны взять на себя данную обязанность, что они делают неохотно, так как для них весьма невыгоден вывоз такой древесины с делянок и сам процесс хранения. То же относится и к вопросу хранения изъятой техники (тракторов, погрузчиков, автомашин, бензопил), принадлежащей третьим лицам. Данные «трудности» приводят к тому, что незаконно изготовленная древесина так и остается лежать на деляне и теряет свою товарную ценность. Кроме того, после окончания осмотра места происшествия необходимо определить точный объем незаконно срубленной древесины: по самой древесине (если она есть) на высоте 1,3 м и/или пней (в зависимости от времени года) на высоте 30-80 см; отобрать образцы почвы с поверхности, причем делать это необходимо в 5-6 различных местах» [2].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что проблемы при расследовании экологических преступлений существует, которые необходимо решать, усовершенствовав методику расследования указанных преступлений.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 01.08.2015 № 392 «О проведении в Российской Федерации Года особо охраняемых природных территорий»
2. Фомина И.А. «Тактика осмотра места происшествия по факту обнаружения признаков состава преступления, связанного с незаконной рубкой лесных насаждений» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktika-osmotra-mesta-prishestviya-po-faktu-obnaruzheniya-svyazannogo-s-nezakonnoy-rubkoy-lesnyh> (дата обращения: 20.09.2017)
3. Состояние преступности (актуальные данные) [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/> (дата обращения: 20.09.2017)
4. 2017 год экологии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ecoyear.ru/> (дата обращения: 18.09.2017)

ВОЗМОЖНО ЛИ ИССЛЕДОВАТЬ ДАННЫЕ О ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ?

Осодоева Н.В.

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, канд. юрид. наук,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, г. Иркутск

Статья посвящена исследованию данных о личности подсудимого в суде присяжных. Анализируются мнения ученых, судебная практика по указанной проблеме. Автор убежден, что невозможно исследовать данные о личности подсудимых в их присутствии для доказательства виновности или невиновности подсудимого, если эти данные не входят в предмет доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: суд присяжных, допрос, личность подсудимого, приговор, судимость.

УПК РСФСР предусматривал, что с участием присяжных заседателей не исследуются обстоятельства, связанные с прежней судимостью подсудимого и признанием его особо опасным рецидивистом. По смыслу закона и с учетом компетенции присяжных заседателей с их участием не должны также исследоваться данные, характеризующие личность подсудимого (характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении, медицинское заключение о нуждаемости подсудимого в принудительном лечении от алкоголизма или наркомании и т.п.) [1].

Ныне действующий УПК РФ закрепил другое положение. В соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ более четко установлены пределы исследования с участием присяжных заседателей данных о личности подсудимого. УПК РФ устанавливает, что данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого [2].

В развитие этих положений Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», указал правоприменителям, что «по смыслу закона и с учетом компетенции присяжных заседателей с их участием не должны также исследоваться данные, характеризующие личность подсудимого: характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и др.» [3].

По данному вопросу не имеется единого мнения среди ученых.

В юридической литературе не совсем приветствуется положение ч. 8 ст. 335 УПК РФ. Одни ученые считают, что присяжные заседатели ограничены при исследовании личности подсудимого [4, с. 35-36; 5, с. 8-15; 6, с. 128].

Другими авторами высказано мнение о том, что соображения в части исследования данных о личности перестают быть «запретными», когда подсудимый и его защитник сами «выносят на повестку дня» данные, характеризующие его личность [7, с. 199; 8, с. 103-108].

Напротив, некоторые процессуалисты указывают, что изложенное положение ч. 8 ст. 335 УПК РФ необходимо в условиях рассмотрения уголовного дела судом присяжных, представители народа должны быть свободны от предубеждений в связи с участием в отправлении правосудия [9, с. 59; 10, с. 29; 11, с. 170; 12, с. 28; 13, с. 36].

Наиболее справедливым, думается, является мнение ученых, полагающих невозможным исследование данных о личности подсудимого.

В этой связи показательным является Апелляционное Определение Верховного Суда РФ от 6 мая 2013 г. № 78-АПУ13-5СП, согласно которому приговор Санкт-Петербургского городского суда с участием присяжных заседателей от 17 января 2013 г. в отношении Т. отменен, и дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей со стадии судебного разбирательства, поскольку подсудимым и его защитником в суде несмотря на возражения стороны обвинения и неоднократные замечания председательствующего многократно доводились до

сведения присяжных заседателей данные о личности Т., а также указания на то, что свидетели обвинения неоднократно судимы, в отношении их расследуется дело об убийстве, в связи с чем они заинтересованы в сотрудничестве со стороной обвинения, а также делались многократные попытки опорочить действия следователя и стороны обвинения [14].

По этому же основанию Апелляционным Определением Верховного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 205-АПУ16-2СП отменен приговор Московского окружного военного суда с участием присяжных заседателей от 11 ноября 2015 г. в отношении Г., Б., Н., Т. и С., поскольку во время допроса подсудимых Г. и Н. председательствующий допустил обсуждение сведений, характеризующих подсудимых, личных данных о них: об учебе, службе в армии, работе, о семейном бизнесе, которые не входили в предмет доказывания по делу [15].

Таким образом, указанные решения свидетельствуют о том, что в суде присяжных не могут быть исследованы не только данные о личности подсудимого, но и свидетелей. При этом к характеризующим подсудимых, свидетелей сведениям суд относит данные об учебе, службе в армии, семейном бизнесе и т.д.

А. Ф. Кони в этой связи писал: «Составителями Судебных уставов было сказано, что судом всегда судится не отдельный поступок подсудимого, но его личность, насколько она проявилась в известном противозаконном поступке. Ознакомление с личностью подсудимого в значительной степени спасает от судебной ошибки, которая одинаково возможна как в случаях осуждения только на основании сведений о дурном характере подсудимого, так и в случаях осуждения только на основании преступного факта, который может быть следствием несчастного и рокового стечения обстоятельств и против которого громко вопиет вся безупречная и чуждая злу прошлая жизнь подсудимого. Суд, рассматривая преступное деяние, осуждает подсудимого за те стороны его личности, которые выразились в этом деянии, а не за всю его жизнь» [16, с. 345-346].

Такой же позиции придерживается и судебная практика [17; 18; 19]. Устанавливая запрет в суде с участием присяжных заседателей исследовать данные о личности, законодатель исходил из того, что данные факты не связаны с обстоятельствами данного преступления, соответственно, не имеют значения для решения присяжными заседателями вопроса о доказанности совершения подсудимым конкретного деяния. Присяжный заседатель при ответе на поставленные перед ним вопросы должен исходить лишь из представленных в судебном заседании доказательств.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1. С. 2-11.
4. Петрова Е. А. Психологические особенности проявления обвинительной установки у судей и присяжных заседателей // Российский судья. 2003. № 4. С. 35-36.
5. Глобенко О. А. Заметки присяжного // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 8-15.
6. Корнеева И. В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в РФ: дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2002. С. 128.
7. Золотых В. В. Судебное следствие в суде присяжных (практика применения законодательства Российской Федерации) // Вестник Саратовской государственной академии права. 1996. № 3. С. 199.

8. Борохова Н. Е., Барыгина А. А. О расширении возможностей суда присяжных в исследовании данных, характеризующих личность подсудимого // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 103-108.
9. Рябцева Е. В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 59.
10. Маркова Т. Ю. Вопросы, не подлежащие разрешению коллегией присяжных заседателей // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 29.
11. Ярцева Л. С. Деятельность адвоката-защитника по делам, рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... канд. юр. наук. Томск, 2005. С. 170.
12. Фомин М. А. Проблемы доказывания в суде с участием присяжных заседателей // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 28.
13. Фомин М. А. Структура доказывания в суде с участием присяжных заседателей // Уголовный процесс. 2009. № 4. С. 36.
14. Апелляционное Определение Верховного Суда РФ от 6 мая 2013 г. № 78-АПУ13-5СП. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php.
15. Апелляционное Определение Верховного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 205-АПУ16-2СП. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php.
16. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Собр. соч.; В 8 т. Т.1. М.: Юрид. лит., 1966. С. 345-346.
17. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 28 января 2010 г. № 201-О10-1 СП. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php.
18. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 6 июня 2007 г. № 93-007-8 СП. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php.
19. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 июня 2009 г. № 1-033/08. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» в локальной сети Нац. б-ки РБ.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Петрушенко В.В.

магистрант, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Липецк

В статье рассматриваются вопросы появления в России и развития института исполнения судебных решений, возникновения должностей судебных приставов, проблемы службы судебных приставов на современном этапе.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных пристав, исполнение судебных решений, судебный пристав.

В истории России возникновение функции исполнения судебных решений связывают с первыми упоминаниями слова «суд» в XI веке в Уставе князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных».

Создание на Руси такого учреждения, как суд, способствовало появлению специальных должностных лиц, обязанностью которых являлось приведение в исполнение судебных решений [1, с. 116].

Одним из первых нормативных правовых актов, которые регулировали процессы, связанных с развитием функции исполнения судебных решений в XI – первой половине XIX вв., является Русская Правда. Она предполагала наличие в суде

вспомогательных служащих (мечников, ябедников, рядовичей, метельников, детских и отроков), которые содействовали судебному процессу.

Следует также упомянуть межкняжеские соглашения и торговые договоры русских городов с иноземными купцами, положения которых дополнили нормы Русской Правды в XII в. А в связи с реализацией функции исполнения судебных решений впервые упоминаются приставы.

В 1497 г. и 1550 г. были приняты известные нам Судебники, в 1649 г. – Соборное Уложение, что позволило завершить формирование общерусской единой судебной системы, предполагавшей существование особых должностных лиц – приставов, обеспечивавших исполнение судебных решений. Эти нормативные правовые акты уже в значительной мере конкретизировали правовой статус судебных приставов, а также выработали правовые и организационные формы исполнения решений судов. Помимо этого они установили очередность удовлетворения взысканий, определили порядок исполнительного процесса. В этот период деятельность приставов по своему характеру была не только судебной, но и общегосударственной, поскольку они выполняли обязанности, напрямую связанные с административными функциями [2, с. 130].

Серьезный этап в становлении института исполнения решений судов можно связать с изменениями и преобразованиями отечественной судебной системы, которые были проведены в период царствования Петра I. Уже первые нормативные правовые акты, принятые Петром I, внесли очень существенные изменения в систему исполнения судебных решений. Были упразднены приставы, состоявшие при судах. Полномочия, ранее исполнявшиеся судебными приставами, были переданы полицейским, мелким судебным чинам и другим государственным служащим.

Следуя ходу истории, находим очередные преобразования института исполнения судебных решений, проведенные Екатериной II. Самым значительным правовым документом, легшим в основу создания качественно новой судебной системы России, явились «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. [2, с. 137].

В 1782 году принимают «Устав благочиния или полицейский», который установил единообразие правового регулирования исполнения судебных решений в губерниях российского государства и окончательно закрепил исполнение судебных решений за полицией. Соответственно, должности приставов были включены в общеполицейскую структуру. На судебных приставах возлагалось выполнение также и других функций, связанных с поддержанием общественного порядка, но выполнение которых приводило к затягиванию процесса исполнения судебных решений.

Та система судоустройства, которая была создана в ходе реформ Екатерины II, просуществовала в Российской империи вплоть до 1864 г. Можно выделить существенные недостатки этой системы. Несмотря на то, что были провозглашены абсолютно новые принципы реформирования, сама система исполнения судебных решений была крайне несовершенной. Этот факт определил необходимость создания во второй половине XIX в. отдельной службы для реализации функции исполнения судебных решений.

1864 год – это год известной судебной реформы. С него начался новый этап в развитии института исполнения судебных решений. Эта реформа занимает особое место в истории отечественного судопроизводства и судоустройства.

Наиболее важным результатом реформы является создание системы судебных органов, которая пришла на смену громоздкой структуре сословных судов. Новая система имела четко обозначенные компетенции.

Назовем наиболее существенные шаг реформы – это изъятие исполнения судебных решений из ведения полиции и передача специально созданному структурному подразделению суда – судебным приставам.

Этот шаг говорит о серьезном осмыслении действующей властью государственных функций. Суд был отделен от администрации.

Особо отметим, что нормативная база 1864 г. подробно регламентировала правовой статус судебных приставов. К кандидатам на занятие должности судебного пристава предъявлялись определенные требования, был урегулирован порядок вступления в должность пристава, а также освобождение от должности, были определены права и обязанности судебного пристава, а также гарантии их реализации. Правовому статусу судебных приставов был определен в документе под названием «Учреждение судебных установлений».

Первоначально, когда только шла подготовка к судебной реформе, отечественными правоведами были высказаны идеи по поводу принятия отдельного нормативного правового акта, к примеру, Положения о судебных приставах. Подобное положение могло бы определить правовой статус данных должностных лиц и урегулировать правовую основу их деятельности. Дальше предложения дело не пошло, но оно явилось первой, по сути, попыткой выделить регулирование правовых отношений в области исполнительного производства в самостоятельное направление. После отказа власти от данного предложения намерения его авторы указали на возможность возникновения ряда недостатков в деятельности судебных приставов, обусловленных пробелами в законодательстве, определяющем правовой статус судебных приставов.

Тем не менее, создание института судебных приставов в 1864 г. сыграло положительную роль в развитии отечественного судоустройства и судопроизводства. Исполнение судебных решений было отнесено к деятельности специально созданных судебных учреждений и представляло собой последнюю стадию судопроизводства, на которой происходило реальное восстановление нарушенных прав [1, с. 116].

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. российская судебная система, установленная еще Судебными уставами 1864 г., а также последующими законодательными актами, была ликвидирована. Именно с этого момента мы можем говорить о кардинально новом периоде развития института исполнения решений судов. Важно заметить, что дореволюционная практика полностью отрицалась.

Перед советской властью стояла крайне сложная задача – не только сформировать систему судебных органов, но и обеспечить качественное выполнение их решений.

После правового закрепления системы судов достаточно остро встал вопрос об исполнении их решений. Тем более, это было важно потому, что власть нового государства нуждалась в авторитете и не могла допустить игнорирование судебных решений. Однако в связи с масштабным законодательным процессом и объективными недоработками, не урегулировавшими данную сферу, широкое распространение получили локальные нормативные акты, издаваемые в разных губерниях с учетом их специфики. Таким образом, в разных уголках государства сформировался различный порядок исполнительного производства.

Реформа 1922 года ввела принципы организации судов, их единство. 11 ноября 1922 года ВЦИК принимает Положение «О судеустройстве РСФСР», которым институт судебных приставов был определен как вспомогательный орган. Но правовой статус судебного пристава был сформирован еще позже – в 1923 году. В этом же году были приняты инструкции и циркуляры, регламентирующие как общие, так и частные вопросы исполнения судебных решений [3, с. 67].

Согласно обновленному законодательству судебные исполнители стали государственными служащими, входили в штат народных и губернских судов. Их обязанности определялись Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР и Гражданским Процессуальным кодексом РСФСР. Назначались на должность и освобождались от должности по распоряжению председателя суда.

Следует отметить, что в сравнении с дореволюционным периодом, советские судебные исполнители уже не имели возможность организовывать свои собственные органы управления. Непосредственным руководителем судебных приставов являлся председатель суда.

Можно выделить ряд характерных черт в работе судебных исполнителей в данный период:

1) Существовала возможность назначить представителя должника, если сам должник отсутствовал. Когда место его проживания и работы должника не было известно, взыскатель мог обратиться в суд с просьбой о назначении представителя;

2) существовал особый порядок исполнения судебных решений в отношении госучреждений и советских предприятий, который ограничивал порядок взыскания. Эта особенность сохранялась в Российской Федерации, став причиной массовых обращений граждан в Европейский суд по правам человека;

3) имелась возможность производить арест имущества должника, которое находилось у третьих лиц – государственных учреждений, предприятий и граждан;

4) также имелась возможность (при отсутствии или отказе должника от хранения) передачи арестованного имущества специальному хранителю, на условиях выплаты ему вознаграждения в размере, установленном Народным комиссариатом юстиции;

5) имелась возможность продажи арестованного имущества с публичных торгов, которые организовывались судебными исполнителями.

В целом данная система просуществовала не только до распада Советского Союза и отказа от социалистического пути развития, но и еще некоторое время. Тем не менее, постсоветский период вновь обозначил задачу изменения законодательства, выстраивая его под новую общественно-экономическую формацию.

Показательно, что еще до принятия нового гражданско-процессуального кодекса уже 21 июля 1997 г. был принят Федеральный закон № 118-ФЗ «О судебных приставах». Новый ГПК РФ – Федеральный закон № 138 – был принят 14 ноября 2002 г. (ФЗ №138). 2 октября 2007 г. принимается Федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Начался новый период в деятельности судебных приставов.

Список литературы

1. Бесарабов В.Г., Тройно П.С. Основы развития института судебных приставов и исполнительного производства в России (Дореволюционный период) // Право и политика. 2004. № 10. С. 116-124.
2. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3. 310 с.

3. Покова О.В. Правовое регулирование деятельности судебных приставов: историко-теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М.: Российский государственный социальный институт, 2000. 203 с.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Пешков Д.В.

старший преподаватель кафедры уголовного права первого факультета
повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону),
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье анализируется квалифицирующий признак п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ – «убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности». Рассматривается вопрос о возможности квалификации действий лица, совершившего убийство женщины в условиях фактической ошибки о признаках потерпевшей, как покушение на убийство с отягчающим обстоятельством.

Ключевые слова: квалификация, убийство, женщина, беременность, ошибка.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации не случайно начинается с главы о преступлениях против жизни и здоровья человека, поскольку Конституция РФ объявила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью и закрепила их защиту в качестве обязанности государства. Любое противоправное посягательство на жизнь человека представляет повышенную общественную опасность и в связи с этим уголовное законодательство устанавливает достаточно суровую ответственность за лишение человека жизни, вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казни. Назначение такого вида наказания с одной стороны является карой преступнику за совершенное преступление, а с другой – накладывает на правоприминителя обязанность правильно квалифицировать все обстоятельства совершенного деяния. А как показывает практика при расследовании уголовных дел об убийствах достаточно часто совершаются такие ошибки. Но не только правоприминитель может допустить ошибку. Преступник также может заблуждаться относительно тех или иных обстоятельств совершаемого им преступления. И одной из задач предварительного следствия является разрешение вопроса о том, допустил ли виновный такую ошибку, и если допустил, то как она может повлиять на окончательную квалификацию его действий.

Под ошибкой в уголовном праве понимается неправильное представление лица относительно общественной опасности совершаемого им деяния и о тех фактических обстоятельствах, которые ее определяют [6, с. 287]. Различают юридическую и фактическую ошибки. Нас интересует фактическая ошибка, связанная с неправильным представлением преступника об обстоятельствах, относящихся к признакам состава преступления, в частности, ошибка в личности потерпевшей.

Рассмотрим это на примере квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч.2 ст. 105 УК РФ).

Общественная опасность этого вида квалифицированного убийства заключается в том, что помимо самой женщины от преступления погибает и плод как заро-

дыш будущей жизни. Этот вид убийства предполагает обязательную осведомленность лица о беременности потерпевшей. А как быть, если при совершении преступления у преступника возникает объективное заблуждение относительно признаков потерпевшей, и он считает, что убивает беременную женщину, а она таковой не является.

По этому поводу в науке уголовного права до настоящего времени нет единого мнения, и на этот счет высказаны несколько точек зрения.

Некоторые ученые считают, что это деяние необходимо признавать оконченным преступлением, предусмотренным п. «г» ч.2 ст. 105 УК РФ [1, с. 104].

Другие – как совокупность оконченного убийства, предусмотренного ч.1 ст. 105 УК РФ, и покушения на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [2, с. 58].

Одни авторы предлагают квалифицировать такое преступление как оконченное убийство, предусмотренное ч.1 ст. 105 УК РФ [3, с. 75; 4, с. 74].

Существует также точка зрения о том, что данное преступление должно квалифицироваться как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [5, с. 339].

Судебная практика также не дает однозначного ответа на этот вопрос. Так в одном из решений Президиума Верховного суда РФ указано, «умысел Г. на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован и в результате действий виновного наступила смерть потерпевшей, которая в состоянии беременности не находилась, квалификация действий Г. как покушение на убийство является излишней». На основании этого вышестоящий суд сделал вывод о том, что судом первой инстанции действия Г. по ч.3 ст. 30, п. «г» ч.2 ст. 105 УК РФ квалифицированы излишне и осудил Г. только по ч.1 ст. 105 УК РФ [7].

Данное решение представляется неверным, поскольку судом проигнорирован субъективный критерий оценки общественной опасности действий виновного лица.

Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды указывать в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, описание преступного деяния, как оно установлено судом, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления. И при этом в силу принципа презумпции невиновности все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.), должны толковаться в пользу подсудимого [8].

А какие неустранимые сомнения могут быть в том, если показания виновного о том, что он считал потерпевшую беременной и по этим мотивам совершил ее убийство, подтверждаются совокупностью иных доказательств. Оценивая субъективный критерий такого убийства, т.е. вину, мотивы и цели преступления, суд в указанном случае должен был квалифицировать действия виновного лица как покушение на убийство беременной женщины, а в части оконченного убийства по ч.1 ст. 105 УК РФ дело прекратить.

Такой вывод следует из ряда решений Верховного Суда РФ, в которых имеются рекомендации о квалификации преступных действий исходя из направленности умысла виновного лица.

В Постановлении № 29 Пленум Верховного Суда РФ рекомендует при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против собственности квалифицировать действия преступников следующим образом: «в случаях, когда лицо, совершившее грабеж или разбойное нападение, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает двухсот пятидесяти тысяч рублей либо одного миллиона рублей, его действия надлежит квалифицировать, соответственно, по ч.3 ст. 30 УК РФ и п. «д» ч.2 ст. 161 или по п. «б» ч.3 ст. 161 как покушение на грабеж, совершенный в крупном размере или в особо крупном размере, либо по ч.3 ст. 162 или по п. «б» ч.4 ст. 162 УК РФ как оконченный разбой, совершенный в крупном размере или в целях завладения имуществом в особо крупном размере [9].

Как следует из приведенных рекомендаций, действия преступника подлежат квалификации как покушение на преступление, а в силу особенности момента окончания отдельных видов преступной деятельности (разбой) как оконченный состав, с квалифицирующим признаком, представляющим большую общественную опасность и предусматривающим более тяжкое наказание, независимо от фактического размера похищенного имущества.

В случае с убийством женщины, находящейся в состоянии беременности, именно это обстоятельство для преступника является важным и причиной совершения им преступления. Оно охватывается сознанием виновного и в связи с этим подлежит оценке как отягчающее обстоятельство. Поэтому деяние преступника, совершившего убийство женщины, которую он ошибочно считал беременной, должно быть квалифицировано как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, то есть по ч.3 ст. 30, п. «г» ч.2 ст. 105 УК РФ.

Список литературы

1. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999.
2. Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. – М., 1952.
3. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000.
4. Иванов А.Г. К проблеме квалификации умышленного убийства в условиях фактической ошибки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 72-75.
5. Курс советского уголовного права. – М., 1970. Т. 2.
6. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть, 2-е изд., испр. и доп. / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрилитинформ, 2014.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 420-П07. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 1 квартал 2008 г. // ИПО «Гарант» (дата обращения 28.09.2017).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // ИПО «Гарант» (дата обращения 28.09.2017).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // ИПО «Гарант» (дата обращения 28.09.2017).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Прокопенко А.И.

студентка 1 курса, Дальневосточный федеральный университет,
Россия, г. Владивосток

Научный руководитель – канд. юрид. наук, доцент Погодина Т.И.

В статье рассматриваются особенности общей совместной собственности на имущество, возникшей вследствие заключения брака. Раскрываются отличительные черты законного и договорного режима имущества супругов. Исследуются права и обязанности супругов в отношении общего имущества, в том числе при его разделе.

Ключевые слова: общая совместная собственность, законный и договорной режим имущества супругов, супруги, брак.

Брак в Российской Федерации является основанием возникновения общей совместной собственности, при этом в качестве такого основания признается только брак, заключенный в специально уполномоченном органе – ЗАГС. Впервые брак был указан в законодательстве в качестве основания возникновения совместной собственности в 1926 году, данное положение существует и сейчас [3, с. 43-45].

Режим совместной собственности супругов, предусмотренный ст. 256 ГК РФ, является самым распространенным вариантом возникновения общей собственности на имущество. Данная статья регламентирует законный режим имущества, устанавливая, что он может быть изменен на договорный, при составлении супругами специального соглашения, называемого брачным договором.

Под законным режимом имущества супругов законодатель понимает, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью без определения доли каждого из собственников, что закреплено в ст. 256 ГК РФ.

Конкретизация положений ГК РФ об общей совместной собственности отражена в Семейном кодексе Российской Федерации, где устанавливается, что супруги сообща по обоюдному согласию владеют, пользуются и распоряжаются общей совместной собственностью, имея при этом одинаковые права и исполняя равные обязанности. Эти правомочия принадлежат обоим супругам, вне зависимости от того, на чье имя зарегистрировано имущество, находящееся в общей собственности, кем внесены денежные средства за его приобретение [1, с. 61-66].

Исходя из смысла ст. 34 Семейного кодекса РФ и ст. 256 Гражданского кодекса РФ к общему имуществу супругов относятся: 1) доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности; 2) полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения; 3) приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации; 4) доходы, полученные от использования результата интеллектуальной деятельности одного из супругов; 5) драгоценности и другие предметы роскоши; 6) любое другое нажитое супругами в период брака имущество [7, ст. 34].

Примечательно, что данный список не является исчерпывающим и предусматривает включение в состав общего имущества супругов иного имущества прямо не предусмотренного законом, однако признанного супругами в качестве совместно нажитого.

На вещи индивидуального пользования, например, такие как одежда и обувь, не распространяется режим общей совместной собственности, они принадлежат непосредственно тому супругу, который пользуется ими.

Законодателем установлено, что совместной собственностью супругов является лишь имущество, нажитое во время брака, то есть на имущество, которое один из супругов имел до вступления в брак, режим общей совместной собственности не распространяется. Исключением является ситуация, когда в период брака за счет общего имущества супругов или личного имущества второго супруга в имущество первого были произведены вложения, которые значительно увеличили стоимость данного имущества, например, произведен капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и т.п. [1, ст. 256].

Так же в соответствии со ст. 36 Семейного кодекса РФ режим общей совместной собственности не распространяется на имущество, полученное одним из супругов по безвозмездной сделке, в том числе в дар или в порядке наследования [7, ст. 36].

Все владельцы общей совместной собственности пользуются и распоряжаются таким имуществом вместе. Статья 35 Семейного кодекса устанавливает, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга. При этом в определенных случаях это согласие должно быть в нотариально удостоверенной форме. Например, в соответствии с законом согласие второго супруга на совершение сделки должно быть оформлено в нотариальной форме в случаях, когда заключается: 1) сделка по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации; 2) сделка, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма; 3) сделка, подлежащая обязательной государственной регистрации.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что согласие другого супруга необходимо не только для сделок по отчуждению, но и для сделок, по приобретению имущества, что в настоящее время не предусмотрено действующим законодательством [2]. В обоснование данной позиции авторы указывают, что сделки по приобретению недвижимости имеют серьезные последствия, так как, приобретая недвижимое имущество, супруги распоряжаются доходами, являющимися общей совместной собственностью [8, с. 73-75].

Однако в литературе встречается мнение, что в случае утверждения таких нововведений, они, лишь осложнят гражданский оборот и дадут излишнюю защиту прав супруга, который не принимает непосредственного участия в сделке [9].

Общая совместная собственность супругов является бездолевой. Определение доли производится только при ее разделе, при этом общая совместная собственность прекращает свое существование [6, с. 61-66]. Супруги сами выбирают способ, как будет распределяться имущество: по соглашению сторон или по решению уполномоченного органа – суда [3].

Раздел имущества в судебном порядке может происходить: 1) по заявлению одного из супругов или обоих супругов, как в период брака, так и после его расторжения, но не позднее истечения срока исковой давности [6, с. 98-102]; 2) по за-

явлению кредитором требования о разделе общего имущества супругов с целью обращения взыскания на долю одного из супругов; 3) в случае смерти одного из супругов, когда на имущество умершего претендует не только его супруг, но и третьи лица [3, с. 15-17].

Основываясь на положениях ст. 39 Семейного кодекса РФ по общему правилу, при разделе имущества супругов и определении долей в этом имуществе, доли супругов признаются равными. Однако не всегда имущество в силу его определенных особенностей можно распределить в равных долях. В таком случае одному из супругов передается имущество в размере, превышающем долю другого супруга, но при этом на него возлагается обязанность по выплате соответствующей компенсации в денежном эквиваленте или иной форме.

Таким образом, режим совместной собственности супругов является самым распространенным вариантом возникновения общей собственности на имущество. В законодательстве регламентирована возможность установления, как законного режима имущества супругов, так и договорного.

Под законным режимом имущества супругов понимается, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью без определения доли каждого из собственников.

Законом предусмотрен список имущества супругов, на которое распространяется режим общей совместной собственности, данный список не является исчерпывающим.

Раздел общего имущества супругов и определение долей в нем может быть произведено как в судебном, так и внесудебном порядке.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017).
2. Зайцева Т.И., Галеева Р.Ф., Ярков В.В. Настольная книга нотариуса. М., Статут. 2008.
3. Калинин В.Е. Правовое регулирование режима общей совместной собственности супругов на недвижимое имущество // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (23). С. 15-17.
4. Косарева И.А. Брак как основание возникновения правоотношений общей совместной собственности супругов: некоторые проблемы // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 42. С. 43-45.
5. Краснова Т.В. Проблемы прекращения общей совместной собственности бывших супругов // Академический вестник. 2008. № 2. С.98-102.
6. Ладочкина Л.В. Законный режим имущества супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С.61-66.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.03.2017).
8. Султанов А.А. Некоторые вопросы законодательного регулирования общего имущества супругов // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 5. С. 73-75.
9. Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., Библиогр. 2007.

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Сороколетова М.А.

старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается понятие «конституционно-правовые согласительные процедуры» и анализируются особенности согласительных процедур в законодательном процессе, которые раскрываются через элементы механизма выявления, разрешения, предупреждения противоречий и разногласий в процессе осуществления государственной власти, как условие конституционного развития федеративных отношений в России и как парламентская процедура.

Ключевые слова: конституционно-правовые согласительные процедуры, парламентские процедуры, законодательный процесс, механизмы разрешения и предупреждения разногласий.

Примирительные процедуры, в том числе согласительные, как механизм урегулирования разногласий, возникающих между различными субъектами в процессе их совместной деятельности, предусмотрены различными отраслями права. Согласительные процедуры в законодательном процессе, конечно же, имеют свои особенности. Под согласительными процедурами принято понимать регламентированную законом совместную деятельность субъектов конституционно-правовых отношений по устранению возникающих между ними разногласий на взаимоприемлемой (компромиссной) основе [1, с. 477]. Более детальное и точное определение конституционно-правовым согласительным процедурам дает в своем диссертационном исследовании Бобракова Е.Е.: «...под конституционно-правовыми согласительными процедурами можно понимать урегулированный (регламентированный) нормами конституционного права ряд взаимосвязанных действий, направленных на достижение согласия по тому или иному конституционно-правовому вопросу тех субъектов конституционно-правовых отношений, для которых решение этого вопроса входит в их совместную компетенцию либо является основой для их нормального, эффективного взаимодействия» [2, с. 13].

Особенность согласительных процедур в законодательном процессе проявляется в том, что они выступают одновременно в следующих качествах:

1) как элемент механизма выявления, разрешения, предупреждения противоречий и разногласий в процессе осуществления государственной власти (в данном случае – законодательной);

2) в качестве условия конституционного развития федеративных отношений в России, поскольку двухпалатная структура национального парламента обусловлена прежде всего федеративным характером государственного устройства. Важно отметить, что современные мировые тенденции характеризуются возрастанием влияния иных факторов. И.А. Конюхова пишет, что «двухпалатная структура парламента получила значительное распространение в мире, благодаря, по меньшей мере, следующим своим преимуществам: а) возможности обеспечить наряду с представительством интересов всей совокупности граждан (всей нации) представительство коллективных интересов населения отдельных регионов в федеративном государстве – субъектов федерации) либо интересов иных групп или слоев обще-

ства, играющих важную роль в политических отношениях; б) способности оптимизировать законодательный процесс, играть роль тормоза и противовеса поспешным и недостаточно продуманным законодательным решениям нижней палаты и соответственно обеспечивать поступательное и стабильное функционирование государственности» [3, с. 27];

3) в качестве парламентской процедуры.

«Для того чтобы решение парламента, его палат, их комитетов и комиссий могли быть признаны правомерными, необходимо, чтобы заседания проходили в установленном порядке, а решения принимались с соблюдением определенных процедур», – пишет Р.В. Енгибарян [4, с. 78].

Проблематика парламентских процедур всегда привлекала к себе внимание исследователей-конституционалистов. Так, например, данный вопрос рассматривается в статье М.И. Левиной «Парламентские процедуры как институт парламентского права» [5, с. 43]. Автор, анализируя основные тенденции развития парламентских процедур в современных условиях и направления исследовательских интересов по данной проблеме, пишет: «Парламентские процедуры регламентируют процесс принятия решений и позволяют достичь наиболее эффективного и согласованного решения, поддерживаемого большинством. Процедуры появляются там и тогда, где и когда орган власти уполномочен принимать самостоятельные решения» [5, с. 43]. При этом верно отмечается, что «по природе своего действия они придают всей деятельности парламента должную процессуальность, которая в свою очередь сообщает всей институциональной системе устойчивость, равномерность, качественность» [5, с. 49].

Согласительные процедуры являются составным элементом законодательного процесса, его этапом, видом парламентских процедур вообще, «проявляются и используются в его рамках и могут быть достаточно полно оценены лишь с учетом их взаимосвязей с другими этапами и элементами», – считает А.А. Тарханова [6, с. 10]. Кроме того, «соблюдение должных процедур является одной из главных гарантий легитимности принимаемых законодательных актов. Соответствующие процедуры также призваны в современных условиях обеспечить демократичность подготовки и одобрения правовых актов. Это предопределяет значимость законодательного процесса и требует к нему самого пристального внимания» [7, с. 7].

Справедливо отмечается также, что совокупность процедур составляет стадии законодательного процесса, т.е. относительно законченные этапы, содержание каждого из которых регламентировано таким образом, что только исполнение всех его составляющих дает возможность перейти к следующему этапу [8, с. 77].

Согласительные процедуры как вид парламентских процедур, следовательно, отличаются такими признаками, как:

1) устойчивость, то есть возможность разрешения возникающих в процессе парламентской деятельности разногласий путем использования внутренних механизмов и средств достижения согласованного юридического эффекта;

2) равномерность, которая состоит в том, что с помощью согласительных процедур возникающие в процессе принятия законов противоречия разрешаются в регламентированной соответствующими правилами правовой процессуальной форме. Иными словами, согласительные процедуры позволяют законодательному процессу развиваться последовательно и равномерно;

3) качественность, поскольку согласительные процедуры как часть общего механизма осуществления законодательной власти позволяют существенно опти-

мизировать законодательный процесс, способствовать недопущению поспешных и недостаточно продуманных законодательных решений, что в свою очередь является существенным фактором обеспечения поступательного, стабильного, согласованного функционирования высшего законодательного органа.

Таким образом, согласительные процедуры служат более эффективной законодательной работе, способствуют осуществлению внутреннего контроля в рамках функционирования Федерального Собрания. «Использование согласительных процедур в законотворческом процессе свидетельствует о важной роли совершенствования механизмов обеспечения согласованного функционирования федеральных и региональных органов государственной власти. Наличие таких механизмов согласования интересов участников законодательного процесса, как согласительные процедуры, обеспечивает легитимность и эффективность законодательных решений, служит предотвращению споров о компетенции в процессе их исполнения» [9, с. 126]. Кроме того, согласительные процедуры в законодательном процессе – это эффективный конституционно-правовой инструмент внесудебного разрешения компетенционных споров между субъектами федеративных отношений и учета позиций регионов, основанных на особенностях правоприменительной практики и ресурсного обеспечения в каждом субъекте Российской Федерации.

Список литературы

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. Е.И. Козловой и др. М.: Проспект, 2010. 550с.
2. Бобракова Е.Е. Согласительные процедуры в конституционном праве: Общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе: Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. / Науч. рук. С.А. Авакьян. М., 2001. 27 с.
3. Конюхова И.А. Соотношение понятий «предметы ведения», «полномочия», «компетенция» и проблемы их использования в федеральном законодательстве // Ежеквартальный бюллетень совместного проекта ЕС и России «Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации», № 7. 2006, С.27-36.
4. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М., 2007. 100с.
5. Левина М.И. Парламентские процедуры как институт парламентского права // Государство и право на рубеже веков (материалы всероссийской конференции). Проблемы теории и истории. М., 2001. С. 43-49.
6. Тарханова А.А. Согласительные процедуры в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации (на примере Республики Татарстан): дис. канд. юрид. наук. Казань, 2007. 202 с.
7. Автономов А. Актуальные проблемы законодательного процесса в Российской Федерации // Проблемы парламентского права России. 1995. С. 7.
8. Гузнов А.Г., Кененов А.А., Рождественская Т.Э. Современный законодательный процесс: основные институты. Смоленск, 1995. 134 с.
9. Цатурян Т.В. Конституционно-правовое регулирование согласительных процедур разрешения споров о компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: Диссерт.на соискание ученой степени канд. юридич. наук, Москва, ГОУ ВПО «Российская академия правосудия». 2009. 187 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Удовидченко Е.А.

студент 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Рубанов С.А.

ст. преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье холдинг рассматривается в качестве объединения предприятий с целью создания крупной компании. Одной из распространенного вида холдинговой компании является финансовый холдинг. Процесс создания банковского холдинга регулируется банковским законодательством РФ.

Ключевые слова: холдинг, холдинговая компания, финансовый холдинг, банковский холдинг, способ образования холдинга, преимущества и недостатки холдинга.

В современном мире развивается тенденция появления на рынке крупных объединений предприятий, называемых холдингами. Холдинг или холдинговая компания – это компания, владеющая контрольным пакетом акций юридически самостоятельных предприятий и осуществляющая контроля над ними. Предприятия, входящие в состав холдинговой компании, являются дочерними предприятиями, так как их контрольные пакеты акций входят в структуру холдинговой компании [3].

Под «контрольным пакетом акций» понимается каждая форма участия в капитале предприятия, которая обеспечивается правом принятия или отклонения соответствующих решений на общем собрании его акционеров холдинговой компании, а также в его органах управления холдинговой компании. Решения о наличии данного контрольного пакета акций принимаются Государственным комитетом РФ по поддержке новых экономических структур и антимонопольной политике с учетом особенностей учредительных документов и структуры капитала предприятий, входящих в состав холдинговой компании [5, с. 233]. Дочернее предприятие, в независимости от размера пакета ее акций, принадлежащей холдинговой компании, не может владеть акциями холдинговой компании в какой-либо форме, включая залог и траст.

По форме собственности холдинг и его дочерние предприятия создаются в основном в форме акционерных обществ открытого типа. Холдинговая компания может быть дочерним предприятием другой компании. Также в соответствии с российским законодательством холдинг имеет право осуществлять инвестиционную деятельность, в том числе покупать и продавать любые ценные бумаги, включая акции на бирже.

Существует огромное количество видов холдинговых компаний. Самым распространенным из видов холдинга в современном мире является финансовый холдинг. Финансовой холдинговой компанией является холдинг, в котором больше пятидесяти процентов капитала составляют ценные бумаги и иные финансовые ак-

тивы. В финансовые активы может также входить имущество, необходимое для обеспечения функционирования структуры управления холдинговой компании.

Холдинговая компания, состав активов которой на момент учреждения не соответствует указанному в законе требованию, обязана в течение одного года с момента государственной регистрации осуществить действия и принять меры, необходимые для его выполнения либо для снижения доли ценных бумаг и финансовых активов до уровня, не превышающего пятидесяти процентов от капитала компании. Невыполнение или уклонение от указанных законом требований влечет за собой основание для принятия к рассмотрению арбитражным судом и вынесения решения о ликвидации данной холдинговой компании.

Особенности правового статуса финансового холдинга компании позволяют вести компании только исключительно инвестиционную деятельность. Также финансовая холдинговая компания не вправе вмешиваться в производственную, коммерческую и иную деятельность своих дочерних предприятий. Представители соответствующего финансового холдинга могут принимать участие только в собраниях акционеров дочерних предприятий. Включение представителей финансовой холдинговой компании в состав советов директоров или иные органы управления дочерними предприятиями не допускается федеральным законодательством.

Одним из основных разновидностей финансового холдинга является банковская холдинговая компания. Она образуется путем объединения нескольких юридических лиц, включая в себя одну финансово-кредитную организацию, находящуюся под контролем другого юридического лица, не являющегося кредитной организацией. Контроль и надзор за банковским холдингом осуществляет головная организация банковской холдинговой компании. Доля банковской деятельности в деятельности всего банковского холдинга определяется как отношение величины активов или же доходов кредитных организаций, которыми владеют участники банковского холдинга, не может составлять менее 40 процентов от общего числа. Она оказывает значительное влияние для определения участников банковского холдинга и составления отчетности, установленной российским законодательством, и тем самым данные доли определяются в соответствии с мировыми стандартами финансовой отчетности, признанными на территории Российской Федерации.

Головная компания имеет право создать управляющую компанию банковского холдинга и возложить на нее исполнение обязанностей по организации и управлению деятельности участников банковского холдинга. Головная компания, осуществляющая полномочия руководства банковским холдингом, имеет возможность определять решения управляющей компании банковского холдинга по вопросам, отнесенным к ее компетенции, касающимся реорганизации и ликвидации холдинга. В то же время управляющая компания не имеет права заниматься банковской, страховой, торговой, производственной или иной деятельностью, а также осуществлять деятельность на рынке ценных бумаг, деятельность по управлению инвестиционными и паевыми фондами. Головная компания в обязательном порядке, предусмотренном законодательством РФ, уведомляет Центральный банк РФ об образовании банковской холдинговой компании, а также о создании управляющей компании холдинга и ее полномочиях. Порядок соответствующего уведомления устанавливается Центральным банком РФ [1].

Центральный банк РФ осуществляет контрольно-надзорную функцию за деятельностью банковского холдинга. В случае выявления Центральным Банком в

ходе проведения проверки за деятельностью кредитных организаций, входящих в состав холдинговой компании, признаков участия кредитных или других организаций в банковской группе Центральный банк РФ направляет головной кредитной компании банковского холдинга требование об исполнении ею положений, установленных федеральным законом. Данная организация в срок в течение 30 дней со дня получения уведомления, информирует Центральный банк РФ об образовании банковского холдинга [2].

В случае неисполнения требований Центрального банка РФ головной организацией Банк России в установленном законом порядке имеет право ограничить проведение кредитной организацией, являющейся участником банковского холдинга на срок до 6 месяцев или ввести запрет на осуществление отдельных банковских операций кредитной организацией на срок до одного года.

В российском законодательстве закреплено несколько способов создания холдинговой компании. В соответствии с законом способами создания холдинга признаются преобразование предприятий, объединение пакетов акций самостоятельных предприятий с последующей передачей данных пакетов акций одной организации, а также учреждение новых акционерных обществ.

В предложениях об образовании холдинговой компании должны быть зафиксировано обоснование целей и задач ее деятельности, перечень предприятий, предлагаемых для включения их в создаваемую холдинговую компанию, сведения о доле товаров или услуг, производимых указанными предприятиями на федеральном и местном рынках, а также проекты учредительных документов, устанавливающих полномочия органов управления холдинговой компании.

Холдинговые компании обязаны ежеквартально опубликовывать в печати и средствах массовой информации свои балансы, отчеты о прибыли и убытках, а также полные сведения о принадлежащих им акциях. Сведения о покупке холдинговой компанией более пяти процентов акций любого дочернего предприятия подлежат обязательному опубликованию в течение 7 дней с момента совершения сделки. Сведения, указанные в соглашении, не могут быть отнесены к коммерческой тайне участников сделки. Сделки, совершенные с нарушением указанного законом требования, а также сделки, не зарегистрированные в установленном законодательством порядке, признаются недействительными.

Российским законодательством не допускается установление холдинговыми компаниями каких-либо ограничений для допуска должностных лиц дочерних предприятий к любой информации о деятельности компании, включающую в себя коммерческую тайну.

Ранее созданные холдинговые компании, подпадающие под действие установленного законодательного акта, подлежат обязательной перерегистрации в течение двух месяцев в соответствии с российским законодательством. Холдинговая компания имеет определенную и устойчивую структуру управления. Преимущества холдинга состоят в его масштабе используемых ресурсов, привлечении квалифицированного управленческого персонала, минимизация конкуренции и централизация всего капитала. Недостаток холдинга существуют в рисках привлечения головной компании к ответственности по обязательствам [4, с. 16].

Понимание особенностей правового статуса холдинга позволяет учредителям на пользу использовать все преимущества и недостатки соответствующей формы предпринимательских объединений, и результатом деятельности данного объединения становится оптимизации налогообложения, единство структуры

управления, повышение эффективности координационной деятельности всей формы предпринимательского объединения и получение максимальной прибыли при минимальных затратах.

Список литературы

1. О банках и банковской деятельности: фед. закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 26.07.2017). – Российская газета. – № 27. – 1996.
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): фед. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017). – Российская газета. – № 127.- 13.07.2002.
3. Указ Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 (ред. от 26.03.2003, с изм. от 30.06.2012) «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества»). – Российская газета. – № 251. – 1992.
4. Берзон Н.И. Современные тенденции развития холдингов: журнал «Управление компанией», № 4, 2004.
5. Ковалев В.В. Учет, анализ и финансовый менеджмент: учеб.-метод. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2006, 688 с.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОРМ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Цыцылина Т.Л.

кандидат юридических наук, доцент,
Волжский институт экономики, педагогики и права, Россия, г. Волжский

Таможенный контроль должен быть эффективным. Достижение поставленных перед ним целей должно быть соотнесено с расходами на его осуществление. Кроме того, таможенный контроль должен быть в максимальной степени «необременительным», «незаметным» для лиц, пересекающих таможенную границу, и для участников внешнеэкономической деятельности. При этом требования к современному облику таможенного контроля не должны помешать выполнению его важнейшей задачи – обеспечению соблюдения таможенного законодательства.

Ключевые слова: таможенный контроль, государственное регулирование, таможенные органы, таможенный союз.

Задача контроля соблюдения порядка и правил перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, установленных таможенным законодательством Таможенного союза, законодательством государств-членов Таможенного союза, а также международными договорами и соглашениями, является одной из основных задач государственного контроля внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности. Реализация этой задачи осуществляется в рамках таможенного контроля. С учетом современных внешних и внутренних условий внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности России таможенный контроль характеризуется:

- масштабностью и сложностью решаемых задач анализа и контроля, оценки рисков (таможенных, экономических, социальных и т.п.) и угроз;
- повышенными требованиями к оперативности, качеству и эффективности его проведения в условиях многокритериальности, многофакторности и неопреде-

ленности как внешнего окружения, так и внутренних условий деятельности таможенных органов;

- необходимостью применения его эффективных форм, методов и средств в связи с возрастанием цены принятия ошибочных решений.

Следует отметить, что система таможенного контроля постоянно совершенствуется и развивается. Это развитие характеризуется как инновационный тип экономического развития. Оно основано на обновлениях, нововведениях в технологические процессы таможенного контроля; вложении средств, обеспечивающих смену поколений информационно-технических средств и информационных технологий таможенного контроля.

В настоящее время сфера таможенного контроля развивается и совершенствуется на едином пространстве государств – участников Таможенного союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Перечисленные особенности и условия деятельности таможенных органов Российской Федерации (РФ), а также тенденции усложнения информационно-организационной среды системы таможенного контроля в условиях функционирования Таможенного союза и ЕАЭС предопределяют особую роль и важное место научных исследований процессов таможенного контроля в целях повышения его эффективности [1].

В качестве оптимизируемых показателей (для которых требуется нахождение максимально или минимально возможного значения) могут выступать такие показатели системы таможенного контроля, как величина доходов федерального бюджета, обеспечиваемая за счет сбора таможенных платежей в процессе таможенного оформления и таможенного контроля товаров, объем недостоверного декларирования товаров, пропускная способность пунктов пропуска через государственную границу, объемы импорта и экспорта товаров, производство товаров на российском рынке и др.

При этом на показатели, которые являются управляющими при оптимизации, будут накладываться различные ограничения, связанные с естественными причинами либо с целями деятельности таможенных органов при выполнении ими контрольных функций. Например, увеличения величины сбора таможенных пошлин можно добиться повышением ставки таможенных пошлин либо повышением качества таможенного контроля.

Роль таможенного контроля после выпуска товаров значима и в части формирования доходов федерального бюджета. Так, анализ формирования доходов федерального бюджета с 2011 по 2016 год, обусловленных результатами проведенных форм таможенного контроля после выпуска товаров, позволил выявить следующие результаты:

- при сокращении количества проверочных мероприятий (с 8819 проверок в 2011 году до 6684 – в 2016 году), в частности таможенных проверок, наблюдается увеличение объема доначисления (с 2602 млн. руб. в 2011 году до 7303 млн. руб. в 2016 году) таможенных платежей и пеней, наложенных штрафов;

- объем таможенных платежей, пеней, штрафов, взысканных в федеральный бюджет от доначисленных сумм, составляет в среднем не более 52,86% (доначислено с 2011 по 2016 год 20853 млн. руб., а взыскано – 11023 млн. руб.

Однако следствием этого, возможно, будет увеличение доли недостоверно декларируемых товаров, снижение эффективности таможенного контроля, что в

большей или меньшей степени нивелирует эффект от повышения доходов в результате повышения ставки пошлин.

Другой пример: увеличение пропускной способности пунктов пропуска и связанная с этим модернизация требуют материальных затрат и эффективного (оптимального) использования других ресурсов, как правило, ограниченных.

Их величина ограничена размерами выделяемых из бюджета средств целевого финансирования и инвестиций, а также соответствующей организацией и принятыми методами и формами таможенного контроля.

Также следует учитывать различные сезонные и циклические колебания внешнеторговых потоков, из-за которых плохо продуманное увеличение пропускной способности может привести к увеличению времени простоя пункта пропуска.

Оптимизационные методы могут быть использованы при решении задачи поддержки принятия решений по изменениям в системе ставок таможенных пошлин, в системе преференций, в системе управления рисками, а также при оценке последствий данных изменений.

Методы оптимизации могут быть полезны при решении задач, связанных с выбором оптимальных параметров системы таможенного контроля, с установлением плановых и целевых значений показателей деятельности таможенных органов. Например, такие методы могут быть использованы при обосновании применения новых технологий таможенного контроля, формировании целевых программ развития или плановых показателей деятельности таможенных органов по выполнению контрольных функций, поскольку с их помощью можно оценить реалистичность достижения поставленных целей таможенного контроля [2].

Список литературы

1. Бормотова Е.Г., Липатова Н.Г. Межведомственное информационное взаимодействие для обеспечения выполнения контрольных функций таможенными органами: Монография. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2014. С. 218.
2. Липатова Н.Г. Применение математических методов при решении задач повышения эффективности таможенного контроля // Вестник Российской таможенной академии, 2017, N 1.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ О СООТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Головченко А.В.

доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии, к.п.н.,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов

В статье рассматривается политический дискурс российских либералов о соотношении национальных интересов и процессов глобализации. Либералы не только акцентируют внимание на переходном состоянии современного миропорядка, но и указывают на предпосылки грядущих перемен, призывая демократические силы использовать их на благо всего человечества.

Ключевые слова: идеология, национальные интересы, процесс глобализации, либерализм, национальная политика.

К середине 1990-х годов в рамках либерального внешнеполитического дискурса в России сложилось национал-либеральное направление. Базовый постулат «национал-либерализма» утверждал, что приоритетной целью России является интеграция с европейскими странами на правах полноправного члена Европейского союза при учёте особого геополитического статуса страны и активной дипломатической защите своих государственных интересов [1, с. 28].

Правда, на деле «дипломатическая защита государственных интересов» в интерпретации либералов оборачивалась девальвацией национальных интересов. Так, например, министр иностранных дел РФ А.В. Козырев противопоставлял идеологизированным классовым или державным интересам и столь же идеологизированным «общечеловеческим ценностям» «реальные и подлинные национальные интересы», т.е. интересы российских граждан. Он проводил мысль о том, что Россия – просто «нормальная держава», для которой самое главное «быть здоровой и богатой» [8]. А эту цель, по его мнению, можно достичь только в союзе со «здоровыми и богатыми» западными странами. Как видим, здесь российскими либералами на первый план выдвигается приоритет экономической целесообразности и выгоды, а не национальных суверенных стратегических интересов.

При этом идеология либерализма с 1990-х годов ориентируется, главным образом, на экономические категории, манипулируя т.н. менталитетом налогоплательщика. В контексте этого некоторые либеральные идеологи предлагают подумать над тем, чтобы получить кредиты для освоения Сибири путем передачи Курил Японии, а территорию Калининграда предложить в качестве зоны сотрудничества России, Германии и Скандинавии [10, с. 104]. По существу ту же мысль о возможности поступиться суверенитетом проводит и В. Сергеев, отмечая, что в некоторых случаях у регионов, являющихся «воротами в глобальный мир», может появиться желание приобрести атрибуты государственности. «Подобное стремление, – подчеркивает он, – вполне рационально в том случае, если “ворота в глобальный мир” являются частью большого государства, на остальной территории которого наблюдается отсутствие экономических успехов» [9, с. 54].

Понимание российскими либералами процессов глобализации отличается от того, как трактуют их оппоненты. Либералы не только акцентируют внимание на переходном состоянии современного миропорядка, но и указывают на предпосылки грядущих перемен, призывая демократические силы использовать их на благо всего человечества.

До середины 1990-х годов одним из объектов международно-политологических дискуссий в России была проблема национальных интересов, трактовавшихся главным образом с точки зрения соотношения элементов государственности и гражданственности. Сейчас она ставится намного шире и затрагивает вопросы суверенитета и целостности государства.

Либералы говорят о размывании содержания национальных интересов, считая, что глобализация заменяет их интересами мирового гражданского общества. Последнее обеспечивает права и свободы личности, все еще подавляемые государством, особенно в странах с авторитарными политическими режимами. «Растворение» нации-государства и ограничение суверенитета связываются с «развитием международных институтов, гарантирующих гражданские права, экспансией транснациональных корпораций, интеграционными тенденциями в некоторых регионах мира» [5, с. 93]. Некоторые из либералов готовы идти столь далеко, что предлагают отказаться от национальных интересов, а также значительной части самого государственного суверенитета, полагая, что «политика удержания суверенитета и территориальной целостности в долгосрочной перспективе никаких шансов не оставляет» [4, с. 23].

Процесс глобализации безусловно влечет за собой изменения на локальном и региональном уровне. По словам П. Брэдшоу, «глобализация подразумевает растяжение социальной, политической и экономической деятельности через границы, таким образом, что события, решения и деятельность в одном регионе мира могут оказать воздействие на отдельных людей и общества в других странах, а также увеличивает их взаимозависимость, которая выходит за пределы отдельных государств» [11]. По большому счету, государство теперь не ключевой игрок в принятии решений, так как границы между внутренними и глобальными проблемами размыты и взаимопереплетаются. По мнению П. Брэдшоу, Российская Федерация и другие постсоветские государства, которые ранее были закрыты для глобального влияния, теперь они открыты для глобализационных внешних воздействий.

Процессы глобализации оказывают значительное воздействие и на ход экономических преобразований в России. Российское правительство, по мнению Брэдшоу стоит перед дилеммой, которая стоит перед большинством стран с переходной экономикой [11]. Открытие российской экономики для мирового рынка и развитие конкуренции обещает увеличение прибыли, но в то же время сопровождается прекращением государственных субсидий и защитных мер в соответствии с требованиями Всемирной торговой организации, что, в конечном итоге может повлечь дальнейшее разрушение российской экономики.

Тем не менее, видный либеральный экономист П.О. Авен считает, что, «политика – это ничто иное, как выгодное размещение капиталов» [7, с. 94]. Эту идею либеральные политики переносили в полной мере и в сферу международных отношений. Непосредственным результатом этой политики явилось полное отрицание «имперских» амбиций, сохранившихся в обществе еще с советского периода, по причине их большой затратности и низкой экономической эффективности. Наиболее ярко этот тезис был сформулирован Е.Т. Гайдаром в статье «Россия XXI века:

Не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии», в которой он, в частности, писал: «Если цель – «назло надменному соседу» расширять территории и укреплять личную (или олигархическую) диктатуру внутри страны, то война в принципе вполне осмысленна, надо лишь считать, по силам ли она режиму. Если же цель политики – сохранять демократические свободы и повышать уровень жизни населения, то любая война (в том числе и победоносная) есть война против этой политики» [2].

Согласно традиционным взглядам апологетов рыночного фундаментализма устранение торговых барьеров повлечет расширение международной торговли и углубление экономического сотрудничества, что будет стимулировать рост экономической активности, инвестиций и благосостояния участников общего рынка. В связи с этим С.Ю. Глазьев отмечает, что заключение двух трансокеанских торгово-экономических соглашений «О Транстихоокеанском партнерстве (ТТП)» и «О Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП)» сторонниками либеральной глобализации преподносится как очередной этап либерализации взаимной торговли между крупными региональными рынками с целью повышения конкурентоспособности экономики участвующих в них стран.

Одновременно либеральная американоцентричная глобализация замещается более сложной полицентричной иерархической системой организации мировой экономики на основе крупных региональных объединений стран, формирующих свои экономические пространства. Эти объединения строятся на основе признания своеобразия стран-участниц, сочетания их конкурентных преимуществ, взаимовыгодности и добровольности. Их политика определяется общими интересами социально-экономического, научно-технического и гуманитарно-культурного развития при сохранении уникальных особенностей и уважении национального суверенитета стран-участниц [3, с. 76].

Появилась и принципиально новая, либеральная трактовка понятия «национальных интересов». Первое, что отличает сторонников данного подхода, – строгое терминологическое разведение категорий «национального» и «государственного» интересов. Субъектом «национальных интересов», с точки зрения либералов, является гражданское общество, точнее, слой независимых от государства частных собственников. Именно гражданскому обществу должно принадлежать приоритетное право определять и формулировать «интересы нации», тогда как интересы государственной бюрократии при их прямом транспонировании в сферу политического целеполагания неизбежно оборачиваются идеологизацией, чреватой либо неоправданной агрессивностью по отношению к другим странам, либо столь же неоправданным подчинением их интересам.

Один из либеральных политологов, А.А. Кара-Мурза считает, что российское общество еще не обрело достаточной субъектности, чтобы формулировать и отстаивать свои интересы, и потому чисто либеральной и, соответственно, национальной политики в России быть не может: в государственной практике должны сочетаться элементы «консерватизма» и «либерализма». В то же время другие, как, например, П. Фельгенгауэр, исходят, очевидно, из убеждения, что Россия уже сложилась как национальное государство, т.е. обрела свои подлинно «национальные интересы», и способна проводить рациональную политику, отвечающую потребностям и ценностным ориентациям ее граждан [4, с. 23]. Однако все либеральные идеологи солидарны, как правило, в том, что «национальными интересами» может

обладать только «нация-государство» со значительной степенью независимости гражданского общества от властных структур.

Национальный вопрос для России имеет два разных смысла, оба связанные с либерализмом: «русское национальное» и положение национальных меньшинств в России. Именно либералы подняли тему современной российской идентичности: «русское национальное» у них стало альтернативой «советскому». В дальнейшем либералы (в общем и целом) придерживались принципа построения в России национального государства (nation state), хотя и признавали, что Россия со своей имперской многонациональной судьбой для этого не очень подходит [10, с. 92].

Эта концепция нашла наиболее полное отражение во взглядах В. Тишкова, который предлагал «французскую модель» построения национального государства [4, с. 23]. Но в принципе «русскую национальную» тему либералы поднимали все меньше и меньше: когда российская государственность утвердилась и обрела легитимность, они утратили к ней интерес. В «государственничестве», «патриотизме», «державности» они видели инструменты своих идеологических оппонентов, которых не без оснований подозревали в лицемерных намерениях использовать подобные термины для прикрытия антилиберальных и откровенно авторитарных замыслов. Думается, именно по этой причине либералы упустили инициативу в дискурсе о «национальном», что стало одной из главных причин ослабления их позиций в начале XXI века.

Список литературы

1. Вилков А.А. Особенности участия оппозиции в политической жизни современной России в условиях обострения международных отношений // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека Материалы VIII международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. 2015. С. 27-31.
2. Гайдар Е.Т. Россия XXI века: Не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Известия. 1995. 15 мая. С. 2.
3. Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.
4. Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 22-23.
5. Пастухов В.Б. Национальный и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. 2000. № 1. С. 92-96.
6. Поскребышева Е.С., Старкин С.В. Внешнеполитическая стратегия «Союза правых сил» и прогнозы Национального разведывательного совета США: сравнительный анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-3. С. 146.
7. Преображенная Россия в новом мире. Научно-практическая конференция МИД РФ (26 – 27 февраля 1992 года) // Международная жизнь. 1992. № 3-4. С. 92.
8. Сергеев В.М. Государственный суверенитет и эволюция системы международных отношений // Космополис: Альманах. М., 1999.
9. Цыганков А. П. Национальный либерализм Александра Панарина: уроки поражения // Свободная мысль. 2005. № 9. С.100-117.
10. Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 92-97.
11. Jodi Koehn Globalization and the Russian Transition URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/> (Дата обращения: 19.06.2017)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Звягина Д.А.

старший научный сотрудник, канд. полит. наук,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва

В статье рассматривается экономическая экология в качестве одного из приоритетных факторов глобального развития. Среди базовых постулатов устойчиво развития важное место занимает баланс экономического и экологического, где экономическая эффективность рассматривается не только с точки зрения прибыли, но и с учетом экологических последствий деятельности. В статье также исследуются понятия «зеленой» экономики и биорегиона.

Ключевые слова: экология, экономическая эффективность, «зеленая» экономика, биорегион, ЮНЕП.

Экономическая экология – это раздел социальной экологии, изучающий взаимодействие экономических и экологических факторов в хозяйственной деятельности общества, а также выработкой механизмов по предотвращению негативного влияния этой деятельности на окружающую среду. Экономическая экология имеет несколько разделов.

Оценка стоимости ресурсов, которая определяется затратами не только на их добычу, транспортировку и переработку, но и на восстановление поврежденных экосистем. Когда предприятие наносит вред окружающей среде, оно обязано оплатить выделенную квоту на загрязнение, а также в случае превышения этой квоты – заплатить штраф.

Определение стоимости экологического ущерба, то есть всех произведенных изменений в окружающей среде [4, с. 155]. Здесь учитываются затраты на восстановление окружающей среды, профилактику заболеваний и лечения населения, а также на разработку новых технологий, позволяющих снизить уровень загрязнения.

Разработка экологически ориентированных государственных инвестиций – выполнение государством различных экологических программ. Государство поддерживает и развивает предприятия, нацеленные на преодоление негативного влияния производства на окружающую среду: вторичная переработка сырья, модернизация производства и т.д.

«Зеленая» экономика

«Зеленая» экономика – это хозяйственная деятельность, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижая риски для окружающей среды и обеднения природы (определение ЮНЕП). В целом, «зеленая» экономика включает в себя различные виды деятельности, которые нацелены не только на повышения эффективности производства, но и способствуют улучшению качества жизни и среды проживания [5, с. 50].

Возникновение «зеленой» экономики было обусловлено тремя основными причинами:

1. Энергетический сектор экономики, который не утрачивает своей значимости для национальной безопасности стран мира.

2. Проблема истощения природных ресурсов, остро стоящая как перед странами импортерами, так и экспортерами сырья.

3. Глобальные изменения климата, вызванные техногенными выбросами.

В 2008 году Программа развития ООН по окружающей среде (ЮНЕП) выдвинула Инициативу по «зеленой экономике», которая зиждилась на идеи нового подхода к использованию природных ресурсов, и создания новых «зеленых» отраслей экономики. Инициатива основывалась на трех принципах:

1. Как на национальном, так и на международном уровне на первый план должны выйти природные услуги.

2. «Зеленая» экономика позволит создать новые рабочие места.

3. Для достижения устойчивого развития следует использовать рыночные механизмы.

В 2009 году была принята Декларация об экологически чистом росте, где, в частности, было предложено разработать «Стратегию экологически-ориентированного роста для достижения экономического подъема на принципах экологической и социальной устойчивости. [...] В Стратегии будут проанализированы меры по достижению экологического роста, принимаемые в странах ОЭСР, а также в крупнейших странах, не входящих в ОЭСР» [2].

Также в 2009 году в рамках Инициативы по «зеленой экономике» ЮНЕП представила аналитический доклад «Глобальный зеленый новый курс», в котором описала возможности новой «экологической» парадигмы для мировой экономики.

Целями глобального «зеленого» нового курса являются:

1. Всемирно способствовать оживлению мировой экономики, сохраняя существующие рабочие места и создавая новые, оберегая при этом интересы наименее защищенных групп населения.

2. Уменьшить выбросы углерода в атмосферу и предотвратить разрушение экосистем, направив экономику разных стран на путь экологически чистого и стабильного развития.

3. Обеспечить устойчивый и всесторонний экономический рост и достижение ЦРТ, а также покончить с крайними формами бедности к 2015 году [1].

Доклад предлагает реформирование мировой экономики по трем основным направлениям:

- а) целевое фискальное стимулирование конкретных секторов экономики;
- б) реформы внутренней политики для обеспечения успеха «зеленых» инвестиций в местную экономику отдельных стран;
- в) реформы, относящиеся к построению международной политики и международной координации, для обеспечения и поддержки национальных инициатив [1].

Авторы Доклада описывают шесть секторов экономики, от которых будут наибольшие экономические и экологические выгоды: относятся энергосберегающие здания, источники возобновляемой энергии, устойчивый транспорт, устойчивое сельское хозяйство, пресная вода и экологическая инфраструктура.

«Зеленая» экономика обладает существенным мультипликационным и антикризисным эффектом, что делает ее привлекательной в глазах ведущих мировых экономик мира. Так, из всех затрат на антикризисные меры на «зеленый» сектор Германия тратит 16%, Франция – 21%, Китай – 38%, а Южная Корея – более 80%.

Однако сегодня «зеленая» экономика сталкивается с двумя основными проблемами:

1. Высокая инертность мировой экономики, в круг задач которой долгое время не входила забота об окружающей среде.
2. Несовпадение в темпах развития «зеленой» экономики в развитых и развивающихся странах мира.

Как отмечают исследователи, в современных условиях необходим не отказ от «зеленой» экономики и не форсирование ее создания, но вдумчивое и постепенное ее развитие с учетом производственно-технологической, социально-экономической и природно-географической специфики регионов и государств.

Биорегионализм

Еще одной моделью преодоления экологических проблем является биорегионализм, представляющий собой альтернативу индустриальному развитию и базирующийся на переосмыслении опыта отношений «человек-природы» доиндустриальных народов. Идеологами биорегионализма являются П. Берг, Р. Десманн, К. Сейл и Дж. Додж.

Биорегион – это географическая единица или экосистема, характеризующаяся экологическим и культурным единством, то есть где естественная и искусственная среда, созданная человеком, органично сосуществуют вместе. Биорегион самодостаточен в обеспечении людей, которые проживают на его территории, всем необходимым.

Данный подход предлагает решать глобальную проблему через акцентирование локальной специфики идентификации человека с местностью [3, с. 40]. Основной чертой биорегионализма является то, что глобальные долгосрочные интересы ставятся выше краткосрочных интересов группы, но реализуются они именно благодаря локальной деятельности групп.

Пик популярности биорегионализма пришелся на 1980-е, но и сегодня он не теряет своей привлекательности для исследователей и практикой защиты окружающей среды. Биорегионализм стремится так реформировать политико-экономическую и социально-культурную данность, чтобы она соответствовала природной специфике региона и способствовала оздоровлению экосистем на планете.

Список литературы

1. Глобальный зеленый новый курс. Доклад. Март 2009 г. // Издано Программой ООН по окружающей среде в рамках Инициативы по зеленой экономике с участием большого числа партнеров и специалистов из разных стран мира. URL: <http://www.unepcom.ru/images/greenconomy/greennewdeal.pdf> (дата обращения: 09.08.2017).
2. Декларация об экологически-ориентированном росте. Встреча Совета на министерском уровне, 24-25 июня 2009 г. // URL: <http://www.oecd.org/environment/outreach/43844950.pdf> (дата обращения: 09.08.2017).
3. Звягина А.А. Зарубежные модели экономического развития. Научный вестник ОПК России. 2016. № 1. С. 38-44.
4. Звягин А.А. Национальные особенности персонала. ЭКО. 2004. №2. С. 155.
5. Звягин А.А. Прогноз развития Русской цивилизации. Инициативы XXI века. 2010. № 3. С. 47-52.

РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ США И РФ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Изместьев И.И.

магистрант кафедры прикладного политического анализа и моделирования,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

Потепалов А.К.

магистрант кафедры истории и теории международных отношений,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

В данной статье приводится анализ стратегических документов США и Российской Федерации в области обеспечения информационной безопасности. В статье сравниваются подходы двух стран к содержательному наполнению вопроса информационной безопасности и приоритеты, которые государства ставят перед собой.

Ключевые слова: кибербезопасность США, информационная безопасность, Министерство обороны, информационная инфраструктура, Вооруженные Силы.

Национальная безопасность ведущих стран к 2017 году формируется из многих аспектов и включает в себя военную, экономическую, геополитическую, этнокультурную, социально-демографическую безопасность, однако сегодня ведущую роль приобретает относительно новый фактор, а именно информационная безопасность стран. Относительная новизна данной сферы является потому, что с принятием или же обновлением программных документов ведущих стран информационная безопасность получила крайне многогранное, неоднородное, а потому новое содержание.

Очевидно, что страны-лидеры учитывают растущую взаимозависимость современного мира, а также тот факт, что решение национальных проблем, равно как и международных конфликтов больше не укладывается в сугубо военнополитический инструментарий. Кроме того, все активнее признается неэффективность прямого военного давления или угрозы применения силы без привязки к информационному фактору. Гораздо более эффективными являются военные действия, сочетающиеся с кибершпионажем, взломом засекреченных баз данных противника, фальсификацией данных, а также кибератаками. Информационные войны и кибероперации приобрели к настоящему времени настолько высокую самостоятельность, что могут приносить желаемый результат и без военных действий вообще и служить самостоятельным инструментом геополитики. Например, для ослабления страны в настоящее время необязательно создавать военную угрозу или вводить экономические санкции, так как аналогичный результат могут принести усилия по дестабилизации банковской и финансовой системы страны, радио- и телекоммуникаций, сотовой связи и т.д. Вместе с тем информационная война содержит в себе и технологии иного плана, такие, например, как воздействие на культуру и психологию населения, размывание культурных ценностей, моделирование необходимой реальности, что так же опасно для атакуемого государства в более долгосрочной перспективе.

С целью противодействия данным негативным явлениям, большинство стран выстраивают собственные системы информационной безопасности, однако их ор-

ганизационные формы, структура и наполнение могут существенно отличаться друг от друга.

В данной связи целесообразно сравнить подходы к вопросу информационной безопасности США и России, так как программные документы данных стран наиболее точно могут объяснить сказанное выше.

Основы информационной безопасности США составляет стратегия взаимодействия с киберпространством «Cyber strategy» Министерства обороны США, изданная в 2015 году и являющаяся на данный момент новейшим планом действий в указанной сфере. С названия этого документа начинается и специфика американского подхода к указанному вопросу, поскольку стратегия фокусируется исключительно на киберпространстве, то есть электронных базах данных, Интернет, корпоративных и локальных сетях и микропроцессорных технологиях, от которых зависят основные характеристики киберпространства, обходя вниманием содержательную часть информации, её воздействие на население и возможную фильтрацию данных.

В Стратегии, как и в большинстве документов, отражен внутривнутриполитический и международный контекст, в котором принимается данный план, 5 стратегических целей, преследуемых им: создание и поддержка сил и мощностей для проведения киберопераций, защита информационной инфраструктуры Министерства обороны США, защита интересов США от возможных атак (примечательно, что задачей более высокой важности является защита конкретного ведомства в противовес всей стране), использование потенциала киберсферы для разрешения конфликтов и активное, а также отдельная глава для подробного описания и ещё одна, раскрывающая план реализации названных целей [1]. Стратегия оканчивается кратким заключением.

Прежде всего стоит отметить, что данный документ отчетливо определяет государственный орган, несущий основную ответственность за практическое осуществление его содержания, а именно Министерство обороны США. Весомым преимуществом данной стратегии является её институционализированность, поскольку она выстраивает четкую систему органов, комиссий и программ, ответственных за реализацию той или иной стратегической инициативы. В частности, основным институтом в рамках Министерства обороны США, ответственным за выполнение всех пяти стратегических целей, является Кибернетическое командование США (USCYBERCOM), подчиняющееся Стратегическому командованию Мин. Обороны США (USSTRATCOM) [2]. В её задачи входит синхронизация и анализ деятельности всех последующих ведомств и формирование докладов Министру обороны и Президенту о состоянии системы информационной безопасности.

В стратегии отмечается, что для выполнения первой и главной стратегической цели, а именно создания и поддержки формирований и мощностей для проведения киберопераций, инициируется создание нового войскового подразделения – Кибервойск (Cyber Mission Force) подчиненного Кибернетическому командованию США [3, р. 6]. Данное подразделение является основной мощностью и главным потенциалом для проведения киберопераций и защиты информационной инфраструктуры США и ответственно таким образом за реализацию первой стратегической цели. В стратегии отмечается, что система информационной безопасности США в настоящее время является уязвимой из-за своих размеров, поэтому создание кибервойск с целью поддержания её защищенности и проведения ответных мероприятий является весьма прогрессивным шагом [3, р. 6]. В документе неоднократно упоми-

нается, что данное подразделение – «основная инвестиция» Министерства обороны, следовательно, наибольший потенциал системы безопасности сконцентрирован именно на CMF [3, р. 7].

Можно сказать, что стратегия исходит из потребности систематизировать защиту огромных баз данных гос. органов и частных кампаний США по всему миру, поэтому она четко разграничивает полномочия ведомств в обеспечении кибербезопасности. Так, в документе прямо назван орган, ответственный за реализацию второй стратегической цели стратегии – Агентство оборонных информационных систем (Defense Information Systems Agency). Той же цели служит и гражданская структура «Поставщик защитных услуг для компьютерных сетей» (вольный перевод) (Computer Network Defense Service Provider (CNDSP)), что позволяет сделать вывод о слаженности и гармоничности построения основ системы кибербезопасности между военными и гражданскими учреждениями, особенно принимая во внимание режим секретности большей части данных о работе военных органов [3, р. 20].

Примечателен тот факт, что деятельность Министерства обороны и Кибернетического командования поддерживается и сопровождается рядом вспомогательных программ, которые призваны конкретизировать и упорядочить действия того или иного учреждения. Одной из таких программ является «Программа гарантии» (Mission Assurance Program), направленная на защиту самого Министерства обороны и уязвимостей в его базах данных [4]. Помимо этого, стратегия обращает внимание на реализацию «Национальной инициативы образования в области кибербезопасности» (National Initiative for Cyberspace Education) для подготовки и наращивания кадрового состава для намеченным проектам [5]. Неоднократно уделяется внимание и такому военному ведомству как Команда киберзащиты (Cyber Protection Team), целью которой является обнаружение, выявление, анализ и блокировка атак на системы Министерства обороны. Для координации и интеграции данных программ в стратегии упоминается «Совместная программа оценки и гарантии», которая образует пространство для консультаций и обмена информацией между несколькими компетентными ведомствами. Помимо всех названных институтов отдельное внимание уделяется работе так называемых «красных команд» (red teams), созданных для критической оценки устойчивости и теста создаваемой системы кибербезопасности и её подсистем и элементов [6]. Согласно стратегии, у Министерства обороны также имеются партнерские программы с американскими спецслужбами ЦРУ и ФБР, которые нацелены на повышение эффективности защиты всей информационной структуры США от внешних угроз и кибератак, что является третьей стратегической целью в рассматриваемой области. С этой же целью стратегия предусматривает практические учения с целью отработки сценариев ликвидации возможных угроз «Киберстраж 16+1» («Cyber Guard 16+1») [7]. На данный момент это практически единственная в своем роде программа киберучений Министерства Обороны США, которая задает новый вектор в практическом укреплении национальной безопасности страны и создает основы для выполнения четвертой приоритетной цели анализируемой программы.

Что касается международного сотрудничества, Стратегия весьма сдержанно описывает данный пункт, подчеркивая лишь приоритетные регионы для сотрудничества – Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион и Европа. Примечателен тот факт, что в стратегии прямо обозначены потенциальные противники США – Китай и Россия [8]. При этом наблюдается определенное расхождение в отношении к двум станам. В частности, стратегия признает, что Китай осуществляет по-

пытки промышленного шпионажа в американской индустрии, но подчеркивает при этом важность установления прогрессивного и взаимовыгодного диалога с КНР, чего о Российской Федерации не упоминается, а лишь констатируется, что в неопределенной перспективе установление диалога по информационной безопасности возможно при условии, что напряженность в двусторонних отношениях между США и РФ ослабнет [8, р. 28].

Таким образом, можно сказать, что создание системы американской кибербезопасности осуществляется по многофакторному разветвленному плану, в котором каждый конкретный институт обладает собственными целями, задачами, полномочиями и структурой. Информационная или кибербезопасность США гармонично встроена в полномочия одного федерального органа – Министерства обороны США, которое в свою очередь стремится к укреплению и развитию внутренней подконтрольной системы обеспечения безопасности, в которой присутствуют как весьма традиционные элементы, так и совершенно новые практики. При этом система поддерживается рядом сопутствующих программ, повышающих эффективность работы всего Министерства Обороны и в конечном счете – национальной безопасности. Вместе с тем нельзя не отметить, что стратегия упускает содержательный аспект информационной безопасности, практически не уделяя внимания качеству и содержанию данных, которые циркулируют в рамках системы. Таким образом создается уязвимый сектор во всей системе, поскольку потенциально опасная информация может попадать внутрь страны, минуя ступени защиты и фильтрации, предназначенные исключительно для кибератак, вирусов и прямых электронных угроз.

Для сравнения преимуществ и уязвимых моментов Киберстратегии США, мы рассматриваем её в данном случае в сравнении с Доктриной Информационной безопасности Российской Федерации 2016 года.

Этот документ фокусируется на других аспектах информационной безопасности и обладает таким образом иным содержанием. Абсолютным преимуществом является первая глава «Общие положения», где приводятся определения основных используемых понятий, чем создается четкая понятийная база, понижается возможность разночтения и ошибочной трактовки, что должно являться неотъемлемым атрибутом стратегического документа. К примеру, Стратегия США 2015 нигде не дает четких определений основных понятий, поэтому многие из её положений являются дискуссионными в американской Интернет-среде.

Описанные же по второй главе национальные интересы выявляют, по нашему мнению, главное различие в американском и российском подходе к обеспечению информационной безопасности страны. Хотя основные приоритеты двух стран в целом похожи (защита прав и свобод граждан с информационной сфере, гарантии неприкосновенности частной жизни, сохранение «критической информационной инфраструктуры» под чем в США подразумевается система баз данных Министерства обороны США), необходимо отметить, что лишь в третьем пункте Доктрины уделяется внимание электронным технологиям, а в остальном же документ нацелен на «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире» и «сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации», чему в американской Стратегии почти не уделялось никакого внимания [9].

Российская логика исходит из необходимости качественного отбора информации для широкого пользования в интересах сохранения национальной идентичности и образа мышления. Иными словами, Доктрина не позиционирует угрозу российской информационной среде как кибератаку или иную угрозу в техническом плане. Это может объясняться неконкурентоспособностью систем электронной защиты России по отношению к американским, что отмечается в пункте 17 третьей главы «Основные информационные угрозы и состояние информационной среды», где говорится в частности, что «состояние информационной безопасности в экономической сфере характеризуется недостаточным уровнем развития конкурентоспособных информационных технологий и их использования», однако показателен тот факт, что Доктрина признает наличие угроз технического и электронного характера для информационной инфраструктуры России, чего не было в предыдущих версиях этого документа [9]. Например, чуть ранее в п.16 гл.3 Доктрины говорится, что «Состояние информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности характеризуется постоянным повышением сложности, увеличением масштабов и ростом скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры». Тем не менее, в документе не указана система противодействия данным угрозам, не описан возможный её механизм или институты, нет и дополнительных программ, однако же Доктрина обращает отдельное внимание на ряд других важных тем, таких как внедрение научных достижений и технологий в производство, образование граждан в сфере информационной безопасности и опасность использования данного рода технологий террористами.

Что касается стратегических целей, представленных в главе 4, то необходимо отметить, что Доктрина, так же, как и Стратегия, провозглашает защиту Вооруженных Сил и их информационных ресурсов одной из главных целей, в российском документе эта цель уступает лишь необходимости стратегического сдерживания конфликтов, которые может спровоцировать применение информационных технологий [9]. При этом можно сделать вывод, что оба государства относят информационные ресурсы и сети Вооруженных сил к объектам «критической информационной инфраструктуры», выводя их значимость на первый план по отношению к остальным элементам электронно-цифровой сферы.

Крайне примечательным является тот факт, что в списке целей нигде прямо не говорится о защите собственно информационной инфраструктуры всей страны. Непрямо на это указывает лишь третья цель – «прогнозирование, обнаружение и оценка информационных угроз, включая угрозы Вооруженным Силам Российской Федерации в информационной сфере», и пятая, согласно которой необходимо стремиться к сохранению патриотических чувств и желаний защищать страну [9].

Несмотря на то, что Доктрина многократно игнорирует значимость электронных ресурсов, баз данных, Интернет и киберсферы, несомненным плюсом является её целеполагание. В частности, документ содержит ряд целей, относящихся исключительно к общественной и государственной безопасности, целей, актуальных для экономической сферы деятельности, стратегического партнерства и цели, которых нужно достичь в сфере технологий и науки [10].

В Стратегии США данное упущение компенсируется четким объяснением структуры информационной безопасности и конечной ответственностью лишь одного органа.

Говоря о последней главе, посвященной «организационным основам обеспечения информационной безопасности», следует отметить главный недостаток Док-

трины информационной безопасности России, а именно отсутствие четко сформулированной системы органов, порядка их подчиненности, полномочий и программ, согласно которым они действуют. Хотя в документе говорится об учреждениях, ответственных за обеспечение информационной безопасности, может сложиться мнение, что каждый из них осуществляет предписания анализируемой Доктрины автономно, что недопустимо, так как исключает возможность качественного контроля работы [11]. При этом совершенно неясно, каким инструментарием обладает то или иное учреждение для решения указанных в этой же главе задач. В целом, система выглядит весьма нескоординированной, что дает основание полагать, что основной процесс работы над осуществлением Доктрины протекает конфиденциально.

Говоря о недостаточном объяснении указанных вопросов, необходимо уточнить, что в действительности Россия обладает разветвленной и многофункциональной системой обеспечения информационной безопасности и даже имеет специальные Войска Информационных Операций под контролем Министерства Обороны, чей функционал схож с аналогичным подразделением США. Дело в том, что в стратегическом документе никак не указана зона ответственности этого и других институтов, поэтому представляется сложным однозначно трактовать то или иное положение Доктрины по части полномочий или ответственности.

Как можно заметить, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и Киберстратегия США, являясь документами, принадлежащими одному аспекту национальной безопасности, имеют крайне разное содержание, приоритеты, смысловое наполнение систему ответственных институтов. Почти исчерпывающе это объясняется потребностями государств защитить именно то, в чем они наиболее уязвимы, однако это не может служить оправданием для упущения или игнорирования других важных факторов информационной безопасности. Неодинаковые подходы к рассматриваемому вопросу рождает невозможность нахождения точек соприкосновения и недопонимание при международном сотрудничестве, что в настоящее время и является основным препятствием в переговорах между США и Россией.

Список литературы

1. U.S. Department of Defense Cyber Strategy. / URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf: US Department of Defense. 2015. pp. 2–8, (Дата обращения 20.08.2017)
2. U.S. Department of Defense, Cyber Command Fact Sheet. / URL: http://www.stratcom.mil/factsheets/2/Cyber_Command/, (Дата обращения 20.08.2017)
3. U.S. Department of Defense Cyber Strategy. / URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf: US Department of Defense. 2015. p. 6 (Дата обращения 20.08.2017)
4. U.S. Department of Defense Mission Assurance Program. / URL: http://policy.defense.gov/Portals/11/Documents/MA_Strategy_Final_7May12.pdf, (Дата обращения 20.08.2017)
5. U.S. Department of Commerce, National Institute of Standards and Technology (NIST) National Initiative for Cyberspace Education / URL: http://csrc.nist.gov/nice/documents/nicestratplan/nice-strategic-plan_sep2012.pdf, (Дата обращения 21.08.2017)
6. U.S. Department of Defense Cyber Strategy. / URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/2015/0415_cyber-

strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf: US Department of Defense. 2015. p. 19-21, 21-22 (Дата обращения 21.08.2017)

7. U.S. Cyber Command Public Affairs: Cyber Guard 16, URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/2015/0415_cyber-strategy/Cyber-Guard-16-FactSheet-FINAL.pdf, (Дата обращения 22.08.2017)

8. U.S. Department of Defense Cyber Strategy. / URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf: US Department of Defense. 2015. p. 9 (Дата обращения 22.08.2017)

9. Официальный Интернет-портал правовой информации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2016 года, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002>, (Дата обращения 23.08.2017)

10. Internet Archive “Backmaschine“, Обзор Доктрины информационной безопасности, URL: <http://web.archive.org/web/20090221012201/http://www.medialaw.ru/publications/zip/75/obz-doktr.html>, (Дата обращения 24.08.2017)

11. Официальный Интернет-портал правовой информации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации 2016 года, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002> (Дата обращения 24.08.2017)

К ПРОБЛЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Элибегова А.Г.

кандидат политических наук, доцент,
Российско-Армянский университет, Армения, г. Ереван

В настоящее время отмечается тенденция к повышению общественной опасности терроризма для внешней и внутренней безопасности стран СНГ и России. Граждане различных государств, в том числе из Северного и Южного Кавказа, прошедшие школу джихада в Афганистане, Ираке, Пакистане или Сирии, набравшись боевого опыта, возвращаются домой и могут представлять реальную угрозу в конфликтных зонах. Наиболее опасными с точки зрения транзита и поставки радикальных исламистов в зоны конфликтов в регионе Южного Кавказа на сегодняшний день являются Грузия и Азербайджан. В статье предпринята попытка осмысления методов борьбы с распространением терроризма в регионе и действенных механизмов противодействия со стороны официальных властей.

Ключевые слова: терроризм, Южный Кавказ, Грузия, Азербайджан, террористические организации.

В XXI-ом веке создана сеть террористических структур, охватывающая территории многих государств, и террористические организации умело адаптируются к геополитическим реалиям современности, что затрудняет своевременное выявление и ликвидацию их ячеек. Фактически на сегодняшний день международный терроризм вышел за рамки национальных границ и локальной хаотичной борьбы за права верующих, став наднациональной и надгосударственной сетью.

Поскольку среди исследователей нет единого подхода к определению терроризма и дискуссия вокруг классификации данного явления продолжается, считаем наиболее уместным определение, данное в российском законодательстве: «1) Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий; 2) террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участия в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [10].

В настоящее время отмечается тенденция к повышению общественной опасности терроризма для внешней и внутренней безопасности стран СНГ и России. Граждане различных государств, в том числе из Северного и Южного Кавказа, прошедшие школу джихада в Афганистане, Ираке, Пакистане или Сирии, набравшие боевого опыта, возвращаются домой и могут представлять реальную угрозу в конфликтных зонах. Исламистами создана сложная сеть тренировочных лагерей и учебных центров, занимающихся подготовкой боевиков, которые по окончании обучения направляются в одну из «горячих точек» мира для ведения «джихада против неверных».

В России и странах СНГ террористические организации часто используют в качестве прикрытия благотворительную деятельность, эмиссары организаций распространяют исламскую фундаменталистскую идеологию, осуществляют подготовку функционеров панисламской и ваххабитской направленности, оказывают идеологическую, военную и финансовую поддержку сепаратистским структурам [6, с. 57]. Более того, исламистские террористические организации в последнее время стали рассредоточивать свои силы и средства, используя мелкие, не связанные друг с другом террористические группировки, действующие самостоятельно без указаний из «центра». Распад Советского Союза привел к образованию идеологического вакуума во всем мире, в том числе, на Кавказе, который стал быстро заполняться исламским фундаментализмом, догмами религиозного экстремизма и, в частности, его крайне радикальным направлением – «ваххабизмом», призывающим мусульман к «священной войне против неверных». Таким образом, в ряде регионов мира, включая Кавказ, развивается «глобальный джихад», у которого нет единого командования, но есть сплоченность действий и политическое планирование [7, с. 55]. Также для распространения фундаменталистских идей на Кавказе эффективно использовался институт паломничества, а также приглашение на учебу в зарубежных высших и средних теологических учебных заведениях, содействие в строительстве мечетей, теологических учебных заведений и др. методы [7, с. 63].

Основной причиной процесса распространения на постсоветском пространстве импортируемых извне идей исламского фундаментализма являлись сложившиеся в конце 80-х начале 90-х годов XX века материальные условия жизни му-

сультманского населения, которые сформировали морально-психологическую атмосферу в обществе, благоприятствующую росту влияния идей, созвучных исламскому фундаментализму [1, с. 52]. Обратимся подробнее к проблеме распространения террористических организаций на территории Южного Кавказа- в Грузии и Азербайджане.

Связи Азербайджана с международным терроризмом также берут начало с 1990-х, когда азербайджанская сторона, в ходе Карабахской войны привлекла боевиков и членов радикальных группировок из Афганистана, Турции, Чечни и других регионов [11]. Несмотря на поражение в войне Азербайджана, международные террористы начали «пускать корни» в стране, вербуя азербайджанцев, которые затем направлялись в Афганистан и на Северный Кавказ. В 1995-1996 годах в Азербайджане уже начали действовать ячейки террористических организаций «Джейшуллах» («Армия Аллаха»), «Аль-Каида», «Аль-Джихад», «Аль-Гамаа аль-исламийя» («Исламский террор»), «Гамаат аль-ихван аль-муслимин» («Общество «Братья-мусульмане») и др. Кроме того, столица Азербайджана использовалась террористами как перевалочный пункт на пути в горячие точки. Как результат, в конце 2000-ых в СМИ начала появляться информация о ликвидации уже азербайджанских террористов на территории Северного Кавказа, Афганистана и Ирака. Однако, самый серьезный и массовый наплыв азербайджанцев в состав террористических группировок был зафиксирован с началом Сирийского кризиса. Число граждан из Азербайджана в составе террористических группировок на территории Сирии по разным оценкам оставляет около 1000- 1500 человек [3]. Однако данная цифра видится заниженной, поскольку по данным СМИ, за последние 3-4 года в Сирии убито более 300 азербайджанских ваххабитов. При этом 14 марта 2014 года парламент Азербайджана внес поправки в законодательство, ужесточив меры наказания за наемничество и терроризм.

Одним из узловых пунктов транзита боевиков на Ближний Восток является территория Азербайджана и Турции. Кроме того, в ряды «Исламского государства» (ИГ, ранее – ИГИЛ, организация признана террористической и ее деятельность на территории России запрещена) уже попали сотни грузинских граждан. И в Грузии, и в Азербайджане очаги поддержки ИГ – депрессивные районы этих стран. Но и Грузия является не только транзитной страной для отправляющихся воевать в «Исламское государство» радикальных исламистов выходцев из национальных республик российского Северного Кавказа. В боевых действиях на Ближнем Востоке в составе ИГ и других джихадистских группировок активно участвуют также и грузинские граждане. И это не только кистинцы из Панкисии (Кахетия), но и все больше исповедующие ислам жители Аджарии, а также азербайджанцы из региона Квемо- Картли [5]. С целью борьбы с проблемой транзита террористов, в Грузии было объявлено об ужесточении режима въезда на территорию страны для граждан Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии. В результате, отказ во въезде в Грузию в рамках контртеррористических мер в 2016 году получили 750 иностранцев. Кроме того, СГБ Грузии в течении 2016 года активно работала над выявлением фактов финансирования террористических организаций и их интересов под прикрытием бизнес и благотворительных организаций [2].

По официальным данным за 2015 год в войне в Сирии принимают участие около 50 жителей Грузии. В Сирии и Ираке за последние годы погибли 24 уроженца Панкисского ущелья. С мая 2013 года военное руководство исламистов ИГ, воюющих в Сирии, было доверено уроженцу Панкисского ущелья Абу Умару аш-

Шишани (настоящее имя Тархан Батирашвили). Абу Умар аш-Шишани проходил военную службу в рядах грузинской армии, откуда был уволен по состоянию здоровья [4].

Учитывая сложившуюся ситуацию, необходимо констатировать недостаточность подобных мер властей Грузии и Азербайджана в борьбе с международным терроризмом, что в свою очередь представляет опасность для национальной безопасности третьей закавказской республики – Армении, где уровень террористических угроз пока является минимальным.

Между тем, борьба с терроризмом – это прежде всего заблаговременная оперативная работа, позволяющая выявлять террористические организации на стадии возникновения, а террористические акты пресекать на стадии планирования и подготовки. Для борьбы с терроризмом правоохранительные органы должны осуществлять ряд мероприятий, направленных на выявление фактов незаконной продажи огнестрельного оружия, боеприпасов, отравляющих веществ, сильнодействующих препаратов. С этими же целями полезны предпринимаемые государством меры по усилению охраны наиболее важных государственных объектов (вокзалов, аэропортов, коммуникаций), а также объектов по производству и хранению оружия массового уничтожения, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. Представляется важным усилить охрану складов с вооружением в воинских частях, которые наиболее часто становятся объектом нападения со стороны преступников с целью завладения огнестрельным оружием и боеприпасами.

Нужен также комплекс мер по перекрытию каналов поступления террористам финансовых средств. Правоохранительные органы должны быть способны идентифицировать и арестовывать людей, играющих роль узловых фигур (модераторов) в бандформированиях. По причине способности сетевой структуры спонтанно расти и самоорганизовываться, для того, чтобы разрушить сеть, удары по крупным узлам должны предприниматься синхронно [8, с. 161].

В рамках системы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе особую значимость приобретает принцип социальной ответственности СМИ. Стремясь повысить свою популярность, они зачастую становятся ретрансляторами террористических идей, не представляя до конца возможных последствий своих публикаций и их патогенного воздействия на массовую аудиторию [9; с. 491]. Нагляднее всего манипулятивные техники заметны в деятельности киберсообществ, отражающих оффлайновые экстремистские и террористические организации. Наибольшую известность получили Интернет ресурсы исламистских экстремистских и террористических организаций [9, с. 707].

Таким образом, только комплексный подход к решению проблемы может способствовать положительным подвижкам в борьбе с терроризмом на территории Южного Кавказа, на сегодняшний день являющегося уязвимым звеном в сети международного терроризма, как в качестве транзитного хаба, так и поставщика боевиков в зоны конфликтов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках научного проекта № 16YR-5F040.

Список литературы

1. Антонович И.И., Особенков О.М., Панкова Л.Н., Щегорцов В.А. Международный опыт профилактики терроризма. Предложения в сфере международного взаимодей-

ствия по противодействию распространения идеологии терроризма. М.: Университетская книга, 2010. 248 с.

2. В Грузию за год в рамках борьбы с терроризмом не пустили 750 человек// Радио «Спутник Грузия». 2017. 03 апр. URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20170413/235585293/V-Gruziju-za-god-v-ramkah-borby-s-terrorizmom-ne-vpustili-750-chelovek.html>

3. Верховный муфтий Сирии: На стороне террористов воюют почти 4000 граждан Турции и Азербайджана// Panorama.am. 2013. 29 окт. URL: <http://www.panorama.am/ru/news/2013/10/29/syria-azerbaijan-turkey/415656> Сиявуш Новрузов: «До 1000 молодых людей из Азербайджана являются членами различных экстремистских группировок за рубежом»// APA. 2015. 04 дек. URL: <http://ru.apa.az/politika-azerbaydjana/vnutrennyaya-politika/siyavush-novruzov-do-1000-molodykh-lyudej-iz-azerbajdzhana-yavlyayutsya-chlenami-razlichnykh-ekstremistskikh-gruppirovok-za-rubezhom.html>

4. Выходцы с Кавказа в рядах ИГ// «Кавказский Узел». 2017. 08 сент. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/251513/>

5. ИГИЛ в Грузии чувствует себя вольготно// PolitRus.com. 2015. 21 ноября. URL: <http://www.politrus.com/2015/11/21/georgia-isis-4/> Нужно ли Грузии бояться ИГ// Агентство «Росбалт». 2015. 23 ноября. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2015/11/23/1463897.html> В Грузии активизировались радикальные исламисты // Газета «Коммерсантъ». 2015. 06 апр. URL: <http://kommersant.ru/doc/2702992>

6. Нестрик В., Соснин В. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: ИП РАН, 2008, 240 с.

7. Романченко Н. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно- политических организаций на Северном Кавказе. М.- Ростов-на-Дону.: Социально-гуманитарные знания, 2011.

8. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. 216 с.

9. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие. Рук. авт. колл. Дибиров А., Сафаралиев Г. Махачкала.: 2009. 918 с.

10. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (последняя редакция)

11. Харалампидис И. Спонсированные на убийство: Наемники и террористические сети в Азербайджане. М.: Изд. «МИА», 2013, 28 с.

СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Межлумян Н.С.

доцент кафедры управление персоналом, канд. социол. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита

Полутова М.А.

доцент кафедры управление персоналом, канд. социол. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита

В статье рассматривается система профессионального развития на муниципальной службе в Российской Федерации и в Забайкальском крае. Проведен теоретический обзор понятия профессиональное развитие. Показано, что внедрение методов обучения с применением информационных технологий имеют определенную экономическую эффективность.

Ключевые слова: обучение, профессиональное развитие, управление профессиональным развитием, дистанционное обучение, повышение квалификации, муниципальный служащий.

Институт муниципальной службы играет огромную роль в жизни общества. От того, насколько организована его работа, зависит эффективность муниципального управления. Высокий уровень профессионализма муниципальных служащих, может обеспечить эффективное осуществление муниципальной политики в современных условиях. Кадры муниципальной службы должны быть готовыми и способными адекватно и оперативно реагировать на изменение условий её функционирования, к принятию необходимых решений. Организованный и целенаправленный процесс овладения и постоянного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков необходимы для успешного выполнения задач, возложенных на органы местного самоуправления населением и государством [2, с.119].

Особая роль в решении данной задачи должна принадлежать системе обучения муниципальных служащих. За последние годы отмечается как повышение профессионального уровня кадров, так и возросший интерес к обучению.

Профессиональное развитие обеспечивается непрерывным повышением квалификации, что является должностной обязанностью муниципальных служащих и одним из условий как конкурсного отбора в резерв на иные должности, так и установления оплаты труда.

Управление профессиональным развитием предполагает планирование и контроль выполнения планов. План индивидуального развития представляет собой перечень мер по обучению и должностному продвижению работника. План разрабатывается кадровой службой и включает в себя следующие разделы: определенные задачи и мероприятия по их решению, сроки исполнения, формы отчетности [1, с. 6].

Квалификационные требования, предъявляемые к муниципальным служащим в части их профессионального образования (установленные федеральным законом «Об основах муниципальной службы»), предполагают наличие соответствующего группе должностей уровня профессионального образования.

Реализация принципа профессионализма и компетентности на муниципальной службе обеспечивается системой профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих.

Администрация городского округа «Город Петровск-Забайкальский» – исполнительно-распорядительный орган, наделенный Уставом городского округа «Город Петровск-Забайкальский» полномочиями по решению вопросов местного значения городского округа «Город Петровск-Забайкальский» и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления «Город Петровск-Забайкальский» федеральными законами и законами Забайкальского края.

В структуру органов местного самоуправления городского округа «Город Петровск-Забайкальский» входят:

- Дума городского округа «Город Петровск-Забайкальский»;
- глава городского округа «Город Петровск-Забайкальский»;
- Администрация городского округа «Город Петровск-Забайкальский»;
- контрольно-счетный орган городского округа «Город Петровск-Забайкальский».

Исходя из документальных данных, предоставленных администрацией города, по состоянию на 31.04.2016 года списочная численность работников Администрации городского округа «Город Петровск-Забайкальский» составляет 66 единиц, если сравнивать с 2014 годом, то численность персонала осталась неизменной. Для поддержания высокого уровня профессионализма в Администрации городского округа «Город Петровск-Забайкальский» используются такие методы развития, как курсы повышения квалификации и «Наставничество». Такие виды дополнительного профессионального образования, как стажировка и обучение за пределами Забайкальского края, используются весьма слабо, из-за отсутствия материальных средств, связанных с командировочными затратами муниципальных служащих.

Сегодня актуальной проблемой является проблема дополнительного финансирования профессионального образования муниципальных служащих. В данной ситуации перед государством стоит целый комплекс проблем, решением которого является создание современной системы переподготовки, повышения квалификации.

Понимая всю важность данных проблем, нами было проведено исследование с целью перспектив и возможностей развития работников.

На вопрос «Как вы оцениваете свой уровень знаний для квалифицированного выполнения служебных обязанностей?» – 75 % респондентов ответили, что вполне довольны, 25 % – недостаточный. 53 % опрошенных испытывают потребность в продолжении образования и повышении квалификации, 27 % – не испытывают, 20 % – не задумывались над этим. На вопрос «Что бы вы хотели получить от профессионального обучения?» – 45 % респондентов, ответили, что хотели бы получить специальные знания, 25 % – повышения уровня заработной платы, 17 % – повышения в должности, 13 % – расширение кругозора.

С целью оценки удовлетворенности муниципальных служащих организацией обучения, было проведено анкетирование, в котором приняли участие 30 муниципальных служащих, прошедших обучение за последние три года.

В целом удовлетворены организацией обучения 25 (85%) респондентов. Практически все опрошиваемые высказали удовлетворенность формами и методами обучения – 24 (81%) участников анкетирования. 22 (74%) муниципальных служащих отметили, что содержание программ повышения квалификации соответ-

ствуется ожиданиям. Более 80% респондентов (24 чел.) считают, что повышение квалификации не дает муниципальным служащим возможности продвижения по карьерной лестнице.

Методы развития муниципальных служащих Администрации городского округа «Город Петровск-Забайкальский» являются универсальными, то есть применяемыми в большинстве муниципальных образованиях, общепризнанными методами повышения квалификации, и широкое распространение данных методов вполне очевидно и обосновано.

Развитие инновационных форм организации обучения следует из целесообразности и возможности внедрения передовых образовательных технологий, связанных с применением дистанционного обучения.

Результатом внедрения системы дистанционного обучения муниципальных служащих является сокращение временных и материальных затрат, охват большего количества муниципальных служащих, нуждающихся в переподготовке и повышении квалификации. Немаловажным аспектом использования дистанционной формы обучения является снижение денежных расходов на выездное обучение муниципальных служащих. Дистанционное обучение или дистанционные курсы повышения квалификации станут эффективным инструментом в области развития муниципальных служащих. В зависимости от графика учебного процесса, муниципальный служащий будет способен совмещать и учёбу, и выполнение своих должностных обязанностей. Проведение дистанционных курсов, возможно осуществлять в форме вебинаров, с использованием Интернет-программы «Скайп».

Однако, наряду с дистанционным образованием, необходимо внедрить видео-уроки, On-lin консультации – общение в программах типа ICQ и Skype.

Проведение специальных мероприятий, в том числе и конкурса на звание «Лучший муниципальный служащий», где главным призом может служить повышение по службе. Подобные мероприятия способствуют повышению мотивации муниципальных служащих к самообразованию, поскольку не является секретом то, что муниципальные служащие не уделяют должного внимания самостоятельным занятиям для профессионального роста. Причин может быть несколько: это и нехватка времени, и отсутствие мотивации. Однако, повысить заинтересованность в обучении персонала муниципальной службы возможно путем проведения данных мероприятий: создание интерактивных образовательных курсов, содержащих как теоретический материал, так и кейсы, направленные на решение актуальных вопросов.

Кейс – метод является эффективной технологией для развития муниципальных служащих, так как способствует освоению не только теоретической информации, но и обучает умениям решать проблемы творчески.

Таким образом, совершенствование профессионального развития муниципальных служащих включает:

- дистанционное обучение служащих;
- проведение специальных мероприятий, направленных на повышения уровня мотивации самообразования, например, конкурса на звание «Лучший муниципальный служащий»;
- создание электронных образовательных интерактивных курсов;
- включение кейс-задач.

Безусловно, методы обучения с применением информационных технологий имеют экономическую эффективность. Однако при таком обучении происходит

ограничение контакта с преподавателями в процессе получения знаний, что не позволяет повышать интерес к изучаемому материалу. В связи с этим, мы считаем, что необходимо развивать такую форму как межмуниципальное обучение.

Необходимо создать сеть межмуниципальных методических центров, обеспечивающих проведение программ подготовки, а также поддержку и сопровождение кадров органов местного самоуправления. Программы обучения должны разрабатываться с учетом актуальных потребностей муниципальных образований.

Итак, система профессионального развития муниципальных служащих Администрации городского округа «Город Петровск-Забайкальский» вполне эффективна, сочетает в себе как теоретические, так и практические занятия, направленные на повышение уровня компетенции персонала муниципальной службы.

Однако система профессионального развития в Администрации городского округа «Город Петровск-Забайкальский» имеет место и для совершенствования, путем использования инновационных методов развития служащих. Данные методы заключаются во внедрении дистанционного обучения, создание интерактивных образовательных курсов, содержащих большое количество различных кейс-задач.

Список литературы

1. Богдан Н.Н., Парфенова И.Ю. Управление персоналом: рабочая тетрадь: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2002. 195 с.
2. Кудин А.С., Зотова А.А. О правовых аспектах профессиональной переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – №1. – С. 119-123.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
4. Закон Забайкальского края от 24 декабря 2008 г. N 108–33К «О муниципальной службе в Забайкальском крае».

ТЕХНОЛОГИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПРАКТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РЕЗЕРВИРОВАНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Теплова Я.Н.

студентка гр. ГМУ-31МЗ,
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Россия, г. Ярославль

В статье рассмотрено понятие кадрового резерва как деятельности с описанием конкретных шагов и техник их реализации применительно к государственной гражданской службы Российской Федерации.

Ключевые слова: процессный подход, кадровый резерв, государственная гражданская служба, этапы кадрового резервирования.

Процессный подход, обозначенный как методологическая основа, предполагает, что существуют основные этапы кадрового резервирования, каждый из которых необходим и создает дополнительную ценность для заказчика.

Заказчиком в этом случае является либо орган власти в лице его руководителя, либо как минимум непосредственный линейный руководитель резервиста.

Именно эти люди становятся главным звеном, которое оценивает полученный «продукт» – резервиста.

Всю систему работы с кадровым резервом можно условно разделить на этапы и строить ее в соответствии с целями и задачами органа власти, адаптируя или видоизменяя их в соответствии с конкретной ситуацией, финансовыми возможностями органа власти и стратегией его развития. Вариативным и соответствующим тому или этапу развития страны является технология содержательного практического наполнения этих этапов.

Одной из главных задач *первого этапа* при формировании кадрового резерва является построение эффективной системы работы с резервистами. Для ее решения необходимо определить потребности в замещении вакантных должностей на планируемый период времени и выработать принципы отбора резервистов.

На *втором этапе* основная задача – это разработка системы конкурсного отбора на замещаемые должности, причем конкурс проводится в зависимости от потребностей компании как среди внешних специалистов (резерв субъекта федерации), так и среди своих сотрудников (конкретный орган власти).

На *третьем этапе* ставится задача развития профессиональных навыков и знаний резервистов, необходимых им для успешной работы в резервируемой должности и оценки эффективности работы с кадровым резервом. Для ее решения в идеальном варианте разрабатывается программа корпоративного образования, частью которой является подготовка специалистов кадрового резерва. Такая программа в зависимости от нужд органа власти может включать тренинги и семинары, конференции и стажировки, а также второе высшее образование или обучение по программе МВА, МРА.

Задача *четвертого этапа* – так называемая обкатка резервистов или построение системы приобретения резервистами практического опыта работы по резервируемой должности. Сюда входят замещение резервируемого сотрудника при отсутствии его на работе по различным причинам, приобретение резервистом опыта общения с подчиненными резервируемого. В идеальном варианте после прохождения цикла практической подготовки, срок которого определяется для каждой должности индивидуально, резервист должен уметь справляться с задачами резервируемого в течение продолжительного времени и выполнять весь комплекс работ по данной должности.

Для определения принципов и правил кадрового резервирования органу власти необходимо провести ряд организационных мероприятий на первом – подготовительном этапе:

- избрать оценочную комиссию, согласовать критерии и требования ее работы, обучить ее выполняемым видам деятельности;
- определить должности, которые подлежат кадровой замене, или перспективные направления развития с гипотетической кадровой структурой;
- разработать регламент проведения процедуры формирования и развития кадрового резерва;
- принять Положение об этой процедуре;
- разработать технические документы и формы для заполнения как на подготовительном этапе работы, так и для работы комиссии и обратной связи с резервистами;
- провести информационную кампанию в ответственных за этот процесс подразделениях;

- назначить заказчиков этого процесса и его координаторов;
- разработать список кандидатов в кадровый резерв, а также провести с ними разъяснительную работу.

Общим местом в кадровом менеджменте является типология резервирования: по статусному критерию – резерв специалистов и резерв руководителей; по функциональному критерию – резерв развития (подготовка резерва кадров для перспективных проектов) и резерв замещения (подготовка резерва кадров для замещения работников, получающих право на пенсию или покидающих предприятие по любым другим причинам).

Таким образом, можно отметить, что должен существовать и перечень должностей, которые подлежат резервированию, и определяется конкретное количество резервистов для каждой должности.

Кроме того, известно, что реальные условия жизни изменчивы, поэтому должно предусмотреть некую текучесть кадров из утвержденного резерва ввиду их выбытия по разным причинам, в том числе как не оправдавших надежд. Добавим, что такие решения должны быть приняты как на уровне органов власти, так и на уровне субъекта в целом.

Также необходимо отметить, что целевой аудиторией кадрового резервирования является группа сотрудников, которые потенциально способны к занятию вакантной или вновь создаваемой позиции (или же к определенной профессиональной или управленческой карьере), которая отвечает требованиям, предъявляемым должностью того или иного ранга, подвергшихся конкурсному отбору и прошедших систематическую целевую квалификационную подготовку.

Также необходимо взять во внимание процесс комплектования кадрового резерва, при этом обращая внимание на его конкурсный характер.

Здесь возможно отметить 5 основных критериев конкурсности: опыт работы, возраст, образование, мотивация и профессионализм.

Контроль опыта работы необходим не на всех должностях, но существует такая работа (например, высокий уровень руководства), в которой отсутствие опыта вообще или какого-то конкретного становится серьезной помехой для эффективного выполнения служебных обязанностей.

Но, необходимо отметить, статистика бизнес-организаций показывает, что это требование может быть на определенных должностях переведено в разряд «преимущественных», «желательных» и т.д.

Далее можно выделить, что возрастные ограничения связаны с тем, что кадровое резервирование – это процесс, который требует времени как на подготовку резервиста, так и на перспективность процедуры занятия должности (как в случае замещения уже существующей должности, так и при открытии вакансии).

Это означает, что должен быть указан определенный оптимальный возрастной «потолок» для возможного кандидата, возможно, даже свой для каждой должности и достаточно высокий для перспективного резерва.

Таким образом в кадровом менеджменте называют цифры 25-35 лет как оптимальный возраст для занятия позиции руководителя среднего звена и 45 лет – для высшего.

Требование профильного образования сегодня является столько же общим местом в кадровом менеджменте, сколько и аргументация того факта, что таковое на государственной гражданской службе продолжает оставаться исключением из всех правил.

Таким же образом решается проблема с требованием мотивации. Этот критерий хотя и является оптимально субъективным, однако практикой доказано, что сотрудник, который не ориентирован на профессиональный или должностной рост, может и не показать ожидаемых от него результатов при занятии вакантной позиции независимо от уровня «входного» профессионализма.

Самым простым способом выяснить данный факт является процедура самовыдвижения кандидатов. Альтернативой для нее может стать анкетирование (опрос) кандидатов в случае выдвижения их в кадровый резерв непосредственными линейными руководителями.

Для обоих вариантов включения в список кандидатов можно использовать также хорошо зарекомендовавшие себя тесты выявления уровня мотивации достижений и многофакторные тестовые методики (12-факторный мотивационный опросник).

Также необходимо отметить, что новейшей и не опробованной в условиях государственной службы является технология выявления уровня профессионализма кандидатов. Эффективно построенная и работающая технология конкурсного отбора гарантирует «входной профессионализм», а квалификационная аттестация и экзамен – его поддерживаемый уровень. Так, данные технологии в работающем варианте могли бы дать рациональное основание для возможности включения кандидата в кадровый резерв. Но при этом до сих пор эти технологии существуют независимо от оценки уровня эффективности и результативности деятельности государственного служащего.

Таким образом, были рассмотрены основные задачи основных этапов кадрового резервирования, каждый из которых необходим и создает дополнительную ценность для органов власти.

Список литературы

1. Соколова Е.А. Кадровый резерв – эффективный инструмент наращивания потенциала компании // Управление человеческим потенциалом. – 2010. – № 3. – 184-189 с.
2. Сенченко В. Крепить кадровые тылы // Справочник по управлению персоналом. – 2011. – № 4. – 50-52 с.

ЭТНОПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Хасеева Е.Я.

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассмотрен организационно-управленческий аспект регулирования и мониторинга межэтнических отношений в Российской Федерации. Проблема является крайне актуальной для полиэтнического государства, испытывающего также влияние миграционных потоков. Соответствующие органы создавались и упразднялись множество раз, но была ли выстроена эффективная система регулирования рассматриваемой сферы?

Ключевые слова: этнос, этнополитика, межэтнические отношения, мониторинг межэтнических отношений, орган государственной власти.

Проблема регулирования межэтнических отношений и их мониторинга в Российской Федерации тесно связана с организационно-управленческим аспектом:

за годы существования самого государства уполномоченные в данной сфере органы меняли свои наименования, функции, упразднялись и создавались вновь не один раз.

Несмотря на внушительную историю институциональных преобразований федеральных органов управления, закономерностью остается следующее: в органах государственной власти РФ традиционно существует два центра, где сконцентрирована работа по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений – это Администрация Президента и правительство. Законотворческой же деятельностью по данному вопросу занимается комитет Государственной Думы по делам национальностей [1].

В настоящий момент структурным подразделением Администрации Президента, которое обобщает и представляет Президенту и руководителю Администрации Президента предложения по вопросам федеративных отношений, региональной политики, организует и обеспечивает взаимодействие главы государства с общественными и религиозными объединениями, иными структурами гражданского общества, является Управление Президента по внутренней политике [6].

При Президенте также функционирует образованный в 2012 году Совет по межнациональным отношениям. Основными задачами Совета являются рассмотрение концептуальных основ, целей и задач этнополитики; определение способов, форм и этапов ее реализации; обсуждение практики реализации этнополитики; подготовка предложений Президенту по определению ее приоритетных направлений; обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций по вопросам межэтнических отношений [4].

Если же рассматривать конкретно функцию мониторинга межэтнических отношений, то она возложена на орган, подведомственный Правительству Российской Федерации – Федеральное агентство по делам национальностей. Это федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по реализации государственной этнополитики и реализации государственных и федеральных целевых программ в сфере межэтнических отношений, образованный в 2015 году согласно указу Президента РФ.

Создание ФАДН ведущие российские эксперты в целом оценили как верное и давно назревшее решение. Так, генеральный директор Центра политической информации А. Мухин, заявил, что новое федеральное ведомство должно быть наделено чрезвычайными полномочиями в оперативном разрешении конфликтов.

Вице-президент Центра стратегических коммуникаций Д. Абзалов высказал мнение о том, что главной задачей нового ведомства должна стать разработка долгосрочной стратегии в сфере межэтнических отношений. Он полагает, что именно отсутствие четкой стратегии стало причиной признанного лидерами Евросоюза провала политики мультикультурализма. Эксперт также считает, что межэтнические и межконфессиональные отношения – один из важнейших внутривнутриполитических вопросов для многих стран мира, о чем свидетельствуют недавние беспорядки в американском городе Фергюссоне и трагедия в редакции французского журнала Charlie Hebdo.

Президент Института национальной стратегии М. Ремизов отнесся к созданию ФАДН более сдержанно. По его мнению, одно ведомство – будь то министерство или агентство – не в состоянии решить весь комплекс проблем в этой сфере,

поскольку это требует координации работы целого ряда органов власти – начиная Министерством образования и заканчивая Министерством внутренних дел, а то и Федеральной службы безопасности. Поэтому приоритетной задачей агентства, по мнению эксперта, должны стать именно вопросы мониторинга межэтнических отношений [5].

Так или иначе, само по себе возвращение к идее создания самостоятельного органа по межэтническим отношениям говорит о том, что государство сегодня достаточно ясно понимает всю стратегическую важность сохранения мирного сосуществования различных народов в Российской Федерации, особенно на фоне трагических и кровавых событий в Украине, где, используя ресурсы мобилизованной этничности, антисистемные силы смогли достаточно легко и быстро свергнуть легитимную власть.

Агентство, помимо прочих широких полномочий, осуществляет государственный мониторинг и анализ реализации государственной этнополитики; состояния межэтнических и межконфессиональных отношений, укрепления единства народа Российской Федерации, обеспечения межэтнического согласия; этнокультурного развития народов Российской Федерации и реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническим общностям России; защиты прав этнических меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации; эффективности осуществления полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами в сфере реализации государственной этнополитики [3].

Система мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в трактовке ФАДН представляет собой комплекс организационных, методических и технических мероприятий, направленных на решение задач по наблюдению, сбору и анализу данных по научно обоснованным критериям, показателям и индикаторам, позволяющим оперативно оценивать ситуации в различных сферах, влияющих на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений. Главными результатами данной деятельности должны являться: принятие обоснованных управленческих решений в сфере реализации программы; оценка эффективности деятельности органов власти по реализации программы и оперативное реагирование на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций.

Разработанная агентством система предусматривает осуществление мониторинга с использованием 28 индикаторов конфликтности межэтнических отношений, разделенных на такие категории как «Среда и ресурсы», «Демография и миграция», «Власть, государство и политика», «Экономика и социальная сфера», «Культура, образование, информация», «Контакты», «Стереотипы», «Внешние условия» [7, с. 103].

Основными источниками сбора информации для осуществления мониторинга являются статистические данные; отчеты и донесения по различным вопросам этнополитики; экспертные заключения и оценки; данные социологических исследований; справочные данные; отчеты и доклады для руководителей, принимающих решения. Все поступающие в режиме реального времени сообщения, отчеты и донесения обрабатываются Системой мониторинга в автоматизированном режиме. Система классифицирует каждое сообщение в привязке к ситуации [7, с. 103]. Представляется логичным, что данные мониторинга межэтнических отношений должны служить основой для принятия своевременных управленческих решений.

Долгожданное и необходимое по мнению многих исследователей создание единого федерального органа с полномочиями в данной сфере вызывает надежды, что «молодое» ведомство сумеет положить конец затяжному периоду организационной неопределенности, рассеивания полномочий в сфере этнополитики и продемонстрировать эффективную работу.

Список литературы

1. Комитет по делам национальностей [Электронный ресурс] / Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации – URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru/> (дата обращения 04.04.2017).
2. О мониторинге состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей – URL: [http://fadm.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/136/original/present_gis_3.09\(1\).pdf?1441726213](http://fadm.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/136/original/present_gis_3.09(1).pdf?1441726213) (дата обращения: 06.04. 2017).
3. Положение о Федеральном агентстве по делам национальностей [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей – URL: <http://fadm.gov.ru/agency/polozhenie-ob-agentstve> (дата обращения: 08.04.2017).
4. Совет по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: <http://kremlin.ru/structure/councils#institution-28> (дата обращения: 12.04.2017).
5. Создание ФАДН [Электронный ресурс] / Полит. Образование – URL: <http://lawinrussia.ru/content/v-bashkirii-funkcii-monitoringa-fadm-vozlozheny-na-centr-gumanitarnyh-issledovaniy> (дата обращения: 12.04.2017).
6. Управление Президента по внутренней политике [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Российской Федерации – URL: <http://kremlin.ru/structure/administration/departments#department-1009> (дата обращения: 13.04.2017).
7. Хайкин С. Р. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей [Текст] / С. Р. Хайкин, С. Б. Бережкова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВЫСТАВОЧНО-КОНГРЕССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Шаброва В.И.

студентка гр. ГМУ-31МЗ, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль

В статье рассматривается роль развития выставочно-конгрессной деятельности для экономического роста региона. Развитие конгрессной и выставочно-ярмарочной деятельности – важнейшее направление для российской экономики. Выявлены положительные стороны влияния выставочно-конгрессной деятельности на экономическое развитие региона.

Ключевые слова: выставочно-ярмарочная деятельность, конгрессно-выставочная деятельность, конгрессная деятельность, регион, экономическое развитие региона, экономика региона.

Выставочно-конгрессную деятельность можно определить как предпринимательскую. Она направлена на создание благоприятных условий для обмена инфор-

мацией, деловых и научных контактов с целью установления и развития отношений между изготовителями товаров, поставщиками услуг и потребителями товаров и услуг, осуществляемая в процессе организации и проведения конгрессных мероприятий. При этом определяя характер выставочной деятельности, выделяется непосредственно предпринимательство в сфере выставочных услуг, которые осуществляются с целью содействия становлению и развитию отношений торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества, обеспечивающее прямую взаимосвязь и развитие воспроизводственных процессов в обществе [4].

В новых современных условиях хозяйствования регионы оказались активными участниками международных связей. Для многих из них выставочно-ярмарочная деятельность стала доминирующим фактором экономического развития, расширяющим спрос на продукцию, средством интеграции в мировое хозяйство.

В соответствии с Концепцией развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в РФ [1], определившей это направление как перспективное для развития экономики страны, в ряде субъектов Российской Федерации (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Нижегородская область, Тверская область, Костромская область, Самарская область, Мурманская область, республики Карелия и Чувашия и др.) разработаны, подготовлены и приняты концепции, программы и планы развития конгрессно-выставочной деятельности, что на уровне региона, способствует продвижению местных товаропроизводителей и предоставляемых ими услуг на российском и зарубежном рынках, увеличивает поступления в бюджет.

Выставочно-конгрессная индустрия в регионах страны растет и реализует свой потенциал, свидетельством чего является развитие материально-технической базы. За последние годы введены в эксплуатацию или планируются к вводу новые выставочно-конгрессные комплексы. Например, в 2013-2015 гг. введены в эксплуатацию специализированные площадки в Санкт-Петербурге, Воронеже, Новгороде, Красноярске, Уфе, Владимире, Ростове-на-Дону и Краснодаре [2].

Конгрессную индустрию по своей природе можно отнести к инновационной инфраструктуре, и в таком случае, она является важнейшим инструментом развития экономики региона. Выставочно-конгрессная деятельность сформировалась как самостоятельная, динамично развивающаяся индустрия, имеющая собственные механизмы реализации, инфраструктуру, материально-техническую базу и специализированные кадры. В конгрессную индустрию вовлечены тысячи организаций промышленности, телекоммуникаций, сферы услуг.

Проведение конгрессных мероприятий престижно, что стимулирует научный и деловой обмен, экономический рост, способствует распространению инноваций, приносит существенные экономические выгоды региону. Конгрессная индустрия играет важную роль в развитии российских регионов.

На региональном уровне выставочно-конгрессная деятельность реализует конкурентный потенциал территорий и формирующихся инновационных высокотехнологичных кластеров, расширяя доступ к инновациям, технологиям, совместным кооперационным проектам [7].

Значение и привлекательность российских регионов в экономическом, финансовом и политическом отношении постоянно возрастают. Соответственно, должна расти и роль региональных выставок, проводимых на территории РФ. В настоящее время в выставочно-конгрессионной деятельности, в особенности региональной, отсутствует концептуальный подход федеральных органов исполнитель-

ной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации, ТПП РФ и региональных ТПП к организации экспомероприятий, имеющих особо важное значение для экономики РФ в целом [6].

Так же выставочная деятельность вносит значительный косвенный вклад в валовый региональный продукт. Привлекая сотни тысяч участников и посетителей выставок, конгрессно-выставочные центры загружают гостиничную, транспортную, ресторанный и прочую инфраструктуру крупных городов и регионов. Тем самым они генерируют денежные поступления от широкого спектра сервисных услуг и способствуют пополнению валового регионального продукта и увеличению налоговых поступлений в бюджеты регионов и в консолидированный бюджет Российской Федерации.

Однако вопросы развития выставочно-конгрессной сферы в регионах исследованы недостаточно глубоко и системно, в научной литературе отсутствует системный подход к изучению регионального аспекта формирования конгрессного кластера, недостаточно статистических данных и практических исследований, необходимых для построения региональных моделей управления выставочно-конгрессной деятельностью [5].

Регион, на территории которого проводятся выставки, ярмарки и конгрессные мероприятия, кроме основного экономического эффекта, получает также выгоды так называемого «нематериального характера». Проведение выставочно-конгрессных мероприятий престижно, стимулирует деловой и научный обмен, деловое сотрудничество, влияющее на развитие региональной экономики, создание дополнительных рабочих мест и обеспечивает рост престижа региона на национальном и мировом уровнях.

Развитие конгрессной и выставочно-ярмарочной деятельности – важнейшее направление для российской экономики. Выставки направлены на то, чтобы помогать модернизации промышленности, чтобы привлекать современные технологии в производство, а также на то, чтобы оказывать услуги населению [3].

По экспертным оценкам, бюджетная эффективность от проведения выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятий складывается из многих показателей, среди которых: денежные поступления от аренды площадей, оборудования, грузоперевозок; издательская и полиграфическая деятельность, проживание участников и гостей мероприятий, организация питания в кафе и ресторанах, проезд на транспорте, услуги связи, организация экскурсий и т.д., что влечет за собой увеличение налогов в бюджеты регионов и в консолидированный бюджет Российской Федерации.

Выставочно-конгрессная деятельность в настоящий момент, к сожалению, слабо развита в большинстве регионов Российской Федерации. Однако, как показала практика, роль выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности как фактора экономического развития региона в имеющихся условиях значительно возрастает, и регионам следует давать все возможности для внедрения и дальнейшего развития выставочно-конгрессной деятельности.

Список литературы

1. Концепция развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2014 г. N 1273-р.
2. Перспективы развития конгрессной индустрии в России. [Электронный ресурс]. URL: http://rnc-consult.ru/publications/publications-1_15.html.

3. Аселедченко О. М. Развитие выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в условиях конкурентной борьбы и увеличении потребностей // Молодой ученый. – 2017. – №2. – С. 358-361.
4. Гусев Э.Б. Основы выставочной деятельности: учебное пособие / Э.Б. Гусев, В.А. Прокудин, А.Г. Салашенко. – М.: РЭА им. Плеханова, 2003. – 134с.
5. Зуева С.В. Оптимизация расходов на реализацию выставочно-конгрессной деятельности органов исполнительной власти региона. // Финансовая экономика и современное государство: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 174 с.
6. Карлина, М.М. Значение конгрессной и выставочной деятельности в формировании инновационного имиджа региона. – Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. – 2013. №2.
7. Педыч Л.П. Управление конгрессной деятельности как фактором инновационного развития региона. // Автореферат диссертации. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy-lib.com/upravlenie-kongressnoy-deyatelnostyu-kak-faktorom-innovatsionnogo-razvitiya-regiona-1>

Подписано в печать 09.10.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,71. Тираж 500 экз. Заказ № 264
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а